

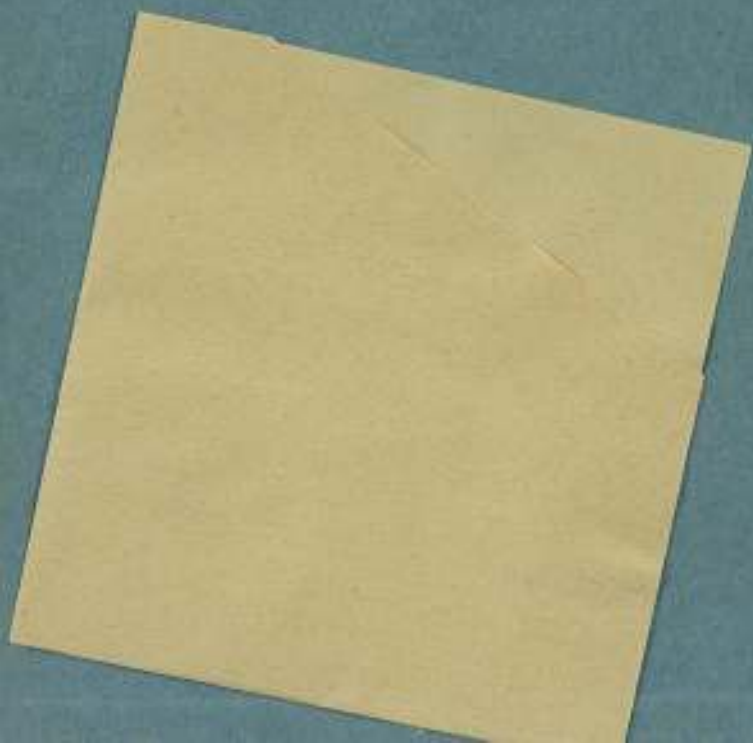
А. ПОГОСОВ

ДОКУСФЕРА

Высокими
широтами

ОГНЕ—СЕВОВАГНЗ—1937

37-3
1279

А. ПОГОСОВ

ДОКУСФЕРА

ВЫСОКИМИ ШИРОТАМИ

ОЧЕРКИ

СЕВЕРНОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

АРХАНГЕЛЬСК

1937

А. ПОГОСОВ

ВЫСОКИМИ ШИРОТАМИ

Севгиз 1937 — Архангельск

ДОКУСФЕРА

Книга написана участником высокоширотной полярной экспедиции, организованной Управлением Главсевморпути в 1935 году на ледокольном пароходе „Садко“. Книга состоит из очерков, в живой, увлекательной форме описывающих всю историю похода, его задачи и достижения.

Фото автора

Вступление

Эта книга написана о „Садко“, вернее — о высокоширотной научной экспедиции 1935 года. Автор был участником экспедиции. В очерках, входящих в книгу, последовательно описана почти вся история похода, его цель и результаты.

В ряду многочисленных экспедиций Глывсевморпути, поход „Садко“ в высокие широты полярного бассейна занимает особое положение как по характеру заданий, так и по своему маршруту. Не случайна, поэтому, тщательная подготовка экспедиции: ее снабжение, превосходное по качеству и количеству научное оборудование и, наконец, подбор состава экспедиции и экипажа.

В план „Садко“ входило, главным образом, изучение навигационных условий, более углубленная постановка ледовых прогнозов, изучение районов, являющихся ключами к пониманию физико-географических условий полярного бассейна; изучение „белых пятен“ на карте полярного бассейна.

Маршрут намечался следующий: Архангельск, Шпицберген с заходом в Мурманск и Баренцбург за углем; затем северная часть Гренландского моря, районы севернее Шпицбергена, огибание Шпицбергена, Земли Франца-Иосифа с севера, заход в Русскую Гавань за специально завезенным туда для „Садко“ углем; затем вокруг мыса Желания, мимо островов Визе, северной частью Карского моря к мысу Молотова.

Возвращение — Карским морем в Архангельск. Изменение маршрута и поправки во время самого плавания допускались сообразно условиям.

В основном экспедиция должна была решать вопросы предвидения ледовой обстановки задолго до начала навигаций, ибо, по мнению полярных исследователей, ледовый режим Арктики зависит во многом от мощного теплого течения Гольфстрима, берущего начало у берегов Мексиканского залива и омывающего северный берег Европы. Существование какого-то определенного закона, в силу которого колеблется температура вод Гольфстрима, а также влияние этих вод на льды полярных морей и должна была установить экспедиция, проделав с этой целью ряд гидрологических, гидрографических и гидрохимических наблюдений на всем протяжении между Шпицбергенем и Северной Землей, к северу от 80-й параллели.

Далее перед экспедицией стояла задача проверить существование Великой северной полыньи, наличие которой утверждал Н. Н. Зубов, возглавлявший научную часть экспедиции, а также Земли Джиллиса. Кроме того, определить интенсивность Нордкапского и Шпицбергенского течений по сравнению с прошлыми годами; выявить границы гринландских льдов так называемой китовой бухты; составить схемы течений северной части Гренландского моря; решить вопрос о „пороге Нансена“ (между северными оконечностями Шпицбергена и Гренландии) и, как следствие вопроса, о проникновении атлантических вод в полярный бассейн.

Среди участников экспедиции были представлены следующие специальности: 1) гидрология, 2) химия, 3) биология, 4) геология, 5) геофизика, 6) метеорология 7) подрывное дело, 8) гравиметрия, 9) гидрография, 10) кораблестроение.

При условии удачного разрешения задач, поставленных перед экспедицией, вопросы прогноза погоды,

предугадывания ледовой обстановки Арктики должны были получить свое разрешение уже не на отдельных, хорошо изученных участках, а на всем полярном бассейне.

Итоги экспедиции:

1. Установлен мировой рекорд свободного проникновения в высокие широты полярного бассейна: достигнуто $82^{\circ} 41'$, 6 с. ш.

ДОКУМЕНТАРНО

2. Исследовано полностью „белое пятно“ треугольника: Земля Франца-Иосифа—Северная Земля—остров Визе.

3. Обнаружено обширное мелководье в центре треугольника, которому дано название мелководье „Садко“.

4. Открыт остров на $80^{\circ} 54'$ с. ш. и $79^{\circ} 10'$ в. д., названный островом Ушакова. Заснята его северо-восточная часть.

5. Вблизи Северной земли, около мысов Литвинова и Фрунзе открыты три небольших острова.

6. К северу от Шпицбергена, в районе 82° с. ш., при проверке существования Земли Джиллиса, в общем исследована значительная часть „белого пятна“.

7. Обслуживался трансарктический перелет Леваневского. Прогнозы погоды, аэро-и метеосводки для Леваневского в основном собирались высокоширотной экспедицией.

8. Достигнуты большие океанические глубины.

9. План выполнен вместо четырех в три месяца.

10. Судно вернулось в полном порядке и уже через 10 дней пошло на Шпицберген.

Научные результаты экспедиции таковы:

За 85 дней „Садко“ прошел около 6500 миль, из них около 3000 за 80-й параллелью, охватив комплексными научными и исследовательскими работами значительную часть Арктики.

На протяжении 2400 миль плавания определено и нанесено на карту состояние льда; произведен ряд измерений толщины льда, высоты торосов и айсбер-

гов; выброшено 40 буев для определения дрейфа льда. Произведена морская опись на протяжении свыше 100 миль (Северовосточная Земля—Шпицберген, остров Ушакова, остров у мыса Литвинова, острова Шмидта и Грезм Белля); измерено около 1500 глубин при помощи эхолота и обычными способами.

На 107 глубоководных гидрологических станциях определены: температура, соленость, содержание кислорода, фосфора, нитритов, концентрация водородных ионов и щелочность морской воды. Наблюдения были произведены в Баренцовом, Гренландском, Карском морях и в полярном бассейне. Всего выполнено 1130 измерений температур на различных глубинах; в 400 пунктах измерена температура поверхностного слоя воды, взято 1750 проб на хлор, 1023—на содержание кислорода, 1028—на концентрацию водородных ионов, 940—на содержание фосфора, 990—на щелочность и 50 проб—на нитраты. Кроме того, для специальных анализов с разных глубин в разных пунктах взято 300 проб воды и для изучения физико-химических свойств морского льда—20 проб. Значительная часть химических определений была произведена на борту судна.

На трех полусуточных гидрологических станциях определены: температура, соленость, течение. На семи станциях произведено 113 измерений скоростей и направлений течений на различных глубинах. У острова Ушакова произведена серия наблюдений над приливами. Наблюдения над волнением были произведены в Гренландском и Карском морях при помощи микробарографа. На десяти фотометрических станциях выполнено 192 определения проникновения света на различные глубины, 38 наблюдений над цветом и прозрачностью морской воды и 10 опытов по определению энергии фотосинтеза. Сделано 65 исследований бентоса.

Общее количество глубоководных станций достигает 87. Между станциями производились сборы план-

ктона для количественных определений. Кроме того, биологи экспедиции вели наблюдения над распространением морского зверя.

Произведены исследования физических и механических свойств (прочность, удельный вес, количество воздуха и т. д.) на 211 образцах однолетнего и многолетнего льда.

Бактериологом экспедиции взято для исследования 173 пробы воды и сделан 51 посев.

На 110 грунтовых станциях взято 227 проб грунта для определения радиоактивности, химических свойств, механического состава их и т. д. Кроме того, на борту судна было сделано 326 определений электропроводности, 296 определений коэффициента влажности, 23 петрографических анализа и 15 определений электрохимической энергии морских грунтов.

Кораблестроительные исследования экспедиции заключались в следующем: сделано 20 определений углов наклона, 161 определение общих деформаций, 7 местных деформаций, 226 определений маневрирования главной машины и 3 определения давления на вал.

В разных пунктах пути сделано 47 определений силы тяжести при помощи прибора Мейнеса, 24 магнитных измерения и 22 астрономических определения.

Выпущено 33 радиозонда, причем 21 из них прошел слой стратосферы. Наибольшая высота подъема достигая 19250 метров. Произведено 380 метеонаблюдений и составлено 263 метеосводки; сделано 73 наблюдения по Михельсону над прямой солнечной радиацией, 193 наблюдения над рассеянной радиацией по пирометру и 151 наблюдение над освещенностью. Кроме того, получено 68 актинограмм.

Для обслуживания полета Леваневского и запросов экспедиций было составлено за время плаванья 126 синоптических карт и сделано 96 прогнозов погоды.

Во время пребывания во льдах было произведено 40 различных опытов разрушения льда при помощи

аммонала, термита и опыты сверления льда электрическим буром.

Для первичной обработки полученных материалов на борту „Садко“ было организовано несколько лабораторий. Летным составом экспедиции, в распоряжении которого находилось два самолета Ш-2 и КР-1, было сделано 11 полетов с целью разведки состояния льда, аэрофотосъемки и поисков новых земель.

ДОКУМЕНТАРЬ

Наконец, в результате работ на больших глубинах (до 3000—3500 метров) и в районе „белых пятен“ получены ценные научные материалы и экспонаты. Среди экспонатов бентоса и планктона имеются уникальные экземпляры.

Во время плавания среди членов экспедиции была широко развернута политическая и культурно-просветительная работа. Функционировало пять политкружков, курсы по подготовке на четвертый курс рабфака, четыре кружка по техучебе и два по математике. Проведено 19 докладов-лекций и бесед по истории освоения Арктики и на другие научные темы; организовано два вечера самодеятельности, выпущено пять стенгазет и пять бюллетеней. Соцсоревнованием было охвачено 52 человека.

Надо сказать, что все это досталось ценой огромных трудов всех садковцев — ценою 16—18 часов работы в сутки и многих бессонных ночей. И надо сказать также, что работали с полным сознанием ответственности за решение задач, поставленных партией и правительством. Работали так, как умеют работать большевики.

В высокие широты ДОКУМЕНТАРНО

Ранним утром к стенке у холодильника пришвартовался „Садко“. Низко сидящий в воде, он осторожно и долго подходил к деревянной пристани и, наконец, крепко притянутый толстыми стальными тросами, стал.

Несмотря на раннее время, на „Садко“ было оживленно и шумно. На палубах, на корме, на баке и полубаке были сложены груды бочек, мешков и тюков. Капитан Николаев вызвал своих помощников и, распорядившись о наведении порядка на борту ледокола, ушел к себе в каюту. Команда, разбившись на группы, стала приводить в порядок грузы, хаотически нагроможденные, где только было можно. Трюмы, набитые доотказа углем и продовольствием, не в состоянии были вместить ни одного ящика. Навести порядок было не так легко.

На корме плотники торопливо сколачивали убежище для четвероногих пассажиров — поросят. Высокий каюр экспедиции на верхней палубе заботливо размещал длинные четырехместные конуры для своих питомцев — собак. В каютах на корме и по правому борту столы и плотники заканчивали оборудование лабораторий для химиков, биологов, геологов и др. Над кормой, на специально построенной площадке возлились два бортмеханика во главе с руководителем летной группы Михаилом Сергеевичем Бабушкиным. Площадка, предназначенная для приема на борт самолетов, детально изучалась. Надо было поместить на небольшой площадке два самолета. Придумывали способ установить хотя бы один из них с развернутыми крыльями. Над площадкой повисла новая, большая стрела, заменившая старую и способная выдержать тяжесть самолета. На полубаке под руководством механика Петерсона сооружали фанерную

крышу-чехол большого агрегата — лебедки с мотором для траления морского дна. Во всех уголках и каютах бегали, работали, возились озабоченные люди. Сегодня отход, и нужно кончить все, что необходимо сделать в порту.

Но вот на пристани появилась лающая и рычащая свора. Журавлев привел тридцать собак. По очереди, покрикивая, иногда унимая чувствительным пинком или ударом, он водворял своих беспокойных ДОКУМЕНТАРНО Покончив с этим, он занялся поросятами...

Громадный, с налитыми кровью глазами, бык хладнокровно и спокойно поднялся на палубу и равнодушно прошел на самую корму.

На „Садко“ без устали работали до самого отхода. К моменту, когда на пристани собрались делегации предприятий, воинских частей и просто многочисленные провожающие, на корабле стало опрятнее и чище. На палубные грузы были натянуты брезенты, и бочки сложены в правильные ряды. Скоро пришлось прекратить всякую работу. Провожающие заполнили весь корабль и пристань.

Яркое летнее солнце светит ласково и щедро. От легкого ветерка шелестят флаги на пристани, знамена в толпе. Пестреют охапки цветов. У самого края причала примостился оркестр. Недалеко от него мастера из ящиков трибуну. „Садко“ стоит, расцветченный флагами, парадный и праздничный. На Двине около пристани снуют многочисленные катера, лодки, байдарки и маленькие лодочки. Везде, куда ни помотришь, радостные лица и красный цвет флажков и плакатов. Стоящие на рейде суда также увешены гирляндами флагов. Кругом слышатся возгласы, восклицания последних приветствий и напутствий.

Начался митинг. После нескольких коротеньких речей с импровизированной трибуны, прозвучавших волнующе-искренне и горячо, стали прощаться. Последние поцелуи и объятия родных и близких, последние рукопожатия, и под звуки „Интернационала“ „Садко“ стал отчаливать.

На трехкратный гудок отходившего ледокола ответили разноголосые гудки стоящих у пристаней и на Двине судов. По мере того как выходили на простор северной красавицы — многоводной Двины, запруженная народом пристань сливалась в одну сплош-

ную массу, где уже нельзя было различить знакомых лиц. Мелькали платочки, яркими пятнами выделялись знамена, и искрились трубы оркестра. Справа, слева поплыли заводы, корабли, ледоколы. По всему пути в черте города видны были на берегу группы провожающих. Белые дымки гудков валетали над судами, словно вспугнутые птицы, и рассеивались в воздухе.

„Садко“ уходил в первую высокоширотную экспедицию. Медленно скользил он по Двине, оставив резко очерченный на синем небе след густого серого дыма. Позади стался белый след бурлящей пены и брызг.

То вперегонку, то ровняясь, скользили катера, легкие „восьмерки“ физкультурников и небольшие парходики, набитые доотказа народом. Когда город отдалился, и провожавшая нас флотилия, в последний раз послав приветствия, повернула обратно, „Садко“ прибавил скорость. Помощник начальника экспедиции Остальцев побрел к себе в каюту, — теперь можно поспать до Чижевки.

На Чижевке последняя стоянка и последний груз. Остальцев, руководивший погрузкой, не спал в течение трех суток. Осунувшийся, шатающийся, он только сейчас получил возможность уйти в каюту и заснуть. Через пять минут его невозможно было разбудить. Не раздеваясь, в форменке и ботинках он свалился на койку и заснул мертвым сном. Его примеру последовали многие садковцы...

Не удивительно.

Перед отходом три дня „Садко“ стоял у Бахарицы под погрузкой, спешно готовясь к отплытию. Многочисленные грузы, научное оборудование, продовольствие на два с половиной года надо было суметь в кратчайшие сроки погрузить в трюмы в безупречном порядке и последовательности, чтобы, находясь в море, иметь доступ к любому продукту, к любому ящику с обмундированием. Еще за месяц до отхода садковцы, прибывшие в Архангельск, подготавливали эту погрузку, собирая в отдельный склад все, что должно было пойти на „Садко“. Когда настало время погрузки, все с ужасом смотрели на горы ящиков, бочек, тюков с отметками „ВШЭ“. Казалось, ими можно покрыть весь „Садко“, и только, может быть, мачты будут выглядывать из этой груды. С раннего утра до

поздней ночи работали на складе все, начиная от руководителей, кончая научными работниками и корреспондентами, идущими на „Садко“. Даже жены участников экспедиции, находившиеся в Архангельске, включились в работу. Им было поручено маркирование ящиков. Старательно выводили они на ящиках большие, четкие буквы: „сапоги“, „медикаменты“, „желатин“, „примус“...

В то время как основная часть садковцев работала на складе, другая находилась на корабле. „Садко“ стоял в пловучем доке, готовясь к далекому и трудному походу. Его красили, чистили, сменяли листы корпуса и заклепки. Основная работа кипела у громадного и широкого руля. Там работали сварщики, заделывая мелкие трещины, обнаруженные в последний момент при осмотре корпуса судна перед его спуском на воду. Старые, едва заметные трещины затянули сроки, запланированные на ремонт, и поэтому бригады на ремонте рулевого баллера работали круглые сутки.

„Садко“ стоял в железных тисках дока, высокий, блестящий свежестью яркого сурика. Его крутой форштевень красиво изгибался ввысь, стремился вперед.

В каютах „Садко“ шла не менее напряженная работа. Нужно каюты переоборудовать в лаборатории. Тринадцать лабораторий со сложным и многочисленным оборудованием должен вместить в себе „Садко“. Приехавшие из Ленинграда инженеры и монтеры спешно устанавливали новейшей конструкции эхолот и гирокомпас. В центральной каюте собирали из многочисленных частей сложный и чувствительный прибор Майнса для определения земного притяжения. В одной из кают по правому борту расположился инженер Дубравин со своими многочисленными приборами. Целая бригада монтеров протягивает из этой каюты провода во все уголки корабля. Они, как первые, будут передавать в лабораторию Дубравина малейшие деформации, содрогания и колебания корпуса ледокола во время его работы во льдах. По правому борту монтируются лебедки, малые и большие, с барабанами для тросов, которые понесут приборы гидрологов, биологов и геологов в толщу моря и к морскому дну.

Работа шла круглые сутки. Люди забывали о сне и отдыхе. „Садко“ должен уйти в Арктику одним из первых в навигацию этого года, поэтому надо спешить. И это несмотря на то, что подготовка началась за полгода. Еще в Москве, под руководством Г. А. Ушакова, стали готовиться к походу. Надо было подготовить все необходимое, начиная от примусных игловок, питок, горчицы и кончая продовольствием, дровами, научными приборами, самолетами и разборными миками на случай аварии и высадки на необитаемый остров, землю или дрейфующую льдину. Причем основные грузы заготавливались на два с половиной года.

Но вот, наконец, наступило 6 июля. Миновали долгие дни подготовки, ремонта, снаряжения и погрузки, и „Садко“, тепло провожаемый архангелогородцами, пошел вниз по Северной Двине.

Началась экспедиционная жизнь.

Еще две остановки у выхода в Белое море — на Чижовке и в Мурманске, и тогда прощай, Большая Земля, на четыре месяца, а может быть и на два-три года.

Чижовка — Мурманск

Тук-тук-тук! — кочегар постучался в каюту штурмана.

Тук-тук! — Молчание.

Кочегар побежал дальше по коридору. Схватил за рукав встречного матроса:

— Первого помощника не видел? В кают-компани нет, на мостике нет, в каюте нет...

— В каюте у штурмана кто-то есть, — смеется матрос, — я только что проходил мимо и слышал поцелуй — два длинных, один короткий.

— Что ты!.. Кто же это может быть?

— Известно кто. „Зайцы“.

— „Зайцы“?..

— Почти... Жены запрятались. Уж очень они просились проводить до Чижовки! Получив отказ, как видишь, сами устроились.

— Вот черти, добились-таки своего, — провожают до Чижовки! Самые сладкие плоды — краденые, — философски промолвил кочегар. — А как попадут обратно?

— Последним катером, с грузчиками. На Чижевке горячее брать будем. Сутки простои еще...

— Скоро Чижевки?

— От Архангельска часа три. Ну, пошли, что ли? Кстати штурман там, у лебедек копается.

— Что же ты молчишь? Мне он вот как нужен!

Бегом выскочили наверх.

„Садко“ быстро шел вниз по Двине. С обеих ее берегов временами доносились звуки оркестров, ДОКУМЕНТАРНО развеивались знамена. Рабочие лесопильных заводов вышли провожать „Садко“.

Наступил вечер. Стал накрапывать мелкий дождь.

На палубе, в кают-компании царит оживление. Разговоры вращаются вокруг похода. Укрывшись от дождя в кают-компании, представители архангельских организаций, провожающие до Чижевки, беседуют с руководителями похода. На мостике — капитан Н. М. Николаев. Прозвучал звонок. Обедать.

Шумно, с несколько приподнятым настроением, усаживаются за празднично накрытый стол. Место капитана пусто. Капитан на мостике. Буфетчик Иван Михайлович обходит столы.

Вдруг дверь кают-компании тихо раскрывается, и в кают-компанию, к удивлению присутствующих, гуськом входят „зайцы“. Их четверо: Ольга Александровна Маркова, Лидия Аркадьевна Виленская, Галина Сергеевна Погосова и жена радиста Жени Гершевича. В руках у них какие-то свертки. Так же в порядке усаживаются и они за стол. Начальник экспедиции Георгий Алексеевич Ушаков пытается сохранить серьезность, но не сдерживается, — улыбка пробегает по его лицу. Перед отходом из Архангельска все четыре явились к нему с убедительной просьбой разрешить им провожать мужей до Чижевки. Георгий Алексеевич не соглашался. Также протестовали капитан Николаев и профессор Зубов — заместитель начальника экспедиции по научной части. Не помогли даже букеты цветов.

— Ну, пожалуйста, только до Чижевки! Ведь, может быть, мы расстанемся на два года! Ведь это совершенно необходимо проводить до Чижевки...

— Правильно, только наоборот, — отвечал на просьбы Георгий Алексеевич. — На судне должен быть порядок.

В душе он понимает их и сочувствует, ему не хочется отказывать, и он старается загладить отказ доброй улыбкой.

— Порядок — это значит не делать того, что хочется, и делать то, чего не хочется, — ворчит жена корреспондента „Известий“ Виленского — Лидия Аркадьевна.

Женщины уходят, решив ехать „зайцами“. Самый опасный момент просидели, запершись в каюте. И

ДОКУМЕНТАРИЙ

Капитан „Садко“ Николай Михайлович Никольцев и его помощник Михаил Гаврилович Марков на мостике

перь они здесь. Буфетчик подносит им лучшие кусочки. Он не слышит настойчивого баса:

— Иван Михайлович, дай вторую порцию! Уверяю тебя, ничто так дорого не обходится, как экономия! За столами шум, шутки.

Затем веселились, не думая о предстоящем на Чижовке аврале, о только что закончившихся напряженных днях подготовки, погрузки.

Дождь шел сильнее...

* * *

Чижовка. Дождь. Садковцы переоделись. Началась работа, которая будет продолжаться всю ночь. На

море шторм. Надо крепить грузы, завалившие всю палубу, все проходы. С пришвартовавшейся баржи перегружают железные бочки с горючим. Их страшно много. Куда их поместить? Кажется, и так не пройти, не пролезть. На корме размеренно грохочет лебедка.

Работают все: научные работники, корреспонденты, неуклюже себя чувствующие в негнущихся новых брезентовых костюмах...

Завтра в море.

ДОКУМЕНТАРНО

Кончается ночь. Эта ночь несколько темнее и слезливее обычной архангельской летней ночи. Не переставая идет дождь. Холодный, пронизывающий до костей дождь. Он мешает работать. К следующему вечеру бочки с горючим и маслом расположились ровными рядами вдоль бортов судна.

На верхней палубе небольшим двориком поместились передвижные конуры собак каюра Журавлева. На самой корме расположился „скотный двор“—громадный бык и десять поросят. На баке есть особая площадка. Здесь рядышком приютились со сложенными крыльями два самолета—„шаврушка“ и „хенкель“. Без отдыха возятся около них бортмеханики—Нелидов и Герасимов. Почти не отходят от них пилот Власов и начальник авиозвена Бабушкин. Нелидов заботливо укутывает в непромокаемый брезент моторы самолетов. Над его головой, на вантах гирляндами повисли мясные туши—запас свежего мяса. Везде, куда ни глянь,—промокшие, усталые, посеревшие от бессонных ночей лица. Люди готовятся к выходу в море. Лишний раз старший помощник капитана Ножкин вместе с матросами обходит весь корабль. Все прибито, приколочено. На море свирепствует шторм. Отход назначен на рассвете следующего дня.

* * *

В стремительном беге прошли дни перехода в Мурманск, пребывание в этом молодом, бурно растущем городе и путь к Нордкапу—самому северному пункту Европы.

Надо было обеспечить первую „станцию“—первую остановку в море у Нордкапа для того, чтобы начать научные работы, пустить в ход все эти батометры, трубки Экмана, тралы, драги, планктонные сетки и т. д.

В лабораториях распаковывались ящики, и извлекались на стол и полки банки, колбы, бутылки, трубки, воронки, ряд сложных и хрупких приборов. Гидробиолог Горбунов возился со шпигатом и бечевкой, налаживая свои тралы и драги. Планктонолог перебирал тончайшие шелковые сетки, готовя баночки для сбора планктона.

Механик Петерсон, уже весь пропитанный маслом и бензином, носился от одной лебедки к другой, от одного назначения к другому, от одного мотора к другому. ДОКУМЕНТАРЬ

Попав в Баренцево море, „Садко“ сильнее закачался на волнах и, тяжело переваливаясь с борта на борт, осложнял работу садковцев. Бортовая качка сменялась килевой. Заливало волной палубы, сбивало с ног, грозило перебить всю многочисленную хрупкую посуду лабораторий. Забыты были сон, отдых, время обеда и ужина. Матросы не уходили с вахты. Работали все. Началась интенсивная экспедиционная жизнь.

В Мурманске пробыли трое суток. Мурманск — это последнее звено, связывающее „Садко“ с материком. Все замеченные неполадки и неисправности должны быть ликвидированы здесь. И круглые сутки на корабле вместе с садковцами работали монтеры, плотники, столяры, такелажники.

Но вот и все. „Садко“ отходит. С импровизированной трибуны говорят короткие речи. Ночное солнце играет лучами на трубах оркестра. У трапа расположился красноармейский ансамбль и провожает полярников бодрой, веселой песней. Песня сменяется пляской. Пионеры раздают отъезжающим букеты живых цветов.

Второй гудок. С борта сходят рабочие, гости, провожающие.

После третьего гудка „Садко“ медленно отчаливает. Развернувшись носом на север, „Садко“, набирая ход, скользит мимо приземистого „Ермака“. Мощный ледокол солидно басит трижды. На нем Николай Иванович Воронин. Он готов и ждет свой караван судов, чтобы вести их сквозь льды Карского моря к устью реки Лены.

Крутые изрезанные берега Кольского залива. Мурманск и остров Кильдин, словно стерегущий вход в этот глубокий, защищенный от ветров и никогда не замерзающий залив, остались позади.

Штормовое Баренцево море встретило „Садко“ ласково. Только мелкая рыба темнит его блестящую поверхность.

Взяли курс на Нордкап. Оттуда начнется продвижение на север.

Несмотря на блещущий солнцем теплый и яркий день, на корабле тихо. Измученные круглосуточными авралами, бессонными ночами, люди крепко спят.

„Садко“ идет мимо скалистых фьордов к громадному отвесному утесу самого северного мыса Европы. На его вершине нарядный белый домик. Сюда приезжают многочисленные туристы смотреть незаходящее солнце.

Здесь граница двух морей — Баренцева и Гренландского. Здесь первая „станция“ высокоширотной экспедиции, первый комплекс научных наблюдений — подводных, надводных и стратосферных.

И дальше курс норд. Чистый норд.

Прощай, Большая Земля.

Первые станции

Длинные, иссиня-черные волны швыряют „Садко“ с борта на борт. На палубе и спардеке скрипят крепко привязанные грузы, шлюпбалки. В кают-компании позвякивает посуда. Качка, продолжающаяся уже много дней, действует даже на собак: тридцать псов каюра Журавлева стали раздражительными, злыми, и для того, чтобы пройти в радиорубку, радистам приходится пробираться по шлюпкам и грузу. Поросята жалобно хрюкают при каждой очередной волне, окатывающей их тесное жилище. Только флегматичный бык неторопливо жует свою жвачку, вперив безразличный взгляд в пробегающие волны.

День или ночь — трудно разобрать. Одинаково светло и пасмурно. С тех пор как мы, оставив позади Медвежий остров, пересекли сперва зеленые воды холодного течения и вошли в яркосиние воды Гольфстрима, несущие в себе зной Мексиканского залива, и повернули на запад по направлению к Гренландии, понятия день, ночь, сон, отдых сбились и перепутались.

Порядок суток диктуют „станции“ — последовательные, по определенному плану остановки в море, когда

глубины пронизываются до самого дна стальными тросами, когда толща Гренландского моря атакуется батометрами, драгами, тралами, трубками Экмана, сетями и другими приборами. Весь состав научных работников „Садко“ проводит свои наблюдения, изучая толщу воды, морское дно, животный мир, населяющий море, лед, атмосферу, морские течения и т. д. Исследования проводятся всесторонние. Лаборатории „Садко“ позволяют получить анализы добытых материалов: химические, физические, механические, геологические. Собирается планктон — живые организмы, населяющие толщу воды, бентос — животный мир и растительность морского дна; бактерии, живущие в верхних слоях воды. По всему пути производятся съемки рельефа морского дна, достается на каждой станции образец грунта. Независимо от станции, производятся систематические круглосуточные метеорологические наблюдения.

В районе льдов в работу включается комплекс исследований льда, изучение ледокольных качеств и деформаций корпуса ледокола во время работы во льдах. Аэролог с помощью шаров-пилотов и радиозондов исследует верхние слои атмосферы и стратосферы. Через каждые 5—6 часов — станция. Значит все на ногах, значит каждый занят, и только после трех-четырёхчасовой работы, в промежутке перед следующей станцией можно спать, отдыхать, играть в „козла“ или обедать.

Ночь. Часы показывают 5 часов. Это по мурманскому времени. Хотя мы у меридиана Гринвича, но исчисление времени у нас старое.

„Садко“ идет полным ходом, зачерпывая своим высоким носом воду. В ожидании станции одни спят, другие, вклинившись между прочно закрепленными предметами, пытаются восполнить запущенные за время качки дневники. В лениво-голке четверо заядлых игроков дуются в „козла“. „Козел“ — традиционная и любимая игра моряков; на Большой Земле она просто называется домино. Оживленно переговариваясь, они горячо и шумно встречают очередной ход партнера. Их не смущает то, что стол принимает самые разнообразные наклонные положения, отчего кости разъезжаются, а иногда один из игроков, не выдержав крена, валится вместе с незакрепленным стулом на колени безвинного зрителя.

Качка становится сильнее. В салоне раздается звон разбитой посуды. С пианино летит и рассыпается по полу связка нот.

— Наверно остановились, — замечает, поднимая ноты, кочегар Бармичев.

Вбежавший вахтенный матрос подтвердил его предположение.

— Станция, — кратко объявил он и скрылся по трапу вниз, будить спящих.

Глубина 3100 метров. Долго и монотонно грохочет на баке большая лебедка, выпуская многометровую змейку стального троса. На его конце привязан большой трал, идущий на очередную охоту за населением никем не тронутого дна Гренландского моря.

Морское дно, начиная с полосы берегового прибоя и включая глубины океана, обладает многочисленными и своеобразными жителями. Здесь и беспозвоночные морские животные, и растительность морского дна, — морские водоросли, растущие только в мелководной полосе, куда проникает солнечный луч. Донные организмы образуют различные группировки, зависящие от глубины, характера грунта, температуры и других условий; их характер полностью отражает на себе все гидрологические особенности и режим донного водоема. Изменение гидрологических условий какого-нибудь водоема немедленно отражается на общем составе бентоса. В силу этого изучение бентонических организмов служит средством для оценки различных гидрологических процессов, происходящих в морях. В отличие от планктонных организмов, отражающих состояние гидрологических процессов в настоящий момент, бентонические организмы дают картину, суммирующую в себе все те изменения, которые имелись в течение последних лет в режиме изучаемого водоема, что особенно важно для не подверженных систематическим и ежегодным наблюдениям районов, каким является Гренландское море. Влияние атлантических вод, приносимых теплым Гольфстримом, на полярные моря, формы связи встречающихся непосредственно двух фаун — арктической и атлантической, — эти вопросы разрешимы не только гидрологически, но и с помощью бентонических организмов, имеющих существенное, решающее значение. Посредством тралов, драг и дночерпалок Петерсона на каждой станции извлекаются

на борт „Садко“ образцы бентоса, которые промываются, сортируются и подвояются заспиртованными в стеклянные банки и цинковые сосуды для дальнейшей их обработки в лаборатории Горбунова и на материке.

У следующей лебедки трое гидрологов — Всеволод Березкин, Балакшин и Митя Черненко, мокрые от постоянно окатывающих их соленых волн, опуская на

ДОКУМЕНТАРЬ

Гидрологи В. Березкин и П. Балакшин
за работой на „станции“

разные глубины батометр за батометром, достают пробу воды и узнают температуру разных горизонтов моря.

Ведущую роль в экспедиции, естественно, играют гидрологические работы, изучающие режим водных бассейнов. Они имеют не только местное значение, но и решающее для составления долгосрочных и предварительных прогнозов на будущее.

Вопрос сферы влияния Гольфстрима, глубина и дальность его проникновения в полярный бассейн, зависимость прямая и косвенная между условиями летней навигации по Северному морскому пути и Гольфстримом, — все эти вопросы в основном разрешаются детальным исследованием Гренландского моря по

линиям гидрологических разрезов, проводимых перпендикулярно к направлению основного потока Гольф-стрима.

Обычно станции начинают с измерения глубины выюшками одновременно с эхолотом. В соответствии с глубиной намечаются горизонты наблюдений с промежутками в 10—20 метров в верхних слоях и побольше в нижних. В случае обнаружения температурных скачков исследуют еще и дополнительные горизонты для выяснения границ изменения. Пробы воды извлекаются со всех намеченных горизонтов; температура узнается по особым термометрам, вставленным в батометры.

Кроме того, независимо от станций, в течение круглых суток измеряется обыкновенным термометром температура воды верхнего слоя. Затем определяются специальными приборами прозрачность воды и ее цвет. На полусуточных станциях, помимо проб воды с разных горизонтов и измерения температур, через каждый час определялись скорость и направление течения.

Планктолог Богорев, довольный, копаются в обильной добыче очередной порции глубоководных планктонов, мелких рачков и других, еле заметных на глаз многомиллионных обитателей океана.

Станция закончилась, как только появился над водою мокрый трал. Безотказный ЗИС-5, равномерно наматывающий на огромный барабан пятидесятиметровый толстый трос, останавливается под дружные крики „стоп!“ Трал вытаскивают на палубу, и в раскрытом трале группа любопытных разглядывает большой улов раков, морских тараканов, звезд, губок и целого ряда других донных животных и водорослей, перемешанных с красным илом, характерным для Гренландского моря, галькой и камешками.

Между тем заскучавший вахтенный штурман давно успел прозвонить в машинное управление „полный вперед“, и „Садко“ снова разрезает волны, покачиваясь с борта на борт.

Вдруг раздается чей-то повышенный голос:

— Айсберги! Смотрите! Первый айсберг!..

На минуту забыты трал, звезды, ил и камни. Все бросаются к борту. Прибежавший фотолaborant Варламов разочарованию наводит неразлучную „лейку“ на небольшую, разъеденную солью льдинку. Первая

льдинка наводит на разговоры, размышления. Значит скоро льды. Скоро кромка гренландского льда. Фотолаборант, прицелившись несколько раз „лейкой“ в первую ласточку-льдинку, вмешивается в разговор:

— Значит скоро перестанет качать? Ведь льды теперь близко!

Его со смехом успокаивают:

— Скоро, скоро, Ваня! Пока беги, ложись, а то опять к борту потянет!

Станция окончилась. Гидрохимики, гидрологи, биологи, планктонологи, все их помощники разбрелись по лабораториям. Только Горбунов, все еще согнувшись у трапа, выбирает и распределяет по разным баночкам промытый от ила улов. Сегодня он особенно доволен: среди всего прочего он получил несколько малоизвестных видов креветок, моллюсков и глубоководную рыбку. Ее синий цвет, яркоголубые глаза зажигают радость в таких же светлых глазах биолога.

— Улов богатый!— восклицает он, хотя кругом никого нет.

На палубе тишина. Только вахтенный штурман шагает по мостику, время от времени давая негромкую команду в рулевую рубку, откуда эхом повторяется:

— Есть, так держаты!

Вдруг судно слегка вздрагивает: „Садко“ стальным форштевнем ударил первую льдину. Она, отскочив, скользит по борту и медленно отходит в сторону, неся на обломанном краю алую, как кровь, краску. Кругом мерно качаются самые пречудливые льдины, разъеденные солью, размытые теплою водою. Море словно вздыхает, когда льдины шумно погружаются на покатой волне и вновь обнажают свои изъеденные края.

На горизонте белой полоской тянется кромка вечных гренландских льдов.

„Люди Садко“

В ленуголке тесно. Пользуясь продолжительной стоянкой и медленным продвижением во льдах вследствие тумана, Богоров, или просто Веня, как его называют кочегары и матросы, читает популярную лекцию о многообразной жизни в море, планктоне и вообще о водном царстве. Большой энтузиаст своего

дела, страстный любитель моря, он охотно делится своими знаниями с командой и другими садковцами. Его с интересом слушают.

— У нас слаба морская культура, — говорит Вени. —

Даже жители приморских городов не имеют представления о тех богатствах, которые таит в себе море. Ну, что мы знаем о пользе морских животных организмов? Ведь даже среди морских рыб у нас используется какой-нибудь десяток-другой видов. Остальные считаются „несъедобными, ненастоящими“. Разве у нас кто-нибудь станет есть ската? А в Англии их подают только в воскресные дни как лакомство. И плавники ската в большинстве стран считаются прекрасным блюдом. Или взять плавники акулы. Это прекрасное блюдо на Востоке находит потребителей даже в глубине материка. Икра морских ежей, всевозможные моллюски, раки, черви и, наконец, водоросли. Все это в Японии, Италии и других приморских государствах называется „морскими плодами“. И вот эти „плоды моря“ у нас легко и просто подводятся под рубрику „слизь“.

— Неужели все морские животные съедобны? — раздается из угла недоуменный голос.

— А разве полезность морских животных ограничивается только их съедобностью? — живо отвечает на вопрос разошедшийся Вени. — Из морской флоры и фауны изготавливают для нашей легкой промышленности кожу, смазочные масла, целебные мази, удобрения, химические продукты, известь, разнообразный строительный материал и, наконец, высококачественный корм для домашних животных. Это явный факт, что, откармливая скот моллюсками — мидиями, с гектара морского берега можно получить тысячи килограммов мяса. И этот корм легко конкурирует с лучшими нашими лугами, во много раз повышая производительность мясного скота. Ученые говорят: в море нет ничего бесполезного. Все полезно. Одно идет в пищу, другое — на технические цели, третье используется как прекрасный строительный материал, хотя у нас даже в Главрыбе делит морских обитателей на „полезные“ и „бесполезные“.

— Что такое планктон? — используя минутную паузу Вени, спросил Дима Иванов, оставивший недомытой посуду в буфете, чтобы послушать интересную беседу.

Богоров сел снова на любимого конька.

— Планктон — это живые существа. К ним относятся разнообразные микроскопические одноклеточные водоросли, инфузории, медузы, черви и т. д. Все эти морские организмы, не могущие быстро передвигаться, имеют различные приспособления для того, чтобы держаться на воде. Одни имеют длинные щупальцы, другие — громадные усы, третьи представляют

ДОКУМЕНТАРЬ

Первые льды

собой студенистую массу и при большом объеме свободно держатся в толще воды. Все эти планктонные организмы, в громадном количестве населяющие моря, оказывают огромное влияние на жизнь океана. Они извлекают из моря различные соли, поддерживая постоянство солености морской воды. Водоросли, подобно растениям на суше, поглощают углекислоту, выделяемую животными, и обогащают кислородом морскую воду. Кроме того, от большего или меньшего количества планктона зависит прозрачность воды. Отмирающие планктонные массы, падая на дно, образуют мощные морские отложения. И, наконец, планктон служит пищей для более развитых организмов — рыб и даже млекопитающих. В частности, кит питается планкто-

ном, поглощая его тоннами. Интенсивно развиваясь, планктон представляет громадный, неиссякаемый луг, пастбище для китов. Даже полярная акула, достигающая огромных размеров, питается также планктоном. Громадные косяки сельдей и трески, являющиеся объектом широко поставленного промысла, также питаются планктоном. Зная заранее урожай планктона, можно предсказать хороший или плохой ход сельди.

Вахтенный матрос прервал беседу, предупредив о наступающей смене вахт...

Григория Петровича Горбунова можно видеть или в носовой части палубы (на баке) у его глубоководной лебедки во время „станций“, или в лаборатории, приютившейся на корме. Можно застать его и в кают-компании во время обеда или ужина. Но в каюте его видеть почти невозможно. Его постель сутками остается нетронутой. Короткие часы, а иногда и минуты, перепадające ему для сна, часто проводятся в лаборатории среди множества банок, склянок, пузырьков и бидонов.

Станция. Горбунов запускает свой трал. Гудит мотор, вращая на полубаке большой барабан с намотанным стальным тросом. Тяжелый трал струной натягивает толстый трос, уходя к морскому дну за очередной добычей бентоса — множеством разных рачков и раков, червей, моллюсков, полипов — простых и коралловых, губок, водорослей и креветок. Достигнув дна, трал волочится некоторое время по его поверхности и потом поднимается на палубу. К моменту вытаскивания на носу собираются все свободные садковцы.

— Петерсон, тише! Тихий ход!

— Идет!

Свесившиеся за борт любопытные стараются разглядеть медленно поднимающийся трал. Вот он показался. Всплыл.

— Стоп!

Трал повис в воздухе большим суживающимся книзу мешком. С него стекает струйками грязная вода, образуя муть на спокойной поверхности моря.

— Что-то много глины сегодня! Горбунов, глина тоже причисляется к бентосу?

Но Горбунову некогда.

Трал вытащили на палубу, и, поливая водой из шлангов кучу перемешавшейся глины, ила, водорос-

лей и камней, Горбунов осторожно, руками или пинцетом, отбирает и сортирует улов.

Обычно подъем трала — последняя операция станции. Поэтому немедленно вслед за ней на мостике раздается команда, и „Садко“, бороздя морскую гладь, идет до следующей станции.

Распределив после многократных обмываний и просеиваний через несколько сит добычу, Горбунов торопливо переправляет все в лабораторию. Там более тщательный отбор, сортировка, подсчет и распределение по банкам, склянкам и бутылочкам.

Пока Григорий Петрович занимается приведением в порядок последнего улова, вахтенный матрос, появившийся в дверях, неумолимо бросает знакомое — „станция!“ Снова Горбунов на носу у лебедки. Снова трал погружен в глубину океана.

— Опять царапать дно океана? — язвительно спрашивает наш скептик старпом Ножкин.

Добродушно улыбаясь, следя за туго натянутым тросом, Горбунов отвечает:

— Василий Иванович! По секрету говоря — клад ищущу. Может, когда-нибудь и нацарапаю...

Если, попав во льды, „Садко“ дольше обычного идет до следующей станции, Горбунову приходится заниматься обработкой имеющихся в запасе материалов.

В лаборатории Горбунова стоит едкий запах спирта. Негде повернуться от обилия стеклянной тары, пустой или начиненной какой-либо разновидностью жителей морского дна. Один уголок лаборатории занимает Михаил Михайлович Ермолаев, геолог экспедиции. У него распорядок дня мало чем отличается от горбуновского. Только, в отличие от Григория Петровича, он интересуется строением и характером морского дна. Поэтому, когда вытаскивается драга или трал, Ермолаев тут как тут: разбирает ил, глину, камни извлеченные со дна. Кроме того, он с каждой станции берет пробу посредством трубки Экманз, дающей ему, в зависимости от твердости грунта, столбик песка, глины или ила разной высоты. Вследствие многолетней совместной работы у обоих выработались своеобразные традиции, контакт в работе и полное взаимное понимание.

Григорий Петрович явился в Арктику в 1915 году. После восьмилетнего перерыва он в 1923 году снова

вернулся в Арктику и уже целиком отдался ей. В западном секторе Арктики нет уголка, где бы не бывал Горбунов. Он занимается изучением всего живого в морях и на суше Арктики: пернатого мира, морского зверя, планктона, бентоса. Участник многих экспедиций, памятных по последним годам завоевания Арктики, он в 1932 году вместе с Отто Юльевичем Шмидтом совершает исторический рейс на „Сибирякове“ из Архангельска во Владивосток в одну гацию. Напоминанием об этом славном походе в его петличке скромно красуется орден Трудового Красного знамени. Вместе с ним за тот же поход получил орден и Михаил Михайлович Ермолзев. Его биография сходна с горбуновской; она отличается только наличием зимовки на Новой Земле, в Русской Гавани в год ее возникновения.

Оба приятеля — старые полярники, имеющие богатый арктический опыт, скромные и замечательные люди. Недаром во всех экспедициях они заслуженно пользуются всеобщей любовью и уважением.

* * *

На „Садко“ занимались также измерением силы земного притяжения. В самом центре корабля, в каюте, наименее подверженной качке и колебаниям, располагалась лаборатория нашего астронома — геодезиста Жонголовича. Всегда вежливый, мягкий в обращении с другими, с военной выправкой, Жонголович незаметно и скромно выполнял свое дело в числе других научных работников экспедиции. В его лаборатории установлен драгоценный и редкий прибор Мейнса. Его работа особенно сказывается в машинном отделении. С мостика неслось приказание: „Остановить машину! Выключить динамо и до особого приказа не трогать“. Это значило, что работает Жонголович, нанося еще одну точку земного шара, где измерена сила земной тяжести. На земном шаре пунктов с определенной силой тяжести в настоящее время много. В течение последних 50 лет число таких пунктов возросло со 150 до многих тысяч. У нас в Союзе планом второй пятилетки предусмотрено довести их число до 10 тысяч. Гравиметрические работы, кроме чрезвычайно ценных научных сведений для геофизиков, дают и ряд необходимых показаний, имеющих важное зна-

чение для горнорудной промышленности. При определении силы земного тяготения главным препятствием была необходимость точных гравиметрических приборов. Понятно, почему наблюдения ограничивались сушей. Только с изобретением в 1924 году голландцем Мейнесом прибора, дающего возможность определить силу тяготения на водной поверхности, гравиметрические измерения стали производиться и на море. Между тем, три четверти земной поверхности покрывают морем. Но и эти наблюдения приходилось проводить в подводной лодке, погруженной на глубину до 30—40 метров для предотвращения малейшего колебания прибора.

Совершенно неисследованные пространства Арктики долгое время оставались загадкой для геофизиков и геологов. Определяемых пунктов севернее 75° с. ш. было 28, в числе их 8 гравитационных наблюдений во время знаменитого нансеновского дрейфа на „Фраме“, крепко вмерзшем в полярный лед, и 7 определений на подводной лодке „Наутилус“, во время ее арктического плавания на северо-запад от Шпицбергена в 1931 году.

Высокоширотная экспедиция на „Садко“ должна была в порядке опыта заняться на корабле измерениями силы земного тяготения, пользуясь плаванием во льдах. Опыт удался прекрасно. Результатом работ Жонголовича был 51 пункт с определением силы тяготения на приборе, применявшемся только в подводных лодках между 78 и 83° .

Во время пребывания „Садко“ в Баренцбурге таинственная каюта с одиноким странным прибором в центре привлекала внимание гостивших на судне шахтеров. Они подолгу задерживались в лаборатории Жонголовича, слушая его подробные объяснения.

— Земля на экваторе несколько выше, — так сказал знаменитый физик Ньютон. — До центра земли на полюсе на 21 километр 700 метров ближе, чем на экваторе. Вследствие этого тира, весящая на экваторе 1 килограмм, на полюсе будет тяжелее на 2,6 грамма. Так что уже в Архангельске и Мурманске килограмм значительно тяжелее, чем в Африке.

— Этак проторговаться можно, — пошутил один из слушателей.

— А кто первый узнал об этом? — спросил другой.

— Дело было так. В 1672 году французский астроном Рише обнаружил, что его точные астрономические часы, выверенные в Париже, стали отставать на четыре минуты в сутки на экваторе. Пришлось укоротить маятник на три миллиметра. А между колебанием маятника (его периодом), длиной его и силой тяжести есть зависимость, которую открыл знаменитый ученый Галилей. Несколько позже Ньютон указал причину отставания часов Рише, выразив в первом предположение, что земля не круглая, как думали до тех пор, а несколько приплюснута у полюсов и имеет форму эллипсоида, то-есть фигуры, получающейся от вращения вокруг оси эллипса...

Долго еще слушали Жонголовича экскурсанты Баренцбурга, рассматривая сложный маятниковый прибор Мейнеса с его фоторегистрирующей частью.

* * *

... Но вернемся к недавнему прошлому. Это было в ледовом лагере Шмидта.

Ясно. Тихо. Небольшой ветерок, дувший с севера, не тревожил льда, еще недавно грозно трещавшего и гудевшего. Все новые трещины заделаны, и кусок аэродрома, отхваченный последним сжатием, смявшим ровную площадку в хаос ропаков и торосов, расчищен вновь ежедневной работой бригад. Недалеко от приземистых, засыпанных снегом двух палаток стоял самолет. Длинная лодка с распластавшимися над ней двумя плоскостями и мотором в середине имеет вид стрекозы. Около самолета возятся два человека. Валиются брезенты, чехлы, инструменты, бидоны из-под масла, в стороне пара чемоданов, сверток, керосинка и примус. Неподалеку на льду рослый мужчина в комбинезоне. Приладив небольшой ропачок вместо подушки, человек, лежа на спине, спит. Один из работающих у самолета, посмотрев в даль, быстро подбежал к спящему.

— Михаил Сергеевич! Михаил Сергеевич! На вышке флаги сменили. Погода на материке испортилась.

Человек в комбинезоне спокойно взобрался на ропаки, поднял к глазам висевший на груди бинокль, стал вглядываться в даль.

— Так! — наконец протянул он. — Все равно, надо опробовать в воздухе. Может, опять не потянет. Лиш-

нее все сбросили. Бензин слили. Все готово. Давайте, запускайте. Посмотрим, что делается кругом лагеря.

Вскоре примус и керосинка, дружелюбно пристроившись рядом, грели мотор.

Когда послышалось короткое восклицание: „Контакт, есть контакт“, на дальнем конце аэродрома среди работавшей бригады раздались голоса:

— Опять стрекозу запускают, ведь все равно не полетит. Вот упрямые, замучились ведь, а не отстаивают. ДОКУМЕНТАРНО

Наконец заработал мотор. Бригада, закончив работу, уходила. Бабушкин, с усмешкой осмотрев еще раз разбитый, заплатанный ША-2, сел в кабину. С ним рядом расположился бортмеханик и, зарулив самолет на самый конец аэродрома, дал полный газ. Слегка покачиваясь и подпрыгивая по неровностям льда, самолет побежал. Два оставшихся человека тревожно следили за „шаврушкой“.

— Набирает скорости!

— Бежит-то хорошо, видишь!

— Смотри, смотри!.. Оторвалась!

— Оторвалась! Ура! Есть, оторвалась!

И человек в красноармейском шлеме заплесал.

И, действительно, после многих трудов в 30—35-градусные морозы, без инструмента, без зимнего масла, разбитый, заплатанный, дважды терпевший аварию, переташенный из лагеря Шмидта по ропакам самолет все-таки взлетел. Теперь он легко и изящно кружил над лагерем, над аэродромом, и не видно было ни поломанных, помятых стоек, укрепленных палками и проволоками, ни перебитых лыж, починенных плотничьим топором и столярным клеем, ни шасси, перетянутых стальными тросами и веревками. С мотором, не дающим полных оборотов и не приспособленным к зимним полетам, с плоскостью, наращенной на метр собственными средствами, Бабушкин все-таки взлетел. Понятно, почему весь лагерь Шмидта ликовал, и почему Отто Юльевич, бывший на аэродроме, просиял сквозь обледенелую бороду радостной улыбкой.

В этот день Бабушкин летал еще раз со Шмидтом. А завтра, не дождавшись из Ванкарема сигнала о подтверждении хорошей погоды, он вместе со своим бортмехаником вылетел, имея на борту бензина на полтора часа, продовольствия на три дня и несколько судовых приборов.

— Опять подадут сигнал, что погода портится,— сказал он на прощанье.

Это были первые два человека, улетевшие из лагеря после полуторамесячного перерыва, после того как Ляпидевский увез десять женщин и двоих детей.

Через два часа в лагере получили сообщение:

— Бабушкин благополучно сел в Ванкареме...

Михаил Сергеевич Бабушкин — один из старейших и опытнейших летчиков-полярников. Еще в 1928 ДОКУМЕНТАРИИ при спасении экипажа дирижабля „Италия“, Бабушкин показал настоящее искусство и отвагу, сделав ряд полетов у берегов Шпицбергена, во льдах Баренцова моря. Ему, застигнутому туманом, приходилось несколько раз садиться на лед и однажды шесть дней провести вдали от „Малыгина“, питаясь мясом убитого медведя.

Михаил Сергеевич много лет под ряд весною с острова Моржовца производил разведки на самолете, указывая тюленьи залежи нашим зверобойным судам и ледоколам. Теперь Бабушкин, только что вернувшийся с зверобойного промысла на Белом море, идет на „Садко“ начальником авиогруппы.

Михаил Сергеевич весел и, как всегда, спокоен. Улыбка не сходит с его лица. Добродушные и шуточные разговоры его всегда можно слышать и в кают-компании, и на мостике, и в его каюте, в которой часто собираются к нему в свободные минуты садковцы.

Две легкие, изящные машины расположились на палубе, гордо сложив свои крылья вдоль длинного тела-фюзеляжа. Направив свои острые носы в стороны, они, кажется, готовы тотчас ринуться, разорвать паутину веревок и, распластав крылья, взвиться в туманную даль. Но бортмеханик Нелидов предусмотрительно ощупывает каждую веревку. Вытащив из просторного кармана обтирку, он тщательно удаляет брызги соленой воды.

Обойдя кругом серебристо-белого „хенкеля“, он переходит к более приземистой „шаврушке“. На голубом борту аккуратно выведено „Челюскинец“. Это близнец того самого ША-2, на котором Бабушкин улетел из лагеря Шмидта. Но тот был весь побит, заплатан, перетянут веревками и тросами, этот же блестит свежестью краски и шегольским видом.

Нелидову хорошо знакома эта машина. Хотя какая машина ему не знакома! Двадцатилетним парнишкой прямо с Путиловского завода Петя, а теперь Петр Матвеевич, в 1916 году был взят в армию! Попав в авиачасть, он так и не вернулся на завод. Двадцать лет авиационной работы дали ему возможность узнать множество машин. Пролетав бортмехаником в гражданскую войну, он переходит в воздушный

ДОКУМЕНТАРИЙ

Михаил Сергеевич Бабушкин

флот Осоавиахима, затем в гражданский флот. Около полумиллиона километров покрыто им на самолете.

Хабаровск — Сахалин, Иркутск — Якутск, Москва — Свердловск, Москва — Харьков и, наконец, Север. Нелидов ранней весной отправляется на остров Моржовец в Белое море, откуда воздушной разведкой десяткам зверобойных судов указывает тюленьи залежки.

Нелидов любит и знает свое дело. Недаром он имеет ряд благодарностей, наград и премий. Достаточно сказать, что за все 20 лет работы не было ни одной аварии самолета по его вине.

Геннадий Петрович Власов — самый молодой пилот авиозвезд, но и он имеет солидный стаж. Начав

свою летную работу в 1918 году мотористом, Власов прошел все специальности — моториста, механика, бортмеханика, техника, а с 1921 года он становится летчиком, сначала в Красной армии, потом в Добролете. Наконец, попал в Главсевморпуть и на Север. В 1934 году Власов летал на Диксон, Вайгач, обслуживал Карскую экспедицию. Весною 1935 года он вместе с Бабушкиным был на зверобойном промысле и, наконец, стал участником высокоширотной экспедиции. ДОКУМЕНТАРНО

Это настоящий труженик авиации. О себе он говорит: „Я рабочий летчик. Никаких замечательных полетов я не делал. Летная работа — моя работа“. Поэтому он несколько недоволен, что ему приходится мало летать. С нетерпением он ждет льдов, а значит и работы. Недаром на Шпицбергене, когда, воспользовавшись стоянкой в Баренцбурге, решено было попробовать самолет в воздухе, он вместе с механиком возился над самолетом и моторами целые сутки и, наладив его, взлетал раз пять. Когда его спросили, много ли километров он налетал, он ответил: „Не знаю, записано за мной 1300 часов“.

1300 часов за 6 лет, ни одной аварии — вот актив Геннадия Петровича Власова.

* * *

На корабле еще спят. Часа два назад кончилась очередная станция. Усталые от непрерывной работы, научные работники разбрелись по каютам, чтобы забыться в глубоком сладостном сне. В кают-компании стол, накрытый для почной станции, остался почти нетронутым. „Садко“ вошел во льды, и его быстрое продвижение вперед задерживается необходимостью лавировать между ледяными полями. Следующая станция не раньше, чем через пять-шесть часов.

На палубе, на мостике, в коридорах, в каютах необычайно тихо. И это не вяжется с ослепительно сияющим днем на воле. Безоблачно, безветренно. Солнце заливает своими негреющими лучами море, льды. Ледяные торосы, ропачки в своих изломах искрятся и переливаются огнем. До боли в глазах сверкают белизной ледяные поля. „Садко“ осторожно пробирается между льдинами. Вот его крутой форштевень решительно толкнул громадную глыбу. Упрямо сопротивляясь уве-

ренно скользящему по зеркальной глади кораблю, льдина медленно подается. Она слегка погрузилась в воду, как бы упираясь покрепче во что-то. Но вот она медленно начинает скользить вдоль стальной обшивки. Она скрежещет, царапает борт. Наконец, льдина, как бы убедившись в своем бессилии, шумно отталкивается и, потеряв равновесие, переворачивается, обнажая изъеденную солью подводную часть.

ДОКУМЕНТАРНО

Любимец садкоцев Гайдо

На мостике вахтенный штурман Иванов, оторвавшись от бинокля, спокойно взглядывает на побежденную льдину и, не торопясь, бросает слова команды в штурвальную:

— Право руля!

— Есть, право руля!— раздается ответ рулевого, и слышится рокот поворачиваемого колеса. На палубу левого борта вышел из машинного отделения чумазый Бармичев. Прищулив глаза от обилия света и нестерпимой белизны простирающихся до самого горизонта льдов, он глубоко вдыхает свежий, холодный воздух и уголком платка, повязанного на шее, стирает со лба пот. Мечтательно провожая глазами проплывающие мимо причудливые льды, он закуривает папироску, но вдруг, вспомнив о своих котлах, быстро поворачивается и, юркнув в открытую железную

дверь, гремя железными гвоздями ботинок, проваливается в темноту.

В открытую настежь дверь камбуза виден кок, озабоченно разжигающий плиту. Ему некогда любоваться чудесным утром, безветренным и солнечным. Надо приготовить завтрак к смене вахт. Кучи золы и сора из плиты летят за борт и черными, грязными пятнами оседают на льдине, горделиво поднявшей вверх острие, словно лебединую шею. Тускнеют из-за рудная зелень излома и нежная прозрачность льда. Но коку не до жалости. На сковороде потрескивает и мечет игольчатые брызги масло.

По коридору жилого помещения, громко зевая и протирая глаза, грузно шагает буфетчик Иван Михайлович. Он не выспался и опухшими глазами с завистью поглядывает на каюты спящих. В полуоткрытые, закинутые на длинный крюк двери видны лежащие люди. Из каюты химиков равномерно несется храп, торопливый, жадный, упорный. Так и чувствуется желание в три-четыре часа выспаться за семь-восемь часов. Дверь в каюту геолога Ермолаева открыта настежь. Михаил Михайлович лежит на спине, в своей когда-то желтой кожанке, с шарфом на шее. Ноги его свисают с койки. Одна разута. Другую — не успел, — уснул. Улыбка играет на его молочно-бледном лице, обнажая зубы. Иван Михайлович подошел к трапу и, остановившись у прикурнувшего в уголке большого, сильного пса, проговорил:

— Спишь, Гайдо? Ну, спи, спи! Хотя хороший пес давно бы встал вместе с хозяином...

Гайдо нехотя подвигнул голову и уставился понимающими глазами на разговорившегося буфетчика.

— Федя-то час тому назад пошел кормить свою ораву! Пошел, пес.

При имени хозяина Гайдо вильнул два раза хвостом и, как бы убедившись в несерьезности разглагольствований Ивана Михайловича, положил морду на лапы и уснул.

— Заснул. Вот оно. Все спят, а вот Иван Михайлович должен идти стол накрывать, — буркнул буфетчик и шумно стал подниматься по трапу в кают-компанию.

На верхней палубе Федор Сергеевич Журавлев кормил своих псов. Независимо от погоды, местопо-

бывания, других причин, Федор Сергеевич аккуратно в пять часов утра подымается и, облачившись в брезентовую робу, начинает кормить, убирать и, если надо, лечить животный мир садковцев. 30 собак, 10 поросят и добродушный флегматик-бык — это хозяйство Журавлева. Больше всего он любит собак. За девять зимовок на Новой Земле он оценил полезность, преданность и незаменимость этих маленьких помощников. В безлюдных просторах Арктики, даже после появления аэросаней, самолета и вездехода, собака сохраняет свое транспортное значение. Не так давно собачий транспорт был единственным и незаменимым. Только олени в тундре соперничали с собаками.

Собаки возят, стерегут, помогают в охоте, служат для промышленников средством общения и связи. Федор Сергеевич в зиму 1932/33 года на собаках объездил почти всю Новую Землю, проделав не меньше 3500 километров. В ту пору Федор Сергеевич, имевший богатейший опыт девяти зимовок и тринадцатилетний стаж промышленника, работал инструктором промыслов. За три года инструкторской работы Журавлев изрезал вдоль и поперек полозьями нарт снежные просторы и ледники Новой Земли. Каждая промысловая избушка, каждая бухточка, залив видели быстрый бег его дружных собак и широкий след легкой нарти. Его любят и уважают не только за то, что он член островного совета и президиума, не только за то, что он старейший член артели промышленников, — Журавлева любят и знают как человека изумительных качеств. Простой, вежливый и всегда готовый помочь, объяснить, он настоящий

Кадр Ф. С. Журавлев

труженик, честный, исполнительный и беззаветно преданный своему делу.

Воспитанные и выученные им собаки на Новой Земле ценятся вдвое. И не зря. Лаской и терпением, внимательным уходом и хорошей пищей Федор Сергеевич вырастил не одну упряжку прекрасно обученных собак, сильных, выносливых, послушных. В кругу своих питомцев Федор преображается. Он с ними беседует, ворчит на забияк, читает правоучения.

ДОКУМЕНТАРЬ

Утреннее появление Журавлева собаки встречают восторженным лаем, повизгиваниями, рычанием и лязгом цепей. Они мечутся и рвутся к заветному ведру с кусками черного тюленьего мяса. Подымается страшный шум. Махио (метко прозванный так за свой бандитский нрав), остановленный в своем стремительном прыжке цепью, оскалив клыки, бросается на своих соседей справа и слева, вымещая на них злобу; помесь с немецкой овчаркой, он изящен и красив своими стройными ногами, длинным туловищем и широкой, сильной грудью. Его сосед справа Капитон — большой, сильный, пушистый пес, отличающийся спокойствием, он не желает ввязываться в ссору с беснующимся Махио. Грозным рычанием остановив попытку укунуть, он спокойно прыгает на крышу конуры и выжидающе смотрит на хозяина и на ведро. Про него Федор Сергеевич говорит:

— Самый добросовестный пес! Работает за двоих.

Вероятно поэтому ему чаще других перепадает лишний кусок мяса. Так же внимателен Федор Сергеевич и ко второму добросовестному труженику — Мальчику. Мальчик, маленький невзрачный пес, несколько забитый и часто обижаемый товарищами, в работе бесподобен. Он тянет, упираясь крепко всеми лапами, опустив низко голову. Совершенно не терпит, когда кто-либо вырывается вперед из упряжки. На команду каюра реагирует мгновенно. Поэтому его запрягают с правого края. Если бы не его маленькие размеры и скромность, он несомненно был бы прекрасным передовиком. Удивительно, как ловко подобраны имена у этих собак, в большинстве — Журавлевым, причем он проявил большую наблюдательность и чутье. Получив собаку, он, присмотревшись, дает кличку, которая впоследствии вполне оправдывает основной характер пса.

Вот, например, Вулкан. Его порыв, стремительность и бурность проявляемых чувств действительно подобны извержению. Недаром Федор Сергеевич, возясь около него, постоянно на чеку, чтобы не сделаться объектом его сбивающей с ног радости.

Совсем иной пес Разбойник.

— Вот уж разбойник! — начинает обычно о нем Журавлев. — Никогда нельзя ожидать от него путного. Вечно что-нибудь выкинет. А хитер-то как. В упряжке ДОКУМЕНТАРНО тужится, напрягается, думаешь — из сил выбивается, а на деле-то оказывается — симулирует. К тому же ловок, бестия, до непомерного. Уж чего только ни придумывал, чтобы держать его на привязи. Вечно уходит с цепи. И других псов обижает.

Не менее удачны прозвища двух других собак. Это Бек и Барон. Они дружны, помогают один другому при общей свалке, в упряжке идут рядом и отличаются горделивой осанкой. Только у Барона шерсть покороче и ноги длиннее. А Бек более утрюм и зол, предрасположен к лени.

Цезарь — почти чистокровная овчарка. Он еще молод и неопытен. Но стройные ноги, широкие лапы и мощная грудь говорят о том, что из него будет хороший вожак. Большой забияка, рослый, он, несмотря на свою молодость, из драки всегда выходит победителем.

Нельзя не упомянуть и о Джимке. Это самый беспокойный, самый злой пес. Небольшой, коренастый, покрытый длинной шерстью, он напоминает пушистый комок. От частых драк у него шерсть висит клоچьями. Его держат отдельно на самой корме, ибо Джимка не может пропустить мимо себя ни собак, ни человека, чтобы не вцепиться. Как на пружинах, он ни минуты не сидит спокойно. Его короткий лай слышен постоянно. Бесстрашно бросается он на любого пса, на свору, на людей. Его никогда не увидишь ни обиженным, ни прибитым, ни побежденным.

— Хулиган, шпана! — коротко бросает о нем хозяин...

Очистив палубу от мусора, грязи, разделив поровну мясо, промыв и осмотрев раны у всех своих питомцев, пострадавших в обычных свалках, наконец, напоив всех из ведра, Журавлев прошел к поросятам.

Так начинается трудовой день Журавлева. Собаки, поросята, бык занимают весь его день.

В начале его пугала и смущала необходимость присматривать за домашними животными. Он, привыкший иметь дело с собаками, медведями и морскими зверями, не имел представления о том, что нужно с ними делать. Но постепенно привык к ним и даже полюбил. Особенно быка. И, когда пришло время заколоть его, Журавлев целый день ходил молчаливее обычного.

Поросята вызывали у Журавлева недовольство, возмущение. „Грязные животные — и все“. Его возмущала та масса грязи, которую они разводили у себя в специально выстроенном свинарнике и в корытах-кормушках. Он никак не мог простить им, что они с ногами залезали в корыто, мешали друг другу и большую часть пищи выплескивали на грязную палубу. И, наконец, грязные, вывалявшиеся в помоях, несмотря на предосторожности Журавлева, пачкали его робу и полушубок. Но все же, постоянно ворча и негодуя, Журавлев никогда не ударил, никогда ничем не обидел ни одного из них. Наоборот, двух маленьких свинок, постоянно затираемых и обижаемых, кормил отдельно и терпеливо ждал, пока они насытятся, отгоняя жадных кабанов, не дававших им поест. Понятно, почему поросята привыкли к нему и при появлении окружали его хрюкающей, беспокойной массой.

Помимо этого отнимающего много времени труда, Журавлев занимался всем, чем угодно: присмотр за оружием, партами, упряжкой; шитье, починка; помощь научным работникам; работа в трюме. Без работы Журавлева нельзя было видеть. Он постоянно что-нибудь делает, чистит, чинит. Только поздним вечером, после ужина, он, умывшись и переодевшись, берется за книжку и внимательно читает. Его любимые книги — о Севере. Прочитав книгу, он делится своими замечаниями. Рассказывает случаи из своей жизни, полной разнообразных происшествий и приключений. В рассказах скромно оставляет в тени свое участие и моменты, характеризующие его отвагу, выносливость, смелость и опыт полярника-промышленника. Его рассказы коротки и просты, полны теплоты и правдивости. Нельзя без волнения слышать рассказ о том, как в промысловой избушке он принимал ребенка от рожавшей женщины, в пургу, в полярную ночь, в одиночестве.

Или вот еще случай на зимовке.

Однажды, когда его жена почувствовала приближение родов, Журавлев решил доставить ее в ближайшее становище. В виду того, что расстояние было небольшое, всего километров 18, он решил идти не торопясь, пешком. День был солнечный. Шли, часто останавливаясь и отдыхая. На полпути их внезапно настигла пурга. В борьбе с ветром и снегом бедная женщина быстро обессидела и все чаще останавливалась. Наконец, свалившись, сообщила, что идти больше не может. Сняв с себя малицу и укутав в нее жену, он посадил ее на снег, а сам побежал обратно к избушке за нартами. С трудом преодолевая встречный ветер, измученный, весь мокрый, он добрался домой и помчался обратно на собаках. На прежнем месте Журавлев жены не нашел. Обеспокоенный, он искал, кричал и стрелял, но никто не отзывался. Погнав собак в становище. И там жены не оказалось. Вернувшись обратно, стал раскапывать сугробы и обнаружил в одном из них жену. Укутанная в меха, она сладко спала под снегом.

— Федя! Как ты быстро! — удивилась она спросонья.

Счастливый Журавлев молча усадил ее в нарты, и измученные собаки снова двинулись к становищу. В ту же ночь она родила дочку.

Теперь семья Журавлевых в Архангельске. У Федора Сергеевича пятеро детей. Из них четверо родилось на Новой Земле.

Каждый выходной день Журавлев выдает сыновьям по десяти мелкокалиберных патронов, и это для них лучший гостинец. С нетерпением ждут этого дня оба сына. Нет большего удовольствия для них, как затащить отца в тир. Однажды, наблюдая тщетные попытки какого-то мужчины попасть в мишень, Игорь с волнением обратился к отцу:

— Как он это не может попасть? Ведь это так легко!

Некий охотник, присутствовавший тут же, услышал этот разговор и, удивленный серьезным тоном мальчугана, предложил ему попробовать. Тот, не смущаясь, согласился. Когда подошли к прилавку, он не достал до него...

— А можно мне сесть на него? — спросил Игорь охотника.

Получив разрешение, Игорь взобрался на прилавок, выбрал винтовку и стал выпускать пулю за пулей в мишень. Все они оказались в яблоке. Восхищенный меткостью мальчика, охотник дал ему еще патронов, и Игорь стал поражать одну за другой движущиеся мишени, вызывая среди собравшейся толпы восхищение и удивление.

Кроме трех сыновей, у Журавлева есть еще две дочери — Нина и Рита. По приезде в Архангельск стали приобщаться к культуре Большой Земли, удивляясь никогда не виданным коровам и лошадям не меньше, чем автомобилю и трамваю.

За эти годы Журавлевым взято более 700 песцов, бесчисленное количество морского зверя и несколько десятков медведей. Однажды, во время его пребывания кяуром на полярной станции мыса Желания, Журавлев выехал смотреть песцовые капканы. Сняв пару песцов, он уже возвращался, когда заметил на береговом припье белого мишку, стерегущего у отдушины нерпу. Привязав собак, Журавлев стал подкрадываться к увлечшемуся охотой медведю и метров за пятьдесят притаился за ропакон, с интересом наблюдая. Большой самец, расположившись за небольшим ропачком, терпеливо глядел в отдушину. Нерпа не решалась вылезть на лед. Приподняв мордочку из воды, она осторожно оглядывалась и бесшумно исчезала. Медведь терпеливо ждал, прикрыв лапой черный свой нос, чтобы не выдать себя. Журавлев приготовил винтовку и замер. Между тем нерпа все смелей и чаще выглядывала из лунки, наконец, вылезла. Еще минуту, две она, подняв высоко голову, прислушивалась, оглядывалась и, успокоившись, прилегла у самого края отдушины. Тотчас медведь стремительным прыжком очутился подле нерпы и разможил ей череп. Прыжок был настолько быстр, что нерпа не успела даже шевельнуться. Наконец, когда медведь спокойно оттащил свою жертву подальше и начал ее есть, Журавлев выстрелил. Могучий, грозный хищник от меткого выстрела обмяк и замер над еще теплым трупом нерпы. Журавлев стал обходить гряду торосов, за которой скрывался. Вдруг с ужасом он заметил второго медведя, подкрадывавшегося к нему шагах в десяти. Медведь готовился к прыжку. Только мгновенно вернувшееся хладнокровие и выстрел в упор оборвали пры-

жок громадного зверя. Он упал в нескольких шагах от Журавлева. Еще две поспешно выпущенные пули, и медведь затих. Журавлев присел. Отирая со лба обильно выступивший пот, он ругал себя за неосторожность и увлечение. Компенсацией за пережитый страх были две прекрасные медвежьи шкуры.

Барендбург ДОКУМЕНТАРЬ

„Садко“ подходил к Шпицбергену.

Яркий день. Синее, чуть плещущее море. Гористая, в снеговых шалках земля, раскинувшаяся на горизонте.

Шпицберген. Вход в Барендбург

Все это держало садковцев на палубе, на мостике, на полубаке.

Свальбард. Шпицберген. Грумант. Малый и Большой Броун. Так известен северным морякам с незапамятных времен этот состоящий из группы больших и малых островов архипелаг. Его южная оконечность, лежащая на $76^{\circ}27'$ с. ш., мыс Зюдкап представляет как бы вершину равнобедренного треугольника, обращенного основанием к северу.

Официально честь открытия Шпицбергена принадлежит голландскому мореплавателю Баренцу, который достиг в 1596 году архипелага, назвал его Шпицбергеном и дал достоверные сведения в своих записях, но достоверно и то, что задолго до Баренца на Шпицбергене бывали и норвежцы и русские.

В исландских летописях за 1194 год вскользь сказано: „Открыл Свальбард“. Древнеисландского происхождения, слово это в переводе значит „ХолодДОКУМЕНТА край“. Относящиеся к тому же времени записи датчан говорят, что „часто по пути из Исландии в Норвегию норвежские мореплаватели уносились непогодой в холодную, ледяную и неведомую страну“. Надо полагать, что это был Шпицберген.

С другой стороны, достоверно известно, что русский помор Павел Нишец, в XVI столетии проживавший в Коле, ежегодно плавал к Гренланду-Груманту на промысел. На западном берегу Шпицбергена есть бухта Старостина, названная так по имени русского крестьянина, промышлявшего здесь еще в первой половине XV века. Его потомок, Иван Староста, прожил на Шпицбергене 39 зимовок и похоронен в Грин-Гарбуре в 1816 году.

Все это говорит о том, что Шпицберген был известен русским поморам задолго до Баренца. Несмотря на трудности и опасности, русские промышленники ежегодно отправлялись на Грумант или, как они иначе называли, Большой Броун (западный Шпицберген) в отличие от Малого Броуна (остров Эдж).

Промышляли русские, преимущественно на берегу, оленей, песцов и гагачий пух. В отличие от них норвежцы и все остальные занимались промыслом морского зверя. Сохранилось сказание о четырех русских поморах, которые, сойдя на берег с затертого у острова Эджа корабля и вернувшись, не застали ни своих товарищей, ни своего судна.

Из четырех промышленников, оставшихся на земле, трое прожили на этом острове полярными робинзонами шесть лет. Исправив полуразрушенную промысловую избу, со скудным снаряжением, захваченным с судна, они жили, занимаясь промыслом, охотой. Питаясь сырым мясом, одеваясь в шкуры оленей, имея только первобытное самодельное оружие, они прекрасно приспособились к суровым условиям Шпиц-

бергена. На седьмой год случайно зашедшее норвежское судно доставило их домой вполне здоровыми и с богатым промыслом. Только один из них в самом начале зимовки погиб от цынги.

Промысел на Шпицбергене, принявший огромный размах в XVII—XVIII веках, привлекал такое бесчисленное количество промысловых ботов и промышленников, что в Айсфиорде в одно лето возник целый городок Смееренбург, с многотысячным населением.

Смееренбург, или „Город жира“, одним своим названием показывает на занятие жителей этого города, тесно связанное с промыслом морского зверя. Этот оживленный, шумный, кипящий своеобразной жизнью городок с падением промысла исчез. Кроме незаметного гранитного памятника, затерянного на берегу одной из многочисленных бухточек Айсфиорда, где некогда, защищаясь от бурь, скоплялось по несколько десятков промысловых ботов, от этого самого северного города не осталось теперь никакого следа.

Причиной оживленного промысла и частого посещения Шпицбергена в сравнении с другими арктическими землями, было сочетание двух благоприятных условий: во-первых, близость к западной Европе, вторым и основным условием является мощная ветвь Гольфстрима, огибающая Шпицберген с севера и омывающая его западные берега. Это создавало относительно свободный доступ судам и значительно облегчало жизнь и труд. Этим же объясняется, что просторства чистой воды дальше всего на север идут у западных берегов Шпицбергена, в благоприятные годы — до 82° с. ш. Они образуют залив чистой воды, известный под названием „Китовый залив“, так как в свое время он изобиловал китами, заходившими туда летом. Более ста лет назад здесь возник хищнический китобойный промысел, истребивший китов в этом районе.

Этим же объясняется громадное значение Шпицбергена в истории открытия северного полюса и вообще в истории завоевания Арктики. Бухта Книгсбей, находящаяся севернее Айсфиорда, служила отправным пунктом и базой многих экспедиций. Величайший полярный исследователь Рональд Амурдсен отправился

оттуда к северному полюсу на двух самолетах в 1925 году. Ему удалось достигнуть только $87^{\circ}43'$ с. ш., где он был вынужден оставить один самолет и на втором, в самых тяжелых условиях, вылететь обратно к берегам Шпицбергена. Этим полетом Амундсен сделал начин в области исследования Арктики с воздуха.

Правда, первым исследователем Арктики с воздуха был Соломон Август Андрэ, за 30 лет до Амундсена ДОКУМЕНТА организовавший экспедицию к северному полюсу на воздушном шаре „Орел“. Базой экспедиции Андрэ была бухта Вериге на Шпицбергене. Но Андрэ и его два спутника — физик Стриндберг и техник Френкель погибли. Только в 1930 году были обнаружены тела этих трех героев, положивших начало завоеванию Арктики на воздушных кораблях. Как выяснилось из дневников и фотографий, найденных через 30 лет после их исчезновения, шар Андрэ очень быстро после отлета обледенел и опустился на ледяные поля северо-восточнее Шпицбергена. С большими трудностями Андрэ и его спутники добрались до острова Белого, лежащего между архипелагами Шпицбергена и Франца-Иосифа. Здесь, на этом покрытом сплошным ледниковым щитом острове, они зазимовали и погибли от истощения и переутомления после неудачных попыток добраться до Шпицбергена через дрейфующие льды. Следующая попытка достигнуть северного полюса с воздуха была сделана в 1926 году одновременно американским летчиком Бердом, на самолете, и Рональдом Амундсеном, во главе норвежской экспедиции, — на дирижабле. Базой для обеих экспедиций была бухта Кингсбей. 9 мая Берд на своем „Фокере“ благополучно достиг северного полюса и, сделав над ним несколько кругов, вернулся в Кингсбей, пробыв в воздухе 14 часов 40 минут.

Вслед за ним Амундсен на специальном полужестком дирижабле „Norge“, системы итальянского инженера Нобиле, совершил перелет Шпицберген — Аляска через северный полюс. Имея на борту целую экспедицию, Амундсен проделал в пути ее силами большую разностороннюю научную работу и наблюдения и впервые в истории исследования Арктики дал сведения о недоступной полосе льдов между северным полюсом и американским материком. Однако ни Берду, ни

Амундсену не удалось совершить посадку на северном полюсе.*

Еще через два года Шпицберген вновь служит базой для большой воздушной экспедиции на дирижабле „Италия“ под начальством Умберто Нобиле. Нобиле, бывший командиром „Norge“ Амундсена, решил организовать самостоятельную научно-исследовательскую экспедицию на северный полюс, проектируя на нем посадку. После двух удачных полетов к Северному полюсу, Земле, „Италия“ стартовала 23 мая в бухте Кингсбей. Достигнув полюса, Нобиле, вследствие неблагоприятных атмосферных условий, отказался от высадки на полюсе людей. На обратном пути, не достигнув Шпицбергена, дирижабль обледенел и начал стремительно падать. Произошла катастрофа, закончившаяся тяжелой трагедией. От удара дирижабля о торосистый лед оторвалась часть гондолы с находившимися в ней людьми во главе с Нобиле. Шесть человек, оставшиеся в дирижабле во второй половине гондолы, были унесены облегченным дирижаблем и погибли. Из 11 оставшихся на льду спаслось только 9 в результате спасательных экспедиций, организованных различными странами, в том числе и Советским Союзом. Все оставшиеся в живых были подобраны ледоколом „Красин“, кроме самого Нобиле, которого вывез из ледяного плена шведский летчик Лундборг. При вторичной попытке Лундборг потерпел аварию и сам был вывезен с места катастрофы „Италии“ на самолете.

Во время спасательных работ изумительную работу показали наши летчики Чухновский и Бабушкин, совершив ряд прекрасных полетов.

Тогда же погиб великий полярный исследователь Рональд Амундсен, вылетевший на самолете „Латам“ в поиски потерпевших катастрофу.

Уже из вышеуказанных, далеко не всех экспедиций ясна роль, которую сыграл в истории изучения

* Борьба за северный полюс с воздуха закончилась блестящей победой советских пилотов и полетчиков. В момент, когда эта книга находилась в производстве, экспедиция, под руководством О. Ю. Шиндта, на четырех воздушных кораблях достигла северного полюса, совершив на нем блестящую посадку и водрузив флаг СССР. В районе полюса для научных работ оставлена группа зимовщиков под руководством И. Д. Папанина. Для более полного ознакомления с полетом на северный полюс мы отсылаем к книге „Большевики на северном полюсе“, Севинз, 1937.

Арктики Шпицберген. До настоящего времени Шпицберген является наиболее посещаемым архипелагом в Арктике как экспедициями промышленными, так и научно-исследовательскими, преимущественно советскими, норвежскими и шведскими. Кроме своеобразия географического положения, наличия теплого течения Гольфстрима, Шпицберген представляет интерес и в отношении промыслов.

История освоения Шпицбергена делится на три периода. Первый из них — со дня открытия архипелага вплоть до начала 1800-х годов — характерен широко развитым промыслом кита, морского зверя, оленя, песцов, гагачьего пуха и отчасти рыбы. Это эпоха города Сmeerенбурга, период многочисленных посещений Шпицбергена русскими, норвежскими, шведскими, английскими, голландскими, французскими и даже испанскими мореплавателями и промышленниками.

После падения промысла, вследствие хищнического уничтожения кита и морского зверя, начинается период многочисленных научно-исследовательских экспедиций.

Третий период определяется открытием полезных ископаемых на островах Шпицбергена, привлекавших внимание европейских государств, главным образом северных, особенно после обнаружения каменноугольных месторождений.

Возникает вопрос о приобщении Шпицбергена к территории какого-либо государства. Заинтересованные страны незадолго до мировой войны собираются в Осло специально для разрешения этого вопроса. Только после мировой войны, прекратившей работы конференции, в 1920 году была подписана Шпицбергенская конвенция, согласно первому параграфу которой Норвегия получила власть над Шпицбергеном. Прав на полезные ископаемые Шпицбергена Норвегия не получила, и владение ими устанавливается особой международной комиссией и международным арбитражем в Копенгагене, разрешающим все спорные вопросы по владению каменноугольными месторождениями и вообще земельным фондом Шпицбергена.

Открытие каменного угля на Шпицбергене относится к началу XVII века. Но только с конца XIX века усилился интерес к обнаруженным месторождениям. Открытие новых мощных пластов угля явилось мощ-

ным фактором для организации каменноугольных разработок. Первое каменноугольное предприятие, организованное американцами в 1904 году, интенсивно развиваясь, довело свою продукцию до 40 тысяч тонн, но с начала войны было продано Норвежской угольной компании. В 1908 году Английская угольная компания также была продана Норвегии.

Несмотря на благоприятные условия разработки шпицбергенских углей, выгодной вследствие расположения пластов выше уровня моря и недалеко от берега, разработка эта не получала должных размеров, так как большинство первоначальных предприятий преследовало спекулятивные цели.

Шпицбергенские угли не подвержены самовозгоранию, поэтому могут быть сложены в большие штабели без всякого опасения. В шахтах отсутствует рудничный газ. Пласты залегают в вечной мерзлоте до глубины более 100 метров, вследствие чего температура в рудниках держится около -3° и ниже. Прочные песчаники и сланцы дают возможность совершать проход шахт и штолен без применения специальных креплений. Наконец, пологое падение пластов и выходы их наружу дают возможность разрабатывать и вскрывать пласты штольнями.

Правда, есть ряд и неблагоприятных факторов: климат, необходимость завозки всевозможного оборудования, продовольствия и рабочей силы с материка, наконец, короткий навигационный период, ограничивающий время вывозки добычи. Но все это окупается качеством шпицбергенского угля, близостью к нашим северным портам, а с открытием Беломорского канала — и к Ленинграду.

Топливоснабжение севера европейской части Союза теперь, в связи с развитием хозяйства и промышленности, бесспорно является одним из основных и решающих условий для дальнейшего роста индустриализации Кольского полуострова, Северной области и Карелии. Поэтому, когда экономический кризис, охвативший капиталистический мир, приостановил добычу каменноугольных копей Шпицбергена, советским правительством были куплены два рудника: Грумант-Сити в 1931 году и Баренцбург в 1932 году. И тот и другой лежат на берегу Айсфиорда, на расстоянии 25 километров один от другого.

Баренцбург, расположенный в заливе Грин-Гарбур (Зеленая гавань), находится несколько южнее Грумант-Сити. Еще севернее по Айсфиорду расположился единственный из действующих в настоящее время иностранных рудников — Адвентбей, принадлежащий норвежцам, с населением около 300 человек, с губернатором Шницбергена и годовой производительностью в 250 тысяч тонн угля.

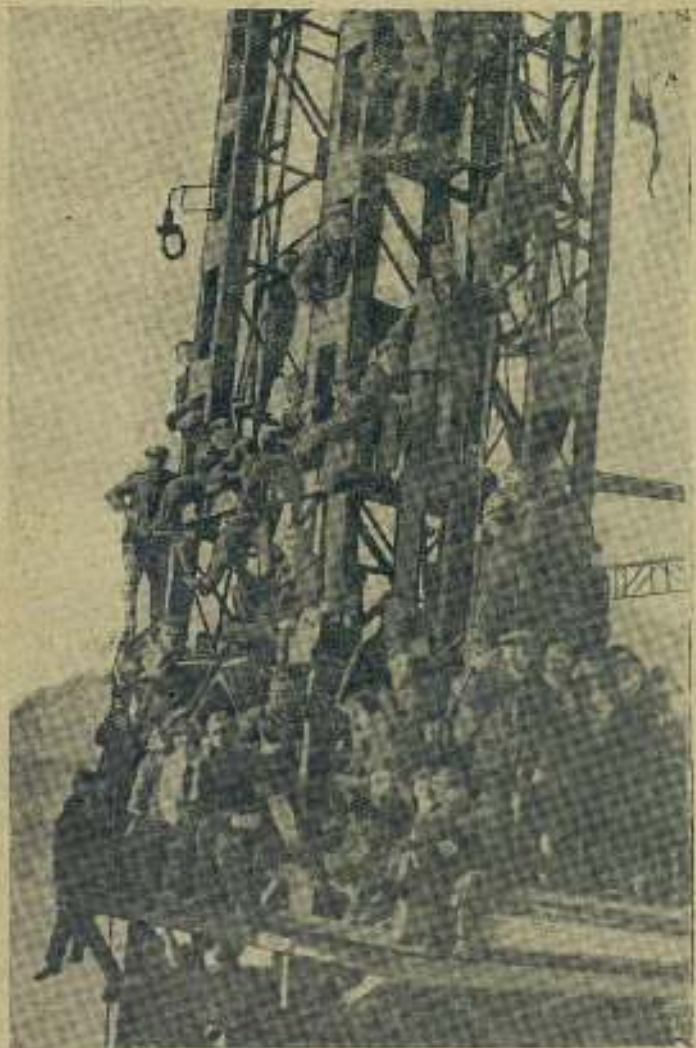
На наших советских рудниках проживает ДОКУМЕНТАРЬ 2000 советских шахтеров из Подмосковниого района и Донбасса, из них 400 человек — в Грумант-Сити, остальные — в Баренцбурге...

Баренцбург

Многообразная история Шницбергена всплыла в памяти собравшихся на борту скользившего по спокойной глади Айсфиорда „Садко“. Гористые берега залива, испещренные белыми мазками снежных пятен, ложбин и вершин, проплывали мимо, отражаясь в темных водах залива. Ослепительное солнце заливало своими лучами склоны гор, пологие берега и обрывы скал на левом берегу узкого входа в Айсфиорд. Чайки кружились над головами, то паря с распростертыми белыми крыльями, то камнем падая в воду, то стрелой проносясь перед глазами любопытных садковцев. На воде резвились изящные и проворные утки и гадгары, от шума винта испуганно нырявшие в воду.

Баренбург встречает

Но вот „Садко“ завернул в бухточку Грин-Гарбур. На ее левом берегу виднеется бревенчатый город. Над всем городом возвышается громадный металлический остов крана. Несколько в стороне виднеются две мачты радиостанций. Это Баренцбург. Самый северный город, самый северный рудник в мире. Подходя к Баренцбургу и с любопытством всматриваясь в раскинувшийся на пологом берегу бухты заполярный город, мы, к своему удивлению, замечаем пасущихся коров.

Но вот и пристань. У крана стоят под погрузкой два иностранных грузовоза. Вся пристань усеяна народом. Развешаются плакаты, флаги, гремит оркестр. Металлические вышки заполнены горняками Шпицбергена, встречающими высокоширотную экспедицию, кончающую в Баренцбурге свой первый этап. Отсюда начнется второй этап, наиболее трудный и опасный: путь на север от Шпицбергена, путь к загадочной Земле Джиллиса, путь во льдах центрального полярного бассейна.

После приветственных речей настали деловые будни. Грузили уголь.

Садковцы рассыпались по городу, восхищаясь прекрасно оборудованными столовыми, больницами, баней и жилыми домами, где в чистоте, тепле и уюте живут наши шахтеры, оторванные в течение многих месяцев от материка и родины.

Чистенькие газоны, клумбы с цветами, фонтан, специально подготовленный и пущенный в день нашего прихода. Самодельный бильярд, вынесенный прямо на досчатую мостовую и постоянно собирающий множество игроков. И, наконец, клуб с библиотекой, звуковым кинотеатром и большой сценой, где шахтеры изумили нас своей широко поставленной самодеятельностью, самой разнообразной и высокой по качеству исполнения. Имеются даже балет и опера. Осмотрели оснащенные новейшей техникой рудники, еще недавно представлявшие заброшенные, запущенные шахты и штольни. Наконец, единственный в мире, новейшей конструкции кран-экскаватор.

Обращает на себя внимание постановка вопроса питания на советских рудниках Шпицбергена: все без исключения пользуются столовой, распорядок ее — по сигналам. Здесь нет в обращении денег, но по забор-

ным книжкам каждый работник Баренцбурга может брать любую вещь из имеющихся в поселке промтоварных и продовольственных магазинов.

Баренцбург, несмотря на оторванность от материка, на расположение в пределах чужой норвежской территории, на долгую зиму и полярную ночь, живет полной советской жизнью: работает, учится, поднимает свой технический и культурный уровень, выполняя план и задачи, поставленные перед ним социалистической родиной. ДОКУМЕНТАРИЙ

В течение нескольких дней, пока „Садко“ находился в Баренцбурге, с утра до вечера шахтеры и трудящиеся Баренцбурга осматривали наше судно, знакомясь с его оборудованием, задачами и дальнейшим маршрутом. В клубе читали лекции Зубов, Бабушкин, Ермолаев и другие.

Во время нашего пребывания в Баренцбурге прибыл туда громадный океанский теплоход „Генерал Лафайетт“, полный туристов. Днем позже Баренцбург посетили члены норвежского министерства во главе с премьер-министром.

До выхода из бухты в Айсфиорд, обратно нас сопровождал буксирный катер, полный ударников, во главе с советским консулом на Шпицбергене и управляющим трестом „Арктикуголь“ тов. Плисецким.

Но вот ледокол заработал винтом на полных оборотах, и буксир стал отставать. Прогудев на прощанье три раза сильным басом, „Садко“, выйдя на простор Айсфиорда, повернул из него в Гренландское море.

Во льдах

3 августа

Утром, выйдя из тумана, мы оказались у Семи Островов. Это у северного побережья Шпицбергена. Вокруг нас настоящий арктический лед. Многометровый, зеленый и плотный. Ртутный столбик, несмотря на ослепительное солнце, стоит около нуля. День (или, возможно, ночь) совершенно исключительный. Штиль. Изумительный пейзаж ледового горизонта, скалистых островов, льдин больших и малых! Они отражаются в притихшем море, как в зеркале. Вода темнозеленая, прозрачная.

Осторожно продвигаемся дальше. Льдов встречаем все больше и больше. Они все гуще и плотнее.

Стали. Самолет идет в разведку.

Сошли на лед. Пытались подкрасться к греющимся на солнышке тюленям, но те быстро исчезли.

Бабушкину не удалось взлететь. Подпирали льды, подгоняемые течением. Небольшая полынья, засоренная обломками льдин; меняла свою форму, длину и ширину.

ДОКУМЕНТАРНО

„Шаврушку“ подняли на борт и, избавив от лишнего бензина и разного груза в кабине, снова выпустили на воду.

Михаил Сергеевич летит с Николаевым. Георгий Алексеевич Ушаков вторые сутки не вылезает из радиорубки. Сегодня он ушел туда с раннего утра, так как Леваневский вылетел из Москвы на Сан-Франциско.

Леваневский вернулся из Баренцова моря в Ленинград. Что-то случилось с маслоподачей. Крайне обидно. Напряженное ожидание на „Садко“ сменилось оживленными спорами: почему да отчего...

У нас полет Бабушкина удался наславу, если не считать моего купания. Отправившись на резиновой лодке к самолету, я крутился вокруг да около. Сняв с самолета бортмеханика, запускавшего мотор, я свез его на катер, сам же вернулся к самолету.

Мой вертлявый „пузырь“, задрав нос, крутился, бросаясь в стороны от малейшего движения не только песла, но даже руки. Вдруг низко сидящий хвост самолета легонько толкнул меня в спину. В одно мгновение „пузырь“ перевернулся и, освободившись от меня, отлетел в сторону.

Затянутый с ног до головы в кожу, с карманами, полными патронов, при ремне и нагоне я тихо пошел ко дну. Шапка всплыла, как потом рассказывали очевидцы.

Но ледяная вода быстро вернула меня к активности. К своему удивлению, несмотря на кожаный костюм, тяжелые сапоги и теплое белье, я не только поднялся на поверхность, но даже поплыл.

Самолет уходил вперед. Услышав подозрительный всплеск, Михаил Сергеевич обернулся и, увидев меня плывущим за самолетом, быстро включил мотор. Лодку мою отнесло далеко в сторону струей воздуха из-под винта.

Еще десяток метров, и я крепко уцепился за хвост „шаврушки“.

— Держись, Саша, сейчас катер подойдет,— подбадривал меня Бабушкин.

— Чертовски соленая вода, Михаил Сергеевич,— жаловался я, вполне спокойный за свою участь.

Подобрав свою шапку и поймав лодку, я стал грести к кораблю, стоявшему в километре от места происшествия.

ДОКУМЕНТАРНО

Чувствуя, что зябну, я греб ожесточенно. Мокрая одежда затрудняла движение, и я даже на секунду пожалел о том, что вылез из воды. Там я был вдвое легче.

На „Садко“ меня встретили торжественно. Весть о моем купании облетела каюты, и на палубу высыпал народ.

Успокоенные благополучным возвращением и видя меня смеющимся, с палубы посыпали шуточки:

— Сашка! Ты что, вздумал нормы ГТО сдавать?— приставал Бронтман, деловито занося происшествие в блокнот.

— Сообщите, пожалуйста, тов. Погосов, подробности первой стометровки за восьмидесятым градусом. Каким стилем извоили плавать?

Георгий Алексеевич, вызвав меня к себе и убедившись в том, что я цел и невредим, сказал:

— Открыл купальный сезон? Ладно, беги переодеваться!

Скинув с себя всю промокшую до ниточки одежду и натершись одеколоном, я оделся в сухое и вышел снова на палубу.

Вскоре вернулись с воздушной разведки Бабушкин и капитан.

Дальше по пути лед, лед и лед.

4 августа

Пробираемся во льдах на северо-восток, к мысу Платен. Какая величественная красота! Мимо медленно проплывают резко очерченные рельефы обрывов и скал Семи Островов. Мощные льды нежатся на солнце, искрсясь отражением солнечных лучей. Ослепительная белизна смягчается нежной зеленью изломов и извилин льда, лазурной прозрачностью. Какое множество изумительных линий и контуров у ропаков и отдель-

ных глыб льда. Какие причудливые нагромождения торосов...

Узкий просвет прозрачной темнозеленой воды лежит, как старинное потемневшее от времени зеркало, отражая весь этот почти неправдоподобный пейзаж. Тишину нарушают только крики белоснежных чаек, парящих над нами.

„Садко“ скользит, осторожно обходя льды, от полыньи к полынье, от просвета к просвету. В високосфере над нами торжественном безмолвии ясно слышна команда на мостике, говор людей на палубе.

Лед все тяжелее и тяжелее. Нас прижимает ближе к берегу, к мысу Платен.

Выпустили самолет. На этот раз летал Власов. Он видел на северо-востоке разреженный лед. Будем пробиваться.

Вот они — высокие широты, настоящий лед, Арктика.

На мостике, несмотря на множество людей, — тихо. Почему-то говорят почти шопотом.

Капитан Николаев большую часть времени проводит на палубе. Лицо его серьезно и озабоченно. Взгляд его беспрестанно скользит по горизонту, по льдам.

Несколько меньше народу на мостике бывает во время вахты Василия Ивановича Ножкина.

Странный он человек, наш старший помощник. Молчаливый и угрюмый, на мостике он совершенно неподражаем. Но и здесь он скуп на слова не меньше, чем в кают-компании, когда, сидя после обеда, он с тонкой улыбкой может просидеть за столом часа два, ограничиваясь короткими „нет“, „да“, „не знаю“.

Шагая по мостику из конца в конец и лишь не надолго останавливаясь для того, чтобы пройтись биноклем по горизонту, он не видит штурвального, не оборачивается к нам. Рулевой, крепко держа штурвальное колесо, даже вытянулся вперед и поворачивает ухо за шагающим Ножкиным, чтобы не прозевать его короткой, словно обрубленной команды:

— Правее! Так... Прямо!

Иногда, проходя перед штурвальным, он на мгновение остановится, чтобы головой или скупым жестом руки показать направление.

— Вот так!.. Держите вот туда!..

А не то без слов пройдет и пальцем покажет:

— Обойдите, вон, поле слева.

Выразительный жест штурвальному матросу, и „Садко“ послушно огибает обломленные края большого поля.

Ножкин — ходячая энциклопедия морей и всяких наук, имеющих отношение к морю и навигации.

Попав на море в 1903 году, он прошел всю лестницу морских специальностей, начиная от юнги-ученика до капитана дальнего плавания. Уже с 1912 года

ДОКУМЕНТАРНО

„Садко“ во льдах

он штурман и вскоре капитан. Нет, кажется, ни одного моря и порта, где не побывал Василий Иванович Ножкин.

На Арктику он переключился в последние годы. Это под его непосредственным руководством „Садко“, поднятый со дна моря, превратился из груды ржавого железа, грязи и ила в прекрасный ледокол. Весь тяжелый процесс очистки, ремонта, восстановления корабля сделан при его непосредственном участии. Поселившись на корабле, он так и остался жить и плавать на нем. Только его досчатый барак сменился отдельной изолированной каютой на борту с выходом прямо на палубу, у трапа к мостику.

Лед все тяжелее и тяжелее. Василий Иванович, не видя больше просветов, берет препятствие. Ледовые перемычки остаются позади.

„Садко“ скрипит, дрожит и, вздрагивая, налезает на лед.

5 августа

У мыса Платен выбрались на зеркальную гладь прибрежных разлодий. Вырвавшись на простор ДОКУМЕНТАРНО образного канала, „Садко“ бесшумно разрезал, словно ножом, маслянистую поверхность воды. За кормой треугольником убегали длинные волны, разбиваясь о лед.

Вышли в этот канал, пробившись через большое, ровное поле льда, рябое от множества луж и озерков талой пресной воды. „Садко“, давя лед, упрямо протискивался, иногда замедляя ход до чуть заметного, несмотря на бешено работающий винт. Изредка, остановившись, он отходил назад и с разбегу снова ломал, крошил, оставляя за собой извилистый канал, резко выделяющийся среди гладкого поля.

Низкое ночное солнце озаряло красными и оранжевыми красками хребты гор, скалы, ледники. Мыс Платен лежал в стороне, словно чудовищный носорог с полуопущенной в воду головой.

Пользуясь близостью берегов и ясной солнечной погодой, наши гидрографы выправляют на карте очертания всех этих мысов, островов, горных хребтов и вершин.

Борьба „Садко“ со льдами хорошо ощущается внизу, в кочегарке и машинном отделении. Скрежет льдов о борта и удары форштевня корабля гулко отдаются через сталь корпуса. Громадные шатуны, быстро вращающиеся массивный вал, часто замедляют свой ход, повинувшись команде с мостика. Беспрерывно поет динамо, безучастная к остановкам и переменным ходам главной машины. Множество разнообразнейших механизмов, поблескивая полированными частями смазанного металла, работают разными темпами. Анатолий Колесниченко, второй механик корабля, не отходит от машины. То и дело звонит „телеграф“, и стрелка перебегаёт от „полного вперед“ на „полный назад“. Каждая перемена хода сопровождается новым рядом ударов и толчков за стальной перегородкой. Чаше

обычного Анатолий выглядывает на манометр. Но пар — на марке*. Машина работает на полную мощность. И все 3500 лошадиных сил яростно толкают массивный корпус ледокола на ледяные препятствия. Держать пар „на марке“ в условиях форсирования льдов — дело трудное для кочегаров. Ослепительно-белый свет расплавленного угля освещает уголки кочегарки и обдаёт жарким дыханием. Ребятам приходится непрерывно шуровать, подламывать, забрасывать чаще новые порции свежего угля, чтобы давление пара в котлах держало стрелку манометра „на марке“.

В кочегарке, где не слышно шума работающей машины, борьба ледокола со льдами раздается еще более гулко и шумно. Кажется, у самого уха грохочет лед и царапает своими острыми краями обшивку корабля.

Стало тише.

— Сашка! Кажется, на чистую воду вышли. Тише, ребята!

Мы прислушались. Машина работала полным ходом.

— Факт! Чистая вода, не иначе!

Когда я вышел на палубу, „Садко“ шел по широкому, извилистому каналу.

Скоро „Садко“ сделал очередную остановку.

Выпущенный в разведку самолет подтвердил наличие разреженного льда впереди на нашем пути.

Видели медведя. Я спал. Журавлев спускался за ним на лед, но медведь, не подпустив его близко, ушел. Федор Сергеевич крайне расстроен. Нужен свежий корм собакам. Жаль, конечно, и его, и медведя, и собак.

6 августа

На корабле стало веселей. Из тяжелого льда вышли на чистую воду у северо-восточной оконечности Шницбергена. Труднейший этап пути окончен. Шницберген, несмотря на отрицательные предсказания норвежцев, обогнут с севера.

Стали на якорь против громадного ледника, сорокакилометровым фронтом спускающегося в море. Слева, весь покрытый ледниковой шапкой, белоснежный остров.

Вокруг маслянистая гладь воды, блестящая, усеянная льдинками и айсбергами.

Вылетают оба самолета: один — для съемки с воздуха берегов, островов и заливов, другой — для разведки.

Обвешенный „лейками“ и аэросъемочным аппаратом, Ваня Варламов влез в самолет не раньше, чем облачился в меховой летный шлем, кожаную шубу и летные рукавицы.

Вернувшегося с разведки Бабушкина Николай Николаевич Зубов с затаенным волнением спрашивает:

— Никакой земли не видели? На севере или с востоке?..

Получив отрицательный ответ, Зубов скрылся в свою каюту к карте, где пунктиром обозначены ориентировочные координаты таинственной Земли Джиллиса.

8—9—10 августа

„Садко“ мечется между Шницбергеном и островом Викторин, севернее острова Джиллиса или, как его иначе называют, острова Белого.

Туман сменяется ярким солнечным днем. Мощные льды так и норовят зажать „Садко“ в стальные тиски. В прозрачной зелени воды можно видеть их острые клыки, зловещие выступы и грани на десяток метров вглубь.

Несколько добродушнее выглядят многочисленные айсберги, разбросанные здесь и там, высоко вздымающиеся над морем и нагромождениями торосов.

Капитан Николаев придерживается своей обычной тактики:

— Не зарываться во льды. Не идти напролом.

Терпение для полярника, тем более — капитана, это главное. Лучше выждать, обойти вокруг или даже вернуться, чем оказаться зажатым во льдах и потерять свободу действий. И мы возвращаемся, мы обходим и выжидаем.

Пройдя остров Белый, памятный по найденным на нем останкам отважного аэронавигатора Андре, мы двинулись к острову Викторин с дальнейшим намерением пойти к северу Земли Франца-Иосифа и обойти ее. Но, встретив непреодолимую сплошную стену пакового льда, мы вернулись в поисках хоть небольшого просвета воды.

Маневрируя у острова Белого, мы его видели еще несколько раз. То сияющий нетронутой белизной сво-

его ледникового щита, то покрытый молоком тумана, то смутно выступающий своим пологим контуром на пасмурном небе, он навевал воспоминание о борьбе и гибели первого исследователя арктики с воздуха — Соломона Андраэ и его двух спутников.

Несколько раз проходили у огромного, метров шестидесяти высотой айсберга, словно пирамида Хеопса возвышавшегося над остальными.

После неудачной попытки пробиться на восток ДОКУМЕНТАРНО к острову Виктории мы пошли на север в надежде найти свободный путь. Но мертвый штиль и туман мешали нам. Малейшее прояснение использовалось для продвижения и борьбы со льдами.

Иногда упершись в кромку многометровой толщины обширного поля, мы часами, обходя его, шли на восток или юг.

Наконец свернули на запад и, выйдя на чистую воду, торопливо пошли на север.

Ни малейшего дуновения ветерка. Море, — как стекло, — черное, чуть-чуть матовое, удивительно спокойно и гладко.

„Садко“ тихо и ровно разрезает его поверхность. Идем по направлению к Земле Джиллиса. Разговоры только о ней. Старая загадка, имеющая свою историю, должна быть разгадана.

Прошли 81° северной широты. Долгота 25° .

Власов готовится к полету на розыски земли.

Существует ли Земля Джиллиса?

11 августа

На английской карте 1928 года северо-восточнее Шпицбергена значится „Земля Джиллиса“.

Широта $81^{\circ} 30'$, восточная долгота 36° .

Впервые увидел ее и заговорил о ней капитан Джиллис, промышлявший морского зверя на северо-востоке от Шпицбергена в 1707 году. По его заявлению, земля эта, гористая, с острыми вершинами, была ясно заметна на горизонте. О неизвестной земле, виденной, примерно, в том же направлении, говорят Баффин.

Интерес к „Земле Джиллиса“ все возрастает.

В 1899 году Макаров, на построенном им „Ермаке“ обретаясь в районе Семи Островов, видит „что-то

вроде земли*. Добросовестный полярник, он ставит под сомнение достоверность своего предположения и вследствие тяжелых льдов ограничивается исследованием направления. Еще через 25 лет английский капитан Уорсли, огибая остров Белый с севера на запад, „как будто бы видит землю“.

Наконец „Красин“ в 1928 году, взяв курс на Землю Джиллиса от острова Карла, проходит по указанному месту, не видя и намека на землю.

ДОКУМЕНТАРНО

В судовом журнале фиксируется: „... глубина 200 метров, видимость 20 миль...“ Но все дело в том, что очевидцы этой „как будто бы земли“, „чего-то вроде земли“ и т. д. указывают различные координаты, расходящиеся на десятки миль и больше.

Никому не удавалось подходить ближе к этой таинственной земле. Никто не может сказать наверняка, что видел эту загадочную землю. История этой Земли Джиллиса длится более двух столетий, а ясности до сих пор еще нет.

Правда, после похода „Красина“ на новых картах „Земля Джиллиса“ исчезла. Но она могла оказаться севернее, восточнее, западнее. Тем более, что район предполагаемого ее нахождения обозначен на карте „белым пятном“.

Существует ли Земля Джиллиса? Или виденное Джиллисом, Макаровым, Уорсли и другими было скоплением громадных айсбергов, вполне обычных в этом районе?

Николай Николаевич Zubov в 1934 году, плавая в районе острова Белого, видел на горизонте опять-таки „что-то вроде земли“.

Зная прекрасно всю долгую историю этой загадки, Николай Николаевич пытался разрешить ее, будучи на „Персее“, но тяжелые льды, непреодолимые для малого судна, помешали ему.

Загадка осталась неразрешенной.

„Садко“, прекрасный ледокольный пароход, снабженный двумя самолетами, выполнявший научные работы в этом районе, давал нам исключительные возможности для окончательного разрешения этой затянувшейся тайны.

Поэтому не случайно в плане экспедиции, на втором этапе маршрута, имеется параграф: „Земля Джиллиса“.

И „Садко“, пользуясь создавшейся ситуацией льдов, пошел по направлению к „белому пятну“, в пределах которого якобы скрывалась земля.

За 81° с. ш. мы, войдя в кромку льда, бросили ледовый якорь. В ожидании прояснения устроили „ледовую станцию“. Наконец, небо очистилось. Власов, вернувшись с полета, сообщил, что, облетев вокруг в радиусе 25 километров, он никакой земли не видел. Горькое разочарование охватило всех. Больше всего был огорчен Николай Николаевич.

12—13—14 августа

Все эти дни слились в один, полный работы, происшествий и очередного фактического изменения плана. Только что вернулся Бабушкин с Георгием Алексеевичем из продолжительного полета в поисках Земли Джиллиса.

Беспокойство, овладевшее всеми, быстро улеглось, когда на горизонте появился растущей точечкой наш „челюскинец“ ША-2 с начальником и Михаилом Сергеевичем. Вернулись они во-время. С севера стеной надвигался густой туман. Земли, конечно, не видели. Сплошные неразломанные поля пакового льда — вот все, что они видели за весь полет.

Не дав им даже раздеться, весь состав экспедиции, с нетерпением ждавший возвращения самолета, выслушал короткое сообщение Георгия Алексеевича о полете.

— Процентом девяносто за то, что Земля Джиллиса не существует, — резюмировал Бабушкин.

Между тем Власов, немедленно после Бабушкина вылетевший для разведки льдов на северо-востоке, вернулся с сообщением, что на востоке есть просветы чистой воды. Через десять минут „шаврушка“ была на борту, и „Садко“ пошел на ост искать прохода к Земле Франца-Иосифа.

Можно пойти спать. Только сейчас почувствовал, что не смыкал глаз трое суток. Делали обычные станции — суточные, полусуточные, ледовые и стратосферные. „Стратосферные станции“ — это новое дело — не мало причинили хлопот Гутерману.

В связи с полетом Леваневского, выжидавшего благоприятной погоды, нам предложено было ежедневно выпускать по три радиозонда.

Бедный Гутерман даже побледнел, услышав об этом.

И было от чего. Собрать трижды радиозонд, настроить его, испытать и после его полета обработать материал — это значит работать круглые сутки.

Георгий Алексеевич вызвал меня и предложил:

— Попробуйте, может, выйдет...

— Вдвоем, может быть, выйдет, пусть только Погосова не отрывают.

И мы пускали. Каждый день в течение трех суток Гутерман радовался каждому удачному полету ДОКУМЕНТАРНО как ребенок.

Вчера при неудаче с зондом, улетевшем без сигналов, Гутерман чуть не заплакал. Но это дало ему возможность поспать часа два.

А я урвал время для того, чтобы принять участие в охоте на медведя. Вместе с Георгием Алексеевичем Ушаковым мы взяли первого мишку. Медвежатина чудесная! Тем более, что со свежим мясом стадо туговато.

Даже ярые противники медвежатины ели с удовольствием прекрасные, сочные котлеты, не подозревая, что это не говядина.

А псам нашим я также раздобыл свежего мяса. Так что довольны не только в кают-компании, но и на верхней палубе.

Но больше всех остался доволен я своими результатами. Ибо взять морского зайца наповал с борта судна на шестьсот метров — это совсем не плохо. Правда, первый раз я промазал. Целился в годову, ибо лежавший у самого края льдины заяц ушел бы в воду даже при смертельном ранении. Надо было бить наверняка. Но от свиста пролетевшей близко пули заяц поднял голову, и я, воспользовавшись этим, выстрелил второй раз. Заяц остался лежать и больше не шевелился.

Наблюдавшие в бинокль рассказывали, что он сразу ткнулся головой в лед и замер.

Захватив багры и веревки, мы пошли за зайцем. Я уговорил Митю Черненко пройтись по льду. Митя даже „Комсомолку“ забыл в эти горячие дни, вечно опаздывая со своими телеграммами.

Бронтман — корреспондент „Правды“ и Виленский — корреспондент „Известий“ соревнуются между собой в количестве слов, телеграмм, изобретают всякие способы обставить друг друга. Главное — скрывают

один от другого, „подсиживают“, и, если один засел, другой немедленно садится тоже. Лазарь Бронтман действует хладнокровнее и спокойнее. Корреспондентом „Вечерней Москвы“ состоит сам зам. нач. экспедиции тов. Остальцев Ананий Владимирович. Но он „бумагу жалеет“. Поэтому добрых отношений с ним Бронтман и Виленский не теряют.

Да, ведь о Мите Черненко...

Поддавшись на мои уговоры, он пошел с нами. И вот, перескакивая со льдины на льдину, преодолевая разводья, трещины и ледяные торосы, мы добрались до небольшой льдинки, на которой лежал убитый наповал заяц. Пуля раздробила ему череп. Отдохнув и покурив, мы пошли обратно. Уже перескочив на следующую льдину, я услышал жалобный окрик:

— Саша! Помоги! Что-то подняться не могу.

Оглянувшись, я к своему удивлению увидел лежавшего на льду и стонавшего Митю.

Подбежал. Попытался приводнять, но быстро оставил эту затею. Черненко даже позеленел от боли. Малейшее прикосновение вызывало стоны и мольбы:

— Не трогай, Саша!

Остановив ушедшего вперед Журавлева и передав через ребят на корабль о необходимости выслать нарты, людей и доктора, я снова взялся за Митю.

Он жаловался на странные боли в пояснице, и я решил, что у него подвернулась косточка или сделалось еще что-нибудь в этом роде.

Подняв лежащего Митю, я стал его встряхивать старым, много раз испытанным способом наших кавказских чабанов (пастухов). Крик застрял в горле у бедного Мити, и он почти в обмороке повис у меня на руках. Торопливо уложив его на свою кожанку, я не стал его больше трогать. Подошел Журавлев. Скоро с корабля прибежал десяток обеспокоенных ребят во главе с доктором. Не зная, в чем дело, он притащил с собою все, начиная от лубков для перелома, кончая шприцами. Последние пригодились. Впрыснув ему болеутоляющее, мы уложили Митю на нарты, привязали и направились к „Садко“.

Этот путь Митя Черненко запомнит на всю жизнь. Лежал он лицом вниз и поэтому в непосредственной близости видел скользящие под самым носом ропаки, нагромождения льда и трещины. Через разводья я

широкие трещины нарты протаскивались рывком по набросанным туда мелким льдинам и доскам. Нарты, погрузившись полозьями в воду, скользили по зыбким льдинам, едва не утонув.

Через одну широкую трещину нарты пролетели почти по воздуху.

Все садковцы вышли встречать пострадавшего. Вместе с нартами больного подняли лебедкой на борт и уложили в постель.

ДОКУМЕНТАРНО

Доктор Гагарин успокоил взволновавшуюся было публику. У Мити что-то вроде „прострела“. Лазарь Бронтман шутит:

— Погосов, ты сегодня именинник. Три жертвы в один день: заяц, медведь и Митя.

А „Садко“ опять начинает вздрагивать и скрежетать бортами. Очевидно, льды стали прижимать. Так и есть. Остановка, задний ход.

15 августа

Бьемся, форсируем, маневрируем. Генеральный курс ост или норд все более и более затрудняется. Часто, стиснутые объятиями льдов, стоим. К стоянке приурочивается станция. Чем больше стоянок, тем больше станций. Но, упершись окончательно в непроходимый лед, стали крепко. Широта $81^{\circ}30'$.

Поворачиваем обратно. Будем пытаться еще раз пройти на восток с юга.

16 августа

Идем обратно. Льды. Туман. Холодно. Николасев следует своей неизменной тактике: „больше маневренности“.

Небольшие перемиčky берем силой. Полосы чистой воды и разреженного льда проходим быстро. К вечеру были у острова Белого.

Опять видели старого знакомого — пирамидальный гигант-айсберг, стоящий на мели.

На западе — заманчивые просветы чистой воды. На востоке — неприступный лед.

А нам нужно на восток. Поэтому пошли на юг.

На очередной вынужденной остановке брали из озера пресную воду.

Остров Белый прошли совсем близко. Отчетливо видели обрывы ледников, свежесвалившиеся айсберги. Выходим в Баренцево море.

Вся жизнь на борту „Садко“ вращается вокруг станций. Они не признают распорядка дня. Днем и ночью. Утром и вечером. Через каждые десять миль, а иногда и чаще оповещается: „станция“. И ребята, многие даже не успев прилечь, чтобы сомкнуть усталые веки, снова появляются на палубе, у трапов, лебедок, батометров и сеток. Наши химики не вылезают из лаборатории. Извлечена масса проб воды. И для того, чтобы провести предварительную обработку, им приходится работать по 20 часов в сутки.

Гидрохимия — помощник гидрологии — представлена на „Садко“ двумя химиками: Лактионовым, старейшим полярником, участником экспедиции на „Сибирякове“ во время его исторического плавания, и полярником Чигириным, с большим стажем гидрохимика в Черном море. В своей прекрасно оборудованной химической лаборатории, на правом борту „Садко“, они просиживают иногда сутки напролет. Пробы воды, взятые гидрологами с разных горизонтов, исследуются всесторонне. Вычисление удельных объемов на основании соленостей взятых проб, параллельно температурам, определяемым гидрологами, является одним из условий определения элементов течения. С помощью гидрохимии узнается происхождение различных океанских вод и течений. Определения хлора, щелочного резерва, количество растворенного кислорода, фосфора, активной реакции, кроме прикладного значения в гидрологии, представляют интерес и сами по себе, ибо изучение колебаний в составе морей в разные периоды года дает важнейшую характеристику о данном водном бассейне.

Лактионов и Чигирин пропускают через свою лабораторию все то громадное количество проб воды, которое добывается на каждой станции Березкиным, Всеволодом Балакишиным и Митей Черненко, корреспондентом „Комсомольской Правды“, постоянным помощником гидрологов. После предварительной обработки ящики с пробамн воды, с аккуратными этикетками и строгой нумерацией, выстраиваются рядами на правом борту для дальнейшего полного анализа в лабораториях Арктического института.

Работа химиков не связана по времени со станциями, но для того, чтобы поспевать за станциями, им приходится работать и во время станций и еще больше потом.

Непосредственно со станциями связаны работы планктонолога, геолога, гидробиолога, бактериолога и всех тех, кто прикреплен к ним, в виду большого объема работ по каждой специальности.

Понятно, почему с призывом „станция!“ и ДОКУМЕНТАРНО вьются на ноги почти все садковцы.

17 августа

День сегодня, как все дни. Туман. Льды. Айсберги. Станции. „Садко“ громыхает, крошит, налезая на лед. Иногда остановится, переждет и снова бьется. Откачиваемся все больше на юг. Будем пытаться, пробившись на восток, подняться вдоль западных берегов Земли Франца-Иосифа.

К „Садко“ подходил молодой медведь. Наивный и глупый мишка пришел к самому борту. Он недоуменно разглядывал судно, людей. Прислушивался к голосам. Втягивал в себя множество незнакомых запахов. Его снимали на кинопленку, щелкали „лейками“, бросали куски мяса и сала. Мою попытку сойти на лед вместе с Ешуриним для единоборства и „съемки первым планом“ Георгий Алексеевич пресек на полпути. Мы уже спускались по трапу.

Бедного мишку расстреляли в упор.

18 августа

Широта неутешительная: 79° северной. Курс тот же — юго-восточный. Картина льдов самая разнообразная. Корпус судна дрожит и трещит. Форштевень иной раз вылезет на лед метра на полтора-два.

Андрей Петрович Дубравин блаженствует в своей каюте-лаборатории. Все эти колебания судна, удары, содрогания для него источники большой радости и деятельности работы. Электрические нити, тянущиеся из его каюты к многочисленным точкам корпуса, отмечают на длинных лентах фотобумаги малейшие колебания судна. Чувствительные приборы фиксируют все изменения стальной обшивки: на удар, на растяжение, на сжатие. Он только недоволен, что не было настоящего сжатия, чтобы корпус затрещал „по-настоя-

щему*. Сегодня он повесил нос и потускнел как-то. Вероятно потому, что близко чистая вода.

Не менее Дубравина все эти дни расцветал Николай Иванович Евгенов.

Замечательный человек. Один из виднейших гидрографов нашей страны, участник многочисленных экспедиций. Он исследовал дельту реки Лены и нанес ее на карту. Он основной составитель карт и лоции Карского моря. Он один из оставшихся в живых участников экспедиции сквозного похода „Таймыра“ и „Вайгача“ из Владивостока в Архангельск под руководством Вилькицкого в годы империалистской войны.

Все карты, лоции, касающиеся побережья Ледовитого океана, корректировались им.

Во льдах он большой мастер тактических задач. Он не спускается с мостика. Не отходит от ледового журнала, который ведется в штурманской рубке добровольными вахтенными: Бабушкиным — пилотом, Володарским — помполитом, Золотаревым — инженером-подрывником.

В ледовом журнале ведется круглосуточно полная характеристика и описание льдов, неба, погоды на всем протяжении нашего ледового плавания.

Правда, Сергей Володарский на ночной вахте иногда впадает в лирику и записывает:

„2 часа 25 минут. Видел стадо пингвинов...“

Его утром спросили:

— Сергей Арефьевич, как вы могли видеть пингвинов, когда они водятся в антарктике?

— А я еще не корректировал своих записей. Я выправлю. Это на меня лирическое настроение напало.

Евгенов, чрезвычайно мягкий и вежливый человек, приходит в смятение от этих записей.

Со своей бессменной вахты он уходит только спать или обедать, предупредив десяток лиц, чтобы его разбудили в особых случаях. И, если что случается — изменение ситуации льдов, небольшая глубина или подозрение, что где-то впереди земля, — Евгенова тотчас же будят все десять, не считая вахтенного матроса, посланного капитаном или начальником.

Ну, а вообще сегодня день авиации.

Михаил Сергеевич Бабушкин именинник.

Устроили торжественный обед. Вышел очередной номер нашей стенгазеты „Высокими широтами“. Кстати,

с каждым разом ее линейные размеры растут. Скоро она не будет вмещаться в красном уголке. Варламов предложил вешать на борту. От носа к корме.

— Кстати и медведи почитают, — добавил он.

Вечером устроили вечер самодеятельности. Выступал не сыгравшийся еще струнный оркестр под управлением Виленского. Гвоздь программы — это шумовник Остальцев. Орудовал он на турецком барабане вперемежку с кастаньетами. Пользовался большим усом и многократно вызывался на сольный номер и бис.

А между тем обстоятельства складываются так, что, возможно, пойдем в Русскую Гавань. Там ждет „Спартак“ с грузом угля для нас и шлет жалобные радиogramмы о срыве плана, о невозможности дальнейшего ожидания и т. д.

Да, уголь нам нужен. Его ежедневно стали забирать из трюмов. В бункере пусто.

Обычно после восьмичасового отдыха следует вахта — четыре часа. Таким образом, три вахты сменяют одна другую два раза в сутки. Но уже шесть дней под ряд кочегары, матросы и машинисты после очередной вахты идут днем на подвахту для перегрузки угля из первого трюма в бункер. В трюме трое ребят наполняют углем корзины. Четвертый поддевает их на крюк от троса лебедки, и после крика „вира“ лебедка вытягивает полные корзины на палубу. Из корзины уголь высыпает в тележки и, подвезя к колодцам бортовых бункеров, сыпает вниз. Размеренно грохочет лебедка. Матросы бегом толкают тележки по палубе и опрокидывают их у ненасытной пасти бункерного колодца. Корзины беспрерывно совершают круг из трюма на палубу и обратно вниз.

— Вира!.. — слышится глухой голос из темноты трюма.

Стоящий у лебедки машинист передвигает рукоятку, и, окутанные густыми клубами пара, поршни стремительно наматывают стальной трос на грохочущий барабан. Корзины, полные черного поблескивающего угля, взмывают из окутанного угольной пылью сумрака трюма и, остановленные новым движением рычага лебедки, повисают над палубой. Короткий обратный ход. Связка корзины мягко опускается на высокую площадку и, ловко освобожденная от крюка и троса, быстро опорожняется в тележки.

— Палундра! — корзины летят вниз навстречу новой связке полных корзин.

Внизу работа еще более напряженная. Большие и емкие лопаты равномерно подкатывают уголь, плотно до самого потолка наполнивший трюм. В ловких руках кочегаров быстро мелькают лопаты. Здесь начало конвейера, по которому уголь идет в кочегарку, к топкам, пожирающим ежесуточно до 15 тонн угля.

19 августа

ДОКУМЕНТАРИЙ

Идем в Русскую Гавань. Отсюда совсем близко. „Спартак“ нервничает. Разреженный лед сменялся густыми скоплениями девятибалльного льда. „Садко“ вышел в просторную полинью, бесшумно, ровно и легко разрывая неподвижную пленку блестящей поверхности воды. Полил дождь, усеяв массой матовых точек гладь моря. Она напоминала узорчатый ситец. Дождь сменился снегом.

Сошел к себе в каюту, прилег после бессонной ночи в связи с пусканием зонда. Вдруг почувствовал, что качает. В одних трусах, босой, я выскочил на палубу.

Качает. Действительно качает. „Садко“ вышел на чистую воду и, слегка покачиваемый небольшой волной, взял курс на Русскую Гавань. Над морем повис мокрый клочковатый туман.

Вернувшись к себе, я постучал в стенку соседней каюты:

— Ээра, ложись, качать начало!.

Раздался протестующий грохот ударов. Стенка содрогнулась от чего-то тяжелого. Наверное, сапогами бьет.

В Русской Гавани

21—22 августа

Новая Земля своими вершинами, окутанными в молочный туман, была уже близка. До Русской Гавани оставалось три-четыре часа. Решил немного заснуть, предупредив Митю Черненко, чтобы он разбудил меня при подходе к Русской Гавани. Проснулся от подозрительной тишины. Вошедший Митя сообщил, что мы уже в Русской Гавани, что пришвартовываемся к „Спартаку“, что погода мерзкая, что писем никому нет, что вообще неинтересно, холодно и ничего не видно.

Первый раз я прозевал подход к земле. Митя жался в том, что по доброте душевной пожалел меня будить.

Я быстро оделся и вышел на палубу. Мы прищвартовывались к высоким вертикальным бортам громоздкого транспорта „Спартак“.

Был виден небольшой залив. Дальше — горы, покрытые туманом. Слева, на отмели — полярная станция: три домика, две мачты радиостанции. На просторительный лес и бочки. Немного дальше, за станцией виднелся замерзший поток знаменитого ледника Шокальского, изборожденного трещинами. Ветер покрыл один край его пылью и грязью. Издали ледник походил на бурный горный поток, мгновенно замерзший.

На „Спартаке“ я встретил метеорологов Комоных, с которыми мы целую зиму дрейфовали во льдах Чукотского моря на пароходе „Челюскин“.

Неожиданная встреча меня обрадовала. Комовы отправлялись на остров Белый зимовать и, связанные с рейсом „Спартака“, попали в Русскую Гавань.

Ольга Николаевна Комова восторженно рассказывала о красотах ледника Шокальского.

Для приемки угля в трюм надо было выгрузить оттуда все грузы и сложить их на палубе. После короткого аврала я с группой ребят отправился на полярную станцию. Поехали Бабушкин, Бронтман, Виленский, Остальцев и еще человек восемь. От начальника станции мы узнали, что здесь много неполадок и необходима наша помощь.

Для три назад была смена. Прибыв на станцию, мы это сразу ощутили. Куча грузов на берегу, беспорядок, строительные работы, грязь и т. д. Мы принялись налаживать хозяйство. Помогали каждый по своей специальности. На долю мою и Петерсона достались моторы и механическая часть.

Выбрав время, пока разбирали второй мотор, я вместе с Симой Ивановым, Виленским и Бронтманом пошел на ледник. Ледник Шокальского — один из красивейших в мире. Он спускается прямо в залив широким фронтом нагроможденного льда, вернее — громаднейших глыб льда.

Ледник этот — одно из многочисленных ответвлений ледникового щита, покрывающего на протяжении 400 километров горный хребет Новой Земли — почти

половину последней. Длина ледника Шокальского — около девяти километров. У своего падения он сплошь покрыт трещинами, обрывами, ледяными глыбами, пиками, нагромождениями многокилометровых ледяных громад.

Падение ледника (его движение) — около 300 метров в год. Поэтому он постоянно потрескивает, скрипит, шумит и постепенно откалывается в море айсбергами и обломками льда. Вид ледника изумительный. ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ

Часть ледника Шокальского. Его падение в море

Глубокие и извилистые трещины темнозеленого цвета, причудливые формы льдов; прозрачные, освещенные голубым сиянием пещеры, сверкающие гроты, градевые переходы и узкие тоннели поражают своей красотой.

Какое изобилие оттенков зеленого и голубого! Иногда трещины заполнены кристально-чистой пресной водой. Достать дно невозможно, ибо колодец уходит на много метров вглубь. Страшно взглянуть. Попадаются такие колодцы, откуда было бы трудно выбраться даже с посторонней помощью и веревкой.

Открывая все новые и новые красоты, я наконец уперся в совершенно непроходимое место. Передо

мною была глубокая пропасть, а по ту сторону ее перемешались в фантастическом беспорядке ледяные зайки, воздушные мостики, глыбы льда и глубокие трещины. Выглянувшее из-за туч солнце бросило луч на их грани, и все вдруг загорелось разноцветными огнями. Изумруд, бирюза, перемешавшись вместе, изливали зеленый и голубой свет, многократно отражавшийся в изломах льда.

Долго не слышал я сердитых криков Бабушкина, требовавшего, чтобы я присоединился к нему.

С большими трудностями я добрался, наконец, до него. Остальные уже ушли. Мы решили пройти еще немного. Долго еще любовались мы ледником, заливом, забитым обломками льда и айсбергами.

Обратно шли, не тороясь, наблюдая еще более изумительную картину. Облака поднялись. Солнце сидело низко, озаряя море, залив и ледник косыми лучами. Над самым горизонтом тянулась узкая, светлая полоса неба.

Море — смешение синих, зеленых, стальных тонов — простиралось разноцветным шелком до самого горизонта.

Только теперь я понял, что художники не преувеличивают, накладывая иногда на полотно такие яркие краски. Только теперь я убедился, что по описанию представить себе подобие этой красоты, не видая ее своими глазами, невозможно.

В заливишке, куда ниспадает ледник, сверкали голубизной айсберги. Синие льдинки выделялись на яркой зелени воды, как нарисованные.

Наконец мы с Михаилом Сергеевичем сошли с ледника. Смыв липкую грязь в ледяной воде ледникового ручейка, пошли к берегу залива, в сторону от станции, увлекшись собиранием полярных желтых маков, цветов, мхов.

От свежего ветра прибой шуршал песком и галькой, а у небольшого мыска красного гранита он рокотал сердито и гневно, раздраженный сопротивлением камня.

Перебираясь с рифа на риф, я ушел далеко в море и долго стоял на каменной гряде.

Повернули к станции. Я шел по самой линии прибо-я, то по колено в воде, то по мягкому бархату сглаженного волной песка.

Когда мы прибыли на полярную станцию, отчаливал катер. Я остался на берегу. Нужно было закончить инструкторский осмотр. Пока я проверял оружие, Остальцев знакомился с документами приема и сдачи. Старая зимовка произвела смену в течение шести часов и оставила все в развале. Бросился в глаза беспорядок в жилом доме и еще более в складах. Продовольствие и разнообразное станционное имущество лежали в грудах и штабелях вокруг домика и построек ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ строений. Все пространство от берега до самой станции было завалено бочками, лесом, ящиками и кулями. Новая смена, состоявшая всего из четырех человек, не успела навести порядок на станции. Небольшая группа гидрографической экспедиции, находившаяся в Русской Гавани, с наступлением зимы должна была вернуться на материк, поэтому существенной помощи зимовщикам не могла оказать. Становище промышленников, находившееся в четырех километрах от станции, поддерживало с зимовщиками добрососедские отношения, но в настоящее время и в течение всей осени они заняты промыслом морского зверя, поэтому рассчитывать на их помощь ранее зимы также было нельзя.

На „Садко“ угольный аврал был в полном разгаре. Перегружали уголь со „Спартака“. Полутонный ковш, подчиняясь согласованным действиям двух лебедок, беспрестанно носился над палубами двух судов, поднимая столб угольной пыли. Грохоча, он поднимался из глубины громадного трюма „Спартака“ и, легко перемахнув через борт, опрокидывался над пазим. Сваленный в узкий колодец трюма уголь нужно было перебрасывать лопатами в дальние концы, заполняя все уголки твиндека. Наша бригада вставляла на вахту в 12 часов ночи. Я прошел в кают-компанию. Несмотря на то, что перегрузка производилась круглые сутки и в аврале участвовал весь состав экспедиции, в салоне и ленуголке было полно народу. Спартакотцы и садковцы, свободные от вахт, играли в домино, шахматы, на бильярде. Гитара и балалайка дружно выводили плясовую. Ешурин готовил экран и аппарат для демонстрации кинофильма гостям. Сима Иванов примостился у патефона и беспрестанно запускал „Карамболину“ для гостей. Знали бы они, как всем надоела эта мелодия!

В полночь сменились бригады. Лебедки беспрестанно гремели. Из трюма вылезали усталые, мокрые и черные, как негры, научные работники, корреспонденты. Навстречу им спускались соревнующиеся товарищи, бодрые и свежие. Остальцев деловито принимал счет подъемов предыдущей смены. Бригады соревнуются, поэтому каждого интересует вопрос: сколько?..

Спрашивают у лебедчика Миши Филиппова, ДОКУМЕНТАРИЙ сколько счет. Спрашивают у Варламова Вани, работавшего на палубе у трюма. Итог первой бригады — 75 подъемов — заставляет призадуматься наших. Надо расставить силы, рассчитать все возможности так, чтобы дать больше.

Заработали еще дружнее.

Вахту закончили со счетом 84 подъема. Это хорошо. Сорок две тонны угля.

23 августа

Шторм, море шумит. Ветер — баллов десять. Выходить нельзя. Рисуем потерять весь палубный груз, оба самолета и побить все надстройки. Взяв 400 тонн угля, мы сидим в воде „по горло“. Переживаем шторм, крепим грузы, готовимся к уходу. Уходим от последнего населенного пункта.

Скорее бы уйти, чтобы скорее вернуться. Под утро была гроза. Здесь, на 76-м градусе, — гроза! Настоящая, с громом, с молнией, с градом, перешедшим в страшный ливень. Выскочил на палубу, промок насквозь.

На „Садко“ гости. Прощальный вечер. Н. Н. Зубов сделал доклад о цели и задачах экспедиции „Садко“.

Под утро шторм стих. „Спартак“ ушел, дав три гудка, провожаемый тремя нашими. Мы задерживаемся еще часа на два, чтобы взять три тонны камней для подрывных работ.

24 августа

Уходим из Русской Гавани. Идем на север, в высокие широты. Начинается последний этап похода, самый волнующий. Кругом чистая вода. Мимо проплывают гористые места, покрытые ледниковым ши-

том Новой Земли. Множество ледников, спускающихся белыми языками в море.

Вдали уже виднеются острова Оранские, за ними низменные берега мыса Желания.

До свидания, Новая Земля!

Остановка

ДОКУМЕНТАРНО

Стальной нос ледокола с разбегу врезался в ледяное поле. Минуту-другую, упершись в лед, ледокол, содрогаясь, вклинивался сантиметр за сантиметром в трещину, все медленнее и медленнее.

За кормой водоворот, пена, окрошка из льда, разбитого стальными лопастями литого винта. Стальной корпус дрожит. Штурман Марков на мостике, мрачно отметив еще одну неудачную попытку пробиться через перемычку на узкую полосу чистой воды, еле заметную сквозь туман, взялся за ручку телеграфа. Стрелка, сделав полную дугу по сектору, остановилась на „полный назад“. За кормой стихло.

Нос корабля стал медленно сползать с голубоватой льдины и, отходя назад, обнажил глубокий след. Но вот за кормой вновь бурлит водоворот, пенится вода, „Садко“ медленно отходит, осторожно выбирая путь, чтобы не повредить руля.

Марков, свесившись с мостика, смотрит назад и вытянутой рукой командует штурвальному:

— Право руля! Еще правее! Так держаты!

Яша Сергеев, не отрывая взора от руки штурмана, вслушиваясь в слова команды, вращает колесо штурвала, как эхо, повторяя:

— Есть, еще правее! Есть, так держаты!

Капитан Николаев, несмотря на поздний час, не спит. Вот уже более часа, не опуская бинокля, он вглядывается в белесый горизонт, стараясь разглядеть разводья, просветы темной воды и темное „водное“ небо — признак наличия чистой воды.

Четыре часа, целую вахту бьется „Садко“ у этой перемычки. Метр за метром продвигается он, раздавливая сплотившийся в ледяную перемычку лед, без единого просвета воды. Снова и снова звенит телеграф. Снова и снова „Садко“, набирая скорость, движется вперед, налезает на лед, подминает его под

себя, расклинивает трещину, медленно расширяет; показывается темная полоска воды. Снова назад. И снова вперед. Капитан, подняв бинокль к глазам, медленно произнес:

— Туман все густеет.

Туман в Арктике, во льдах — злейший враг полярника. Не видно горизонта. Не разглядеть льдов. Не выбрать пути. Беспомощен находящийся на борту самолет. Туман заставляет быть более бдительным, более осторожным, чтобы не напороться на айсберг, не забраться в непроходимые льды, не застрять в них.

Туман угрожающе густел.

И, когда „Садко“, пробившись сквозь перемычку, добрался до узенькой полоски чистой воды, туман сгустился настолько, что двигаться вперед стало опасно.

Капитан решил выжидать прояснения и использовать остановку для пополнения опустевших цистерн водой. Стали у большого ледяного поля, покрытого темными пятнами озерков пресной воды.

Под самым бортом одно из таких озерков. Спустили туда длинные шланги, и, когда вахтенный машинист проверил вкус воды и подал знак, заработала помпа. Матовая поверхность ледяной корочки озера потрескалась и осела, так как толстый шланг, протянутый с корабля, высосал воду. У шланга два вахтенных кочегара Кахнович и Бурсии, чумазы, покрытые угольной пылью, следят за подачей воды, время от времени пробуя разливательной ложкой воду из озерка.

Туман начал подниматься. „Садко“ продолжал стоять, набирая воду. Объявили ледовую станцию. Ледовая станция — это полный комплекс научных работ, связанных с длительной стоянкой, и, главное, наблюдение и изучение механических, физических и некоторых других свойств льда. Изучением механических и физических свойств льда занимается на „Садко“ Ибрагим Факидов. Участник экспедиции на „Челюскине“, он в 1935 году включился в состав высокоширотной экспедиции для продолжения работ, поставленных им во время дрейфа „Челюскина“. Изучение разных видов льда (молодого, многолетнего, зеленого, голубого, желтого и т. д.) на плотность, на сжатие, на упругость, на разлом, изучение структурных форм

Физик И. Г. Факидов в своей лаборатории на палубе
исследует физические свойства льда

льда и пр.— все это входило в перечень работ, проводимых Факидовым. Одновременно Золотарев, подрывник экспедиции, изучал эффективность действия аммонала, термита и других взрывчатых веществ на льдах различной толщины и плотности. Гидрологи использовали стоянку для изучения течений подводных и надводных, не проводившихся во время обычных станций из-за недостатка времени. Таким образом, ледовая станция— это научный аврал всех членов экспедиции, как непосредственно занимающихся научными наблюдениями, так и всех остальных, помогающих им.

Через полчаса вокруг „Садко“ кипела работа. Там и здесь копошились на льду фигуры садковцев.

Золотарев, отойдя подальше, налаживает заряды аммонала. Пользуясь остановкой, он проводит эксперименты, закладывая разного веса заряды на различную глубину. Толстая, черная жила кабеля подрывной машины тянется к кораблю и, поднявшись на невысокий борт, исчезает среди бочек, ящиков, механизмов, аккуратно закрепленных на палубе.

Бах! Бах! — раздается глухой грохот взрыва. Столб водяных брызг, ледяных осколков взмывает к пасмурному серому небу и, задержавшись на мгновение, дождем падает на лед. Четыре извилистые змейки трещин разбегаются от зияющего отверстия. Бурсин, забеспокоившись, пробует воду.

— Этак можно подсолить нашу водичку. Смотри, куда трещины потянулись,— говорит он Кахновичу, недовольно поглядывая в сторону подрывника.

Оживленное всего под приземистой кормой судна. Сюда торопливо собираются с корабля матросы, кочегары, машинисты. Оставив на время пилку льда, подходит Факидов. Наладив бесперебойную подачу воды и водрузив у озерка алюминиевую ложку, бежит Бурсин.

— Дайте и мне пострелять на самом северном в мире тире!

— Бурсина вне очереди! Иначе рискуете пить чай с настоящей высокоширотной морской солью! — поддерживает товарища оставшийся дежурить у шланга Кахнович.

Раздаются короткие щелчки выстрелов, слова команды:

— Приготовиться!

— Внимает!

— Огоны!

Развевается злый флажок. Поодаль расставлены фанерные мишени.

После выстрелов бегут к ним. Отмечают красным карандашом попадания. Снова идут на линию огня. Руководитель делает отметки в своей книжечке. Желая стрелять много. Используя перерыв в работе, короткую передышку, спешат сюда пострелять.

Вот в белом халате, в профессиональном колпаке, прибежал повар Знахарев, умоляет пропустить вне очереди.

— Котлеты подгорят! — уговаривает он вытирающего масляные руки машиниста Алешу Апокина.

Профессор Клемин вежливо уступает свою очередь и, присоединившись к Знахареву, доказывает Алексею целесообразность пропустить повара вне очереди.

Стройно идут занятия стрелкового кружка. Вдруг с палубы крик:

— Медведи!

Мгновенно занятия прерываются. Разглядывают любопытного мишку, изобразившегося на торосы и обнюхивающего незнакомую черную громаду корабля. Быстро организовалась охотничья группа. Нужно было заполучить медведя на жаркое, на корм собакам. Журавлев с двумя стрелками наготове. Винтовки, патроны, багры. На привязи у Журавлева мечется Цезарь, взволнованный приятностью неожиданной прогулки. Еще через минуту все трое, не считая собаки, уже крались от льдинки к льдинке, подбираясь к любопытному мишке.

— А ну, ворошиловцы, покажите класс!

Медведь не уходил. Лениво бродя вдоль широкой трещины, он временами поглядывал на корабль, на людей, прислушивался к лаю собак. Его любопытство росло, необычные запахи волновали, раздражали. Забравшись на высокую глыбу льда, он, подняв высоко морду, глубоко вдыхал воздух. Не раз подходил он к полынье, собираясь ее переплыть и поближе рассмотреть интересные вещи. Но смутное беспокойство остановило его, и он снова зашагал вдоль кромки полыньи, оставляя цепь огромных следов.

Между тем охотники подобрались совсем близко. Только метров около полутораста отделяли их от мишки. Ровное, открытое поле, полынья задерживали их.

Журавлев, знавший хорошо повадки медведей, шептал:

— Ждать его долго. Он еще не скоро переберется!.. Буду стрелять...

Приготовили винтовки... Щелкнул ошейник, ДОКУМЕНТАРНО бодня Цезаря.

Секундная пауза... Треск выстрелов...

Медведь сделал громадный прыжок и упал. Несколько судорожных движений. Попытка поползти до воды. Еще выстрел, и громадный медведь лежал без движений.

* * *

Подошла группа садковцев с нартами. Но трое охотников вместе с медведем оказались отрезанными от них трещиной.

Трещина расширялась на глазах.

— Держи конец! — кидая веревку, крикнул Падчин.

Быстро обмотав веревкой тяжелую медвежью тушу, перетащили ее через трещину. Ловко перебросили винтовки. Охотникам переправили большие канадские нарты. Установили их на краю трещины. Журавлев приготовился и, коротко крикнув:

— Разом — взяли! — упал на нарты.

От сильного, дружного рывка нарты скользнули в воду и, не успев погрузиться, выскочили по ту сторону трещины. Следующий переправился тем же способом и с таким же успехом. А трещина все увеличивалась. Нарты переброшены за последним, Бармичевым. Снова рывок. Снова скользнули нарты. Но расстояние стало слишком широко. Нарты погрузились в воду. Сделав плавную кривую под водой, нарты с крепко вцепившимся в них охотником вынырнули и выскочили на лед.

Встреченный радостным смехом товарищей, злощастный Коля отфыркивался.

— Чемпион арктических морей! Заплыв на сто метров в полной амуниции, — смеялись товарищи, помогая Коле выжимать ледяную воду из его шапки и одежды.

— Вот это пловец! Я понимаю! А те двое что! Мелко плавают.

— Твои восемьдесят кило когда-нибудь тебя погубят,—с улыбкой прибавил Падчин.

— Большому кораблю—большое плавание.

Кахнович шутил:

— Медведей не бил. Прямо скажу, не случилось. Не пробовал. Вот на зайцев охотился. Способ даже

ДОКУМЕНТАРНО

Добыча

изобрел. Простой такой способ. Взять кочан капусты, заложить лимон в самую серединку и положить... Заяц подойдет, начнет есть капусту. Как дойдет до лимона, от кислого зажмурится. Тогда и хватай его за уши...

— И много поймал таким способом?

— Не знаю. Не пробовал. Вот Коле предложить хотел,—попробуй, Коля!..

„Садко“ протяжным гудком призывал всех на борт. Кончилась ледовая станция. Нужно идти дальше. Заработали машины, задрожало судно.

— Тихий назад!

— Тихий вперед!

— Так держать!

Льдина уплывала в сторону. Медленно развернувшись, „Садко“ выбрался на широкую полыню.

Опять на север

24 августа

Пройдя Новую Землю, мы взяли курс на остров Визе. От острова Визе, в зависимости от обстоятельств, мы должны будем идти к Земле Франца-Иосифа или к мысу Молотова.

ДОКУМЕНТАРНО

25 августа

Подшли к 79° с. ш. Прошли границу Карского моря. Качает. Туманно. Сыро. Идет дождь. Кое-кого укачало.

26 августа

Ранним утром прошли остров Визе. Остров остался справа на востоке. При нашей попытке сунуться восточнее, встретили сопротивление льдов.

Повернули на запад. Вернее — на северо-запад.

Чистой водой дошли до $80^{\circ}40'$ северной широты. Вечером вошли в тяжелый торосистый лед, доходящий до 8—9 баллов.

На судне стало веселее. „Садко“ идет, форсируя льды. Слышится постоянный шум, скрежет, треск. Судно вздрагивает от ударов. Особенно вот сейчас, на вахте старпома Ножкина, — он берет препятствие с полного хода.

27 августа

Подвигаясь во льдах, достигли 81° северной широты. Настроение у всех приподнятое. Идем без особых препятствий.

Несколько раз видели белых медведей. Один из них подошел к судну на 20—30 шагов. Под градом пуль медведь уходил совершенно невредимый. Он несколько раз останавливался, недоуменно оглядываясь. Так и ушел целехонек. Шутки и насмешки посыпались на бесталанные охотничьи головы. Георгий Алексеевич отдал приказание медведей без необходимости не убивать.

Участились научные станции. На „Садко“ дни, вернее — сутки потянулись обычным порядком. Севернее острова Визе Карское море совершенно неисследовано, поэтому интерес к станциям сильно возрос.

Довольный Дубравин не вылезает из своей каюты-лаборатории. Каждый удар судна о лед — для него целая цепь научных наблюдений. Он мечтает только о небольшом сжатии.

Продолжаем двигаться во льдах. Курс — Грезм-Белл. Это остров северо-восточной оконечности Земли Франца-Иосифа.

Грезм-Белл — один из восьмидесяти островов Земли Франца-Иосифа — большого архипелага, расположенного между $79^{\circ}48'$ и $81^{\circ}54'$ с. ш. и $42^{\circ}10'$ и $65^{\circ}10'$ в. д. ДОКУМЕНТА

Архипелаг далеко еще не изучен, карта его уточняется.

Землю Франца-Иосифа открыли лейтенанты австрийского флота — Юлиус Пайер и Карл Вейпрехт, плававшие на парусно-паровом судне „Тегетгоф“, в августе 1873 года. Экспедиция была снаряжена на основании утверждения известного русского революционера П. А. Кропоткина. Кропоткин, наблюдая за льдами Баренцова моря, пришел к заключению, что между Шпицбергом и Новой Землей существует еще какая-то земля. Задуманная им большая экспедиция для поисков этой земли не состоялась из-за „неимения средств“ и отказа в помощи со стороны русского правительства.

„Тегетгоф“ после продолжительной зимовки и дрейфа от берегов Новой Земли пришло к вновь открытой земле, и экспедиция зазимовала вторично.

Австрийцы воспользовались зимовкой для исследования острова, названного Землей Франца-Иосифа. Но Вейпрехт и Пайер не заметили, что земля эта состоит из десятков островов больших и малых, разделенных маленькими проливами. К началу следующего года экспедиция, предвидя возможность новой зимовки, покинула судно и, волоча за собой шлюпки и продовольствие, двинулась по морскому льду к Новой Земле. С крайними трудностями, после двухмесячного путешествия по торосам пловучих льдов они добрались до чистой воды и на шлюпках достигли Новой Земли, откуда русское промысловое судно доставило их в Норвегию. Полная невероятных трудностей и лишений, экспедиция Пайера была началом для целого ряда экспедиций на Землю Франца-Иосифа.

Большая экспедиция Джексона, зимовавшая на Земле Франца-Иосифа три года, установила досто-

верно, что открытая австрийцами земля — архипелаг, состоящий из множества мелких, покрытых ледниками островов. Карта ее после каждой экспедиции уточнялась.

Остров Грезм-Белл был открыт в 1899 году Болдуном, метеорологом экспедиции Уэльмана во время санной экспедиции в восточную часть архипелага. По его описанию, этот большой остров сплошь покрыт ледяной шапкой и ледниками, спускающимися в море. История исследования Земли Франца-Иосифа полна трагизма, трудностей, лишений, борьбы человека с ледяной стихией. Крайние северные координаты Земли Франца-Иосифа $81^{\circ}54'$ привлекают полярников своей близостью к полюсу.

Попытку достигнуть северного полюса с островов Земли Франца-Иосифа предпринимал американский журналист Уэльман, но на острове Рудольфа он попал в трещину ледника и с переломом ноги возвратился к мысу Тегеттгофу. Его сменила на Земле Франца-Иосифа экспедиция герцога Л.-А. Абруццкого на „Стелла поляре“.

Пройдя британским проливом через всю Землю Франца-Иосифа, „Стелла поляре“ достигла $82^{\circ}04'$, поставив рекорд свободного плавания судна в европейском секторе Северного Ледовитого океана.

У острова Рудольфа судно потерпело аварию. Попытку достигнуть полюса возглавлял Каньи. После полутора месяца труднейшего пути, при жесточайших морозах, пробивая путь в необычайных нагромождениях торосов, Каньи со своими тремя спутниками пешком достиг $86^{\circ}34'$ с. ш., на 20 миль превзойдя рекорд, поставленный Нансеном. Обратный путь Каньи был еще более трудным. Измученные и истощенные, борясь с дрейфом льдов, уносивших их на запад, и с появившимися полыньями, они только 13 июня 1900 года достигли земли, пробыв во льдах 85 дней. Экспедиция герцога Абруццкого не обошлась без жертв.

Следующая попытка достигнуть полюса по плывучим льдам была предпринята американцем Болдуном. Она ограничилась санными поездками по островам Земли Франца-Иосифа. Американцы еще раз пытались достигнуть полюса. Филала, участник экспедиции Болдуна, возглавлял на этот раз экспедицию,

но, несмотря на неоднократные попытки, он не продвинулся дальше 82°.

Наиболее трагичной и тяжелой по перенесенным трудностям оказалась экспедиция русского полярного исследователя Георгия Яковлевича Седова в 1912 году. Плохо снаряженная экспедиция Седова зимовала первый год у берегов Новой Земли. Израсходовав в топках последний уголь, Седов только через год на своем судне „Св. Фока“ достиг Земли Франца-Иосифа. Снова зазимовал в бухте Тихой у северо-западного берега острова Гукера. Несмотря на болезнь, Седов в начале весны 1914 года с двумя матросами предпринял попытку достигнуть полюса на трех нартах с восемью собаками в каждой. С очень ограниченным количеством провианта, Седов упорно продвигался вперед, несмотря на безнадежность своего предприятия.

Седов скончался от цинги, едва достигнув острова Рудольфа, где и был похоронен сопровождавшими его матросами.

В экспедиции на „Фоке“ участвовали хорошо известные теперь полярные исследователи Визе и Пинегин. Экспедиция Седова вернулась в Архангельск, подобрав на мысе Флоры двух, единственно уцелевших членов экспедиции Брусилова на „Св. Анне“, дрейфовавшей вместе со льдами. Штурман Альбанов, покинувший „Св. Анну“ 13 апреля 1914 года севернее архипелага Франца-Иосифа, двинулся пешком к земле по льдам полярного моря. Из десяти человек, шедших вместе с Альбановым, мыса Флоры достигли только сам Альбанов и матрос Конрад, остальные погибли, не выдержав страшных лишений, истощения и невероятных трудностей пути по дрейфующим льдам.

Наконец, нельзя не вспомнить экспедиции Нансена на „Фраме“. Находясь севернее Земли Франца-Иосифа и видя, что дрейфующие льды уносят судно на запад, и его цель достигнуть полюса не осуществима, Нансен решил преодолеть оставшиеся 700 километров пешком и вместе с Йогансеном в феврале 1895 года оставил „Фрам“. Но трудности продвижения по дрейфующим льдам, торосам, через встречные полыньи, остановили его на ширине 86° 14', в 419 километрах от полюса. Нансен решил вернуться к ближайшей земле, то-есть к архипелагу Франца-Иосифа.

Через шесть месяцев по оставлении судна наму-
ченные путники достигли Земли Франца-Иосифа, но
припущены были здесь обосноваться в виду наступ-
ления зимы и чрезмерной усталости. Это была их
третья зимовка. Нансен со своим спутником дождался
весны и двинулся на юг. Неожиданно они встретили
на мысе Флоры экспедицию Джексона, который и
доставил их на родину. Еще через несколько месяцев
Нансен встретил у себя на родине вернувшихся
„Фраме“ товарищей, которые, благополучно продреф-
фовав через весь полярный бассейн, избавились через
три года от ледяного плена.

В 1929 году Земля Франца-Иосифа была приобщена
к территории Советского Союза. Под руководством
Отто Юльевича Шмидта на ледокольном пароходе
„Седов“ в бухте Тихой была поставлена полярная
станция.

С 1929 года Землю Франца-Иосифа ежегодно по-
сещали советские экспедиции и зверобойные суда.
Но остров Грезм-Белл они обходили. Только в 1932 году
„Николай Книпович“, в своей замечательный поход,
когда Земля Франца-Иосифа впервые в истории море-
плавания была обогнута с севера, прошел мимо его
берегов и первый после Нансена приблизился к бе-
регам Белой Земли. Научный руководитель этой экс-
педиции Н. Н. Зубов мало что мог рассказать о Грезм-
Белле в виду того, что „Книпович“ не подошел к ост-
рову. Понятен поэтому интерес к этому острову, куда
мы медленно, но верно подплываем...

Всю ночь 27-го шли во льдах. Лед тяжелый, плот-
ный. Пробирались, часто меняя курс, изредка форси-
ровали. Но за все время ни одной вмятины, ни поло-
манного шпангоута, ни потерянной заклепки. „Садко“,
ни редкость крепкое судно, легко одолевает льды.

Утром опять туман, он сопровождает нас все
время.

Вышли в разреженный лед. „Садко“, попав на воду,
скользит по ней плавно и быстро.

Из тумана внезапно выплывает льдина, обломок,
либо целое нагромождение льдин. Чем ближе они,
тем очертания их делаются резче, яснее; поровняв-
шись с судном, они уходят и исчезают в тумане.
Иногда попадаются большие полыньи. „Садко“ идет
безостановочно, то замедляя, то набирая ход.

Марков на мостике с напряжением вглядывается в туман. В тумане так легко напороться на льдину, айсберг. Штурман хорошо знает последствия такого столкновения.

Вот он замахал рукой, продолжая другой крепко прижимать бинокль к глазам. Рука вдруг замерла и, стремительно опустившись, впилась в ручку телеграфа.

— Полный назад!

— Право на борт!

— Есть право на борт.

Штурвальное колесо быстро замелькало спицами. Слева по носу корабля приближалась ледяная громада айсберга. Его остроконечная верхушка выдавалась из клубящихся облаков низко стелющегося тумана и угрожающе надвигалась на судно.

Бинокль упал на грудь Михаила Гавриловича, повиснув на ремешке. Наступило молчание. „Садко“ прополз мимо айсберга едва в нескольких метрах.

Обломки льда, прижатые громадной ледяной горой, царапали и скребли борт судна.

Ледяная гора уходила в туман. Тишину нарушил звонок машинного телеграфа:

— Тихий вперед!

Заработал винт, вздымая пену и водоворот за кормой.

Утром 28 августа начало проясняться.

На палубе собрались почти все садковцы. Долго решали — Грезм-Белл это, или другой остров. Дело в том, что, идя в тумане переменными ходами, мы, как выяснилось позднее, оказались несколько южнее, чем предполагали.

Выглянуло солнце, ровно на столько, чтобы мы успели определить свое местонахождение.

На судне было оживление, как и полагается при ожидании новой неисследованной земли.

Туман снова начал сгущаться. Поднялся сильный ветер, благоприятный для нас. Он относил лед от берегов Земли Франца-Иосифа к северу.

В полночь внезапно вышли на чистую воду.

Лед кончился сразу. Ледокол начало качать: крепнувший ветер поднимал крутую волну.

На палубе столпились садковцы, наблюдая любопытное зрелище — прибой у кромки льда. Прибой не береговой, а удвигающегося, шумящего, ломающе-

гося льда. По всей кромке с шумом набегали стремительные темные волны, с рокотом разбиваясь о лед, вздымая каскады брызг, образуя снежную пену.

Взяли курс южнее, продолжая идти в тумане по направлению к острову.

29 августа показался низкий, гористый остров Грэм-Белл.

Мы повернули на юг и, продолжая идти чистой водой, опоясывающей остров Грэм-Белл, про-ДОКУМЕНТАРводоль него милях в двух-трех.

Наконец, у северной оконечности его уперлись в кромку льда. Решено было спустить первую партию людей на лед с заданием — достигнуть земли, определиться и поставить навигационный знак.

Готовили лодки, палатки, продовольствие, оружие, патроны, инструменты. Спускали нарты, собак. Как всегда, желающих ехать оказалось много, поэтому работников было хоть отбавляй. Все суетятся, помогают.

Наконец пошли. Группа, во главе с Остальцевым, ушла вперед. Кинооператор Ешурни, Журавлев и я с собаками вышли несколько позже. Журавлев махался с собаками, которые резали лапы об острые выступы льда. Приходилось помогать Журавлеву.

Наконец догнали ушедшую вперед пешком группу. До земли оставалось метров 100—150, но лед отделялся от берега узкой полосой воды.

Стали переправляться на резиновой лодке, захваченной с собой.

Первая лодка уже отчалила, когда раздался сигнал с „Садко“. Два гудка и поднятых два флага призывали нас обратно. Надо было возвращаться. Огорченные, повернули обратно.

Оказалось, ветер быстро изменился. Стали прижимать льды с севера и северо-востока, грозя заполонить судно.

Погода мгновенно изменилась. Вместе с ветром пришли туман, дождь, снег и даже, к нашему удивлению, — град.

Стали пробираться к юго-восточной оконечности острова. Выяснили, что остров Грэм-Белл нанесен на карту неправильно. Определили и наметили на карте истинное положение острова, сместившее его значительно на восток. Это наше очередное достижение.

Определившись, пополнив запасы пресной воды, мы взяли курс на мыс Молотова.

От Грезм-Белла вышли на чистую воду.

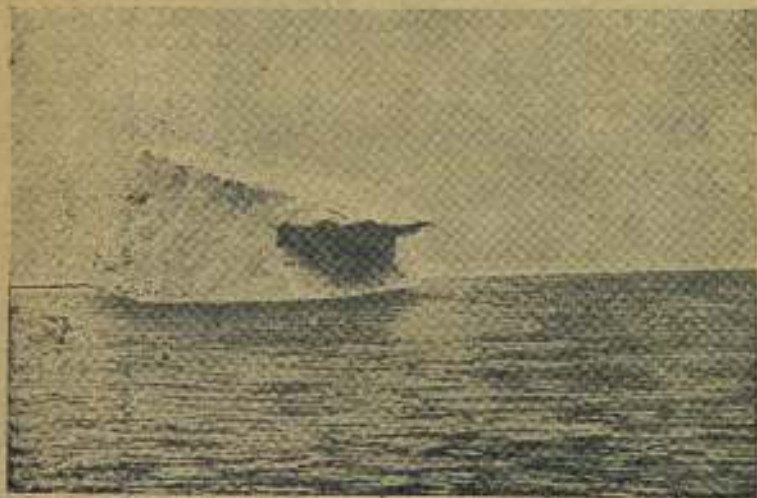
Идем по „белому пятну“, там, где никто никогда не плавал. Редко удается по 76 меридиану дойти до $81^{\circ}39'$ с. ш. И, главное, идти по чистой воде.

И как идем: полным ходом!

От кромки повернули на юг, отклоняясь все больше и больше к середине „белого пятна“. Если нам удастся пересечь „белое пятно“ к мысу Молотова, это будет прекрасно.

Остров Ушакова

На столе штурманской рубки лежит белый лист, расчерченный квадратами широт и долгот. „Садко“ третьи сутки плавает в „белом пятне“, и, по мере

Айсберг в районе „белого пятна“

его продвижения вглубь, на листе бумаги вычерчивается ломаная с острыми углами кривая.

Туман, большие ледяные поля, многочисленные айсберги заставляли часто менять курс корабля.

Глубины, страшно скачущие от сотен до нескольких десятков метров, наводили на мысль о существовании земли.

По мере продвижения вперед, на бланковой карте ясно выступили западные границы обширного мелководья. О возможности наличия земли говорили также многочисленные айсберги, попадавшиеся все чаще и чаще.

Садковцы совершенно забыли о сне. Разве до ДОКУМЕНТАРНО когда с каждой пройденной милей данные о существовании земли становятся яснее и убедительнее.

На мостике круглые сутки людно, и вахтенные штурманы, сменяющиеся через каждые четыре часа, не испытывают обычного одиночества. Каждое темное пятно айсберга или хаотическое нагромождение льда вызывает торопливое движение рук, и десятки окуляров впиваются в даль.

Начальника экспедиции окружили корреспонденты:

— Георгий Алексеевич, ведь может быть, что эти айсберги „комсомольского“ происхождения?— спрашивает Виленский.

Ушаков улыбается.

— Вы хотите сказать — с острова Комсомолец Северной Земли? Может быть. Но тем не менее нужно подумать.

— Значит эти айсберги могут происходить от неизвестной еще нам земли?

— Все возможно. Но говорить об этом определенно еще нельзя. Очень возможно, что мы встретили обширное мелководье, и этим наши открытия ограничатся.

— Георгий Алексеевич! Но ведь нам этого мало.

— Вам — может быть, но вот Николай Иванович Евгений вполне довольствуется мелководьем.

— Да, да! — подтвердил Евгений.

Ушаков внимательно осмотрел в бинокль горизонт, окутанный дымкой тумана. Евгений, склонившись над картой, внимательно изучал ломаную линию пройденного пути. Маленькие кружочки с цифрами, обозначающие станции, привлекали его внимание.

У эхолота дежурил Шишкин. Время от времени, повернув рычажок, он запускал свой аппарат, и раздавалось мерное тиканье. Звуковая волна от работающего эхолота уходила в море и, отраженная мор-

Шинков, у охолота

ским дном, возвращалась к кораблю. Чувствительный приемник, поймав отраженный звук и преобразовав его в электрическую энергию, посылал ее через сложный механизм к маленькому вращающемуся барабану с лентой. По ней бегал маленький пантограф, через который электрический ток, соприкасаясь с химическим составом бумажной ленты, оставлял на ней коричневую точку. По мере вращения барабана на ленте из этих точек вычерчивалась волнистая линия. Одокусоера
женный звук, после своего превращения и сложного пути по остроумному механизму эхолота, оставлял точные очертания рельефа морского дна.

В связи с плаванием в районе „белого пятна“ эхолот работал круглые сутки, и Шишкин окончательно забыл, когда он в последний раз спал.

Увидев начальника, он радостно заговорил:

— Георгий Алексеевич, вы знаете, мы можем теперь смело расходовать запасы ленты для эхолота. Нам теперь не страшна перспектива остаться без них.

Ушаков с недоумением посмотрел на него. Еще совсем недавно стоял вопрос о рациональном расходовании импортной ленты, которой на борту не так много, и вдруг такое странное заявление.

Но Шишкин, не дав ему возможности задать вопрос, продолжал:

— Наши химики изобрели химический состав, пропитывая которым обыкновенную бумагу, можно пользоваться ею не хуже импортной. Вот, полюбуйтесь! Сегодня эхолот работает на нашей „садковской“ ленте.

Подошедший Евгений подтвердил.

— Да, да, это действительно так. Ларионов и Чигирин сделали для всех нас сюрприз, и очень интересный.

— А где же скромные изобретатели?—спросил Ушаков.

— Сейчас будут здесь.

Шишкин выскочил из рубки и, громыхая по трапу сапогами, помчался вниз, где на правом борту помещалась лаборатория химиков.

— Георгий Алексеевич,—заговорил Евгений, торопливо взяв в руку карту,—посмотрите: теперь уже ясно вырисовываются очертания, вернее—западные границы мелководья. Изучая этот район и обнаруженное мелководье, мы делаем такой огромный вклад

в изучение режима Карского моря, что это трудно себе сейчас вполне представить. Только бы суметь охватить комплексным исследованием весь район до берегов Северной Земли. Это будет замечательно!

Вошедший капитан, услышав последние слова Евгенова, присоединился к разговору:

— Я готов чертыхаться. Туман снова издвигается на нас. Опять придется ходить ощупью. Да и льды ведут себя загадочно, и от них можно ожидать неожиданных, причем больше неприятного чем приятного характера.

— Тем более, нам надо пересечь этот район и прощупать его, чтобы раз навсегда уяснить причину столь загадочного поведения льдов, — проговорил Ушаков.

Капитан наклонился к лежащей на столе карте. Марков отмечал на ней последнюю координату „Садко“ и новый курс на вост.

Позади рубки, на площадке мостика собралось несколько человек. Они с интересом смотрели на приготовление Гутермана к пуску радиозонда.

Из большого баллона водород с шипением проходил через резиновый шар.

Гутерман нервничал, так как шар попался неудачный, кособокий. Наполняясь газом, он принимал форму груши. Одна его сторона выпирала под давлением водорода и наполняла сомнениями впечатлительного Гутермана.

— Не пойдет. Не пойдет. Я знаю, он высоко не пойдет. А пускать надо. Главное, зонд сегодня хороший попался. Сигналы дает прекрасные. Громкие и отчетливые.

Он попросил своего помощника — аэролога Остальцева закрыть баллон, так как шар, полный водорода, легко отрывал от палубы большой ключ, контрольный груз, определявший необходимую нагрузку. Гутерман побежал за зондом.

— Хорошо бы на нескольких шарах, связанных вместе, подняться повыше и окинуть взором окрестности, — мечтал вслух Виленский. — Мне определенно кажется, что вон за тем туманом скрывается архипелаг.

— Клянусь своей самопишущей ручкой, я вижу даже остров Вилевского. Большой... Скалистый, — в тон ему продолжал Бронтман.

Эзра хотел отпарировать шпильку коллеги, но, услышав взволнованные голоса на правом борту, бросился туда.

Богоров, перевесившись через борт, впился в молоко тумана и твердил:

— Земля! Верно, земля... Неужели не видите!

Несколько пар биноклей было устремлено по указанному направлению.

— Туман вижу. Но земли нет...

— Где? Где?

— Смотри правее!

— Дай бинокль. На одну только секунду.

— Опять, наверное, айсберг.

Виленский побежал в рубку предупредить Ушакова и капитана. Подошел к группе Горбунов. Услышав голоса и крики о земле, он оставил свой трал, который промывал на палубе.

— Опять землю открыли. Ну-ка, дайте взглянуть на долгожданную.

Тем временем из тумана стала вырисовываться громадная ледяная масса, неожиданно близкая и отчетливая.

— Очередной айсберг, — насмешливо произнес Горбунов, заметивший первым истинный характер открытия Богорова.

— Как же ты, Ваня, ошибся!

— Микроскопические виды планктона различаешь, а айсберг спутал с землей. Нет, сегодня нам земли не видать. Пойду-ка лучше к своим звездам и водорослям.

Когда вернулись на старое место, то увидели Гутермана стоящим у зонда в ожидании своих разбежавшихся помощников. Все было готово к пуску. Маленький алюминиевый ящик с целлюлоидными стенками был уже подвязан к резиновому шару. Сквозь прозрачные стенки можно было рассмотреть детали этого маленького передатчика: крошечную батарею аккумуляторов, радиолампу, тоненькие нити проводов, сконцентрированные в одно целое с батометром и термометром.

Подымаясь, этот аппарат короткими радиосигналами дает на землю изменения давления и температуры по мере своего подъема в верхние слои атмосферы и стратосферы.

Нужно было помочь Гутерману настроить приемник в радиорубке, чтобы не повторять в эфире сигналов зонда после его пуска.

Остальцев занимает свое место у зонда. Осведомившись, что опять за землю приняли айсберг, Гутерман побежал в радиорубку настраивать приемник.

Всегда спокойный Бабушкин часами простаивает на мостике в своем неизменном кожаном пальто и расстегнутом шлеме. Он недовольно поглядывает серое небо, на густую вуаль тумана, закрывшую горизонт.

Рядом стоит Власов. Его маленькая фигурка теряется около рослого Михаила Сергеевича, — дяди Миши, как называют его садковцы. Оба летчика недовольны. Туман. Ни малейшего намека на прояснение. Молчаливый Власов медленно выговаривает:

— Сейчас бы крепкого северного ветерка. Вмиг расчистило бы.

Бабушкин, подумав минуту, хочет ответить, но, увидев выходящего из штурманской рубки Шишкина, вопросительно смотрит на него. Без слов поняв вопрос, вошедший отвечает:

— Сорок один метр. Опять идет на понижение.

Спереди раздается голос капитана:

— Глубину давать через каждые пять минут!

Шишкин, ответив коротким „есть“, скрывается опять в штурманскую рубку к своему эхолоту.

На носу слышна возня бортмехаников у „шаврушки“. Она давно готова и теперь стоит в ожидании возможности использовать самое короткое прояснение. Механики проверяют каждый винтик небольшого самолета.

„Садко“ пробирается во льдах, часто меняя курс, придерживаясь генерального направления на восток и север.

Звонок буфетчика долго призывно звонит к завтраку. Наконец, на мостике появляется сам Иван Михайлович и обиженно обращается к каждому:

— Сегодня же какао с ватрушками!..

В самый разгар завтрака, когда в салоне „Садко“ было шумно и оживленно, вахтенный штурман Марков, подбежав к капитану и Ушакову, взволнованно доложил:

— Слева по носу земля!..

Наступила тишина. Когда Марков заканчивал свои объяснения о появившихся на горизонте очертаниях гористого берега, в салоне уже было пусто.

Несмотря на неоднократные ошибки за весь день, Маркову поверили. Сквозь туман можно было отчетливо разобрать очертания горного хребта, острых вершин и седловин. Он тянулся далеко на север и терялся во мгле.

„Садко“ медленно продвигался, осторожно лавируя между полями многолетнего льда. Туман то стучался, закрывая плотной пеленой обнаруженную землю, то, как бы приподнявшись, давал возможность вновь видеть смутные очертания берега.

Завтрак был забыт. На мостике, палубе, носу пестрели наспех надетые ватники, полушубки, свитеры.

Взволнованно спорили, напряженно ждали. Но туман густел.

Через час „Садко“ подошел к группе громадных айсбергов, принятых за землю.

Штурман Марков, ставший объектом насмешек и шуток, угрюмо отвечал:

— А земля тут все-таки есть!

Когда после обеда Марков вновь вбежал к капитану с докладом о появившейся земле, из присутствующих никто не поверил. Но на горизонте все резче выступали пологие очертания большого покрытого белоснежной ледниковой шапкой острова. На этот раз перед нами была действительно земля. Низкий, пологий берег, небольшая возвышенность посредине и ни малейшего признака обнаженного грунта. Лед на всем видимом пространстве. Были шутники, которые утверждали, что это большой, плоский айсберг.

Но быстро падающая глубина, размеры и очертания берега настойчиво говорили, что это остров. Последним на мостик вышел Николай Николаевич Зубов. Он долго не верил и своим глазам, боясь оказаться жертвой очередной ошибки. Только услышав приготовления к спуску якорей, он, наконец, потихоньку оделся и вышел на палубу.

— Да. Это не айсберг, — после продолжительной паузы проговорил Николай Николаевич и пошел наверх поздравлять Ушакова.

Напряженное ожидание на борту „Садко“ сменилось шумными приготовлениями. У брашпиля ожесточенно хозяйничал боцман с двумя матросами. Приготавливались к высадке на берег. У левого борта выросла гора разного снаряжения, винтовок, продовольствия и приборов.

На кормовом трюме приводился в порядок моторный катер, в силу своих ледовых качеств получивший название „Ермак“. Среди садковцев происходил охоточенный спор: кому быть в первой партии. Раньше всех был готов Ешурии со своим киноаппаратом.

„Садко“, прощупывая дно, медленно подходил к острову.

В миле от острова, напротив спускающегося в море ледника, ледакол стал.

— Отдать оба якоря! — прозвучала команда капитана.

Загремела якорная цепь.

Катер отчалил от судна, переполненный доотказа. У руля горделиво уселся штурман Иванов, ради торжественного случая надевший форменную фуражку и, поверх свитера, китель с нашивками. Подойдя вплотную к высокому и обрывистому берегу, повернули на восток. Ни намека на землю. Везде отвесный обрыв ледника, спускающегося прямо в море. Дойдя до небольшой бухточки, забитой льдом, повернули обратно. Линия берега постепенно отклонялась на юго-запад. Наконец, выбрали удобное для высадки место.

Первым на остров, под дружные приветствия и поздравления, ступил Георгий Алексеевич Ушаков. Ешурия, несмотря на неблагоприятную погоду, снимал кадр за кадром.

Недалеко от места высадки обнаружили плавник, очевидно, сильным штормом выброшенное на берег бревно. Общими усилиями водрузили его в лед. Иванов вырубил на нем топором «„Садко“ 1935». Прошли в глубь острова. Везде лед, лед и лед. Главная поверхность ледника, без единой трещины, обнаженная от снега ветрами, полого подымалась от моря и уходила вверх.

Георгий Алексеевич решил прежде обследовать остров с воздуха. Надо только дожидаться хотя бы кратковременного прояснения. Поэтому, не задержи-

взясь на унылом острове, вернулись на борт „Садко“. Счастливицев засыпали вопросами. Чтобы не отвечать каждому отдельно, решили собраться всем в кают-компанию.

Время двигалось к полночи, но никто еще не ужинал. Открытие острова заслонило собой все: и ужин, и торжественное заседание по случаю Международного Юношеского дня, и специально приготовленные по этому поводу пирожные.

ДОКУМЕНТАРНО

В кают-компании было празднично и шумно.

С появлением Ушакова наступило молчание.

Сказаны были короткие речи.

Говорили о том громадном значении, которое имеют открытые нами остров и мелководье, получившее название „Садко“. Теперь выяснится ряд вопросов, касающихся гидрологии, ледового режима Карского моря, тесно связанных с навигацией в западном секторе Арктики.

Становится ясным загадочное поведение дрейфующих льдов в карском бассейне. Становится понятной непреступность северной части Карского моря за островом Визе. Вновь открытый остров и мелководье „Садко“, местами достигающее до 20—25 метров, многочисленные айсберги местного и североземельского происхождения, сидящие на мели, оказывают решающее влияние на льды полярного бассейна на пути их к Карскому морю и обратно. Расшифровываются причины и условия, превращающие Карское море в „ледяной мешок“.

Выступивший Николай Николаевич Зубов высказал мнение и пожелание всех садковцев просить правительство о присвоении острову имени Георгия Алексеевича Ушакова.

— Мы будем просить правительство и Главное управление Северного морского пути назвать открытую нами землю — островом Ушакова, чтобы имя уважаемого Георгия Алексеевича вошло в историю исследования севера кусочком Арктики, той Арктики, в которую он вложил так много энергии, силы и здоровья...

Бурные аплодисменты прервали речь Николая Николаевича.

Долго еще в кают-компании шумели, шутили, слушали рассказы побывавших на острове.

Последние дни были посвящены исследованию острова. Но туман не дал возможности сделать это полностью. Бабушкин, вылетевший на ША-2, осмотрел его с воздуха, но аэрофотосъемки произвести не удалось опять-таки вследствие тумана.

Задерживаться у острова не стали. Надвигалась осень, а впереди оставались не исследованными восточная половина белого пятна и конечный пункт нашего маршрута — мыс Молотова.

ДОКУМЕНТАРНО

Ограничились морской съемкой северо-восточной части и наблюдениями Бабушкина с воздуха. Юго-восточная часть острова была грубо заснята морской съемкой вследствие тяжелого льда на подступах к острову.

Остров Ушакова, расположенный на $80^{\circ}54'$ с. ш. и $79^{\circ}9'$ в. д., представляет собой овальной формы землю, покрытую сплошь ледниковым шитом. Его длина около 12 миль и ширина около 10. Наибольшая его высота, около 300 метров, возвышается пологим куполом ближе к его западной части. Второй купол, в восточной части, значительно меньше. Ледник спускается в море крутым обрывом в несколько метров (от трех и выше).

За время пребывания у острова гидрологи воспользовались якорной стоянкой и произвели суточные станции, детально исследуя приливо-отливные течения и проводя полный гидрологический комплекс наблюдений.

От острова пошли на север. Но попытка пройти на восток не увенчалась успехом. Тяжелые льды стояли на пути.

Выжидать изменения ледовой обстановки было рискованно, поэтому командование решило обойти остров Визе с юга и пробраться в белое пятно с востока, поднявшись на север вдоль западных берегов Северной Земли.

Открытие острова Ушакова и мелководья „Садко“ давало возможность предполагать чистую воду в этом районе.

Нужно было торопиться.

Сентябрь давал себя знать. Температура неуклонно падала, и ночью на мостике без полушубка невозможно было стоять.

Приближалась зима.

„Комендант“ острова

Меня разбудили отчаянный стук в дверь и крики: — Сашка! Медведь!

Одно мгновение я подумал, что надо мной снова подшутили, но, узнав голос Шишкина, не менее страстного охотника, чем я, выбежал на палубу. Постучал в дверь Журавлева:

— Федор Сергеевич, одевайся. Промысел...

С палубы несколько человек смотрели на берег, наблюдая за действиями большого, мохнатого зверя. Медведь медленно шел по самому обрыву острова. На корабль, стоявший в миле от берега, он не обращал внимания. Часто останавливаясь и осматриваясь, он дошел до вбитого нами в лед бревна. Удивленный медведь долго рассматривал странный предмет. Обошел его раза два. Наконец подошел ближе и, казалось, хотел прочесть вырубленную на нем надпись «„Садко“ 1935»... Толкнул лапой. Крепко. Толкнул еще. Не движется. Рассердившись, поднялся на задние лапы и навалился всем телом. Бревно под тяжестью громадного зверя поддалось и чуть накренилось. Медведь снова поднялся во весь свой рост и, схватив обеими лапами конец бревна, стал тянуть его к себе. Бревно наклонилось еще больше. Но мышке надоело. Оставив в покое покосившийся знак, поставленный так заботливо садковцами, он побрел обратно. Журавлев, видя, что я беспокоюсь хватаюсь за винтовку, предупредительно сказал:

— С борта стрелять далеко. Ранишь его — уйдет. Догонять долго придется. Ты лучше присмотри, куда он пойдет, а я сейчас готовлю ялик.

Журавлев пошел спускать на воду лодку. Еще вчера, когда Георгий Алексеевич рассказывал о виденных на острове медвежьих следах, я заручился его разрешением поохотиться. Меня поддержал Журавлев, напомнив, что собаки давно сидят на солонине. Да и мы давно не ели свежего мяса. Согласие было получено, и теперь, предупредив вахтенного штурмана, мы могли оставить судно и пойти на медведя. На судне было необычно тихо. После двухсуточного курсирования по белому пятну и открытия острова был объявлен общий отдых, — все спали. Только вахтенные

матросы и кочегары, засидевшиеся в ленуголке, бодрствовали за билльярдом.

Между тем медведь возвращался к судну. Обеспокоенный хозяин острова остановился и, подняв свой острый нос, долго нюхал. Обнаружив, что запахи идут с большого черного предмета, стоящего в море, пошел дальше. Его спокойный шаг и уверенность вызвали восхищение садковцев.

— Какой он величественный! Настоящий хозяин! ДОКУМЕНТАРНО

— Товарищи, это „комендант“ острова!

— Смотрите, охотники, чтобы не спросил он у вас пропуски!

Несомненно, ветром до медведя доносило и наши голоса и собачий лай. Но „коменданта“ это ничуть не беспокоило. Остановившись против „Садко“, он прилег, долго и внимательно разглядывал нас и, с той же медлительностью поднявшись, ушел, даже не оглянувшись. Когда лодка была готова, „комендант“ скрылся за мысом в восточном направлении.

В лодочке я и Журавлев поместились с трудом, Федор Сергеевич взялся за весла. Легкий, как скорлупа, ялик скользил по воде, сильно кренясь от малейшего движения.

По указанию Журавлева, я стал на колени и не шевелился. Цезарь, прижавшись ко мне, притих и изредка скулил.

Подъехав к берегу, мы повернули на восток и двинулись к мысу. Мимо нас мелькали отесные обрывы голубого прозрачного льда. Сплошная стена ледника вызывала опасения, что нам не удастся выбраться на берег. Но, по рассказам штурмана Иванова, за мысом должна быть бухточка.

Федор Сергеевич, боясь потерять следы медведя, предложил спустить Цезаря. Подойдя вплотную к леднику, вытолкнули его на узенькую тропинку, спускающуюся к морю. Цезарь жалобно заскулил, не понимая порученного ему задания.

Я сменил Журавлева за веслами, и наша скорлупа понеслась с новой силой. Цезарь, выбравшись на ледник, помчался за нами.

Федор Сергеевич рассердился:

— Чорт! Дурной! Бери его! Возьми! Цезарь, возьми!

Но Цезарь продолжал гнаться за лодкой, громким лаем выражая свою радость.

За мыском берег уходил в глубь острова бухточкой. Забитая льдом, она представляла удобное место для высадки, но медведя не было видно. Спустя полминуты я увидел его в дальнем конце бухточки. Медведь повернул снова к судну и выбирался с припая на берег.

Лодчонка была мигом вытащена на лед. Журавлев, не сдерживая своего охотничьего пыла, горячился и торопил меня:

— Беги, только прямо на него, как по ниточке. Цезарь бери с собой. Я здесь буду, у лодки.

Медведь, как бы прогуливаясь, шел по берегу в полукилометре от нас.

Твердо помня наставление Журавлева, я бежал прямо на него, крепко держа винтовку и стараясь не размахивать руками.

Цезарь вертелся у моих ног, никак не желая понять, что нужно бежать на медведя, который ясно был виден впереди. Пробежав с полкилометра, я перестал натравливать Цезаря и пошел один. Медведь, увидев меня и почуввав опасность, повернулся и стал улепетывать. Я успел с размаху стать на колено и выстрелить.

Медведь упал. Несколько секунд он судорожно скреб ногтями лед, потом повернулся на спину и, дрогнув всем своим огромным телом, замер. Я подбежал к медведю. Бедный „комендант“ лежал неподвижно. Оскаль зубов, блеск еще не потускневших глаз и громадная лапа с острыми когтями внушали некоторое опасение.

Но „комендант“ был мерта.

— Молодчина,— проговорил подошедший Журавлев.— Свалить такую громадину на бегу, да на расстоянии 300 метров,— это хорошо.

С трудом подозревали Цезаря. Стали травить его на медведя. Только теперь поняв, что от него требуют, Цезарь начал действовать. Глаза его горели. Зубы оскалились. Он вонзал их со страшной силой в медведя и тотчас отскакивал.

— Теперь он медведя не выпустит,— приговаривал Журавлев, с трудом удерживая бесновавшегося Цезаря.

К лодочке медвежьей тушу мы перетаскивали частями. Тяжело нагруженные, мы подплыли к „Садко“.

Втащенный на борт Цезарь, помня, как мы поощряли его нападение на медведя, незаметно ретировался на корму к своим давнишним врагам — свиньям. Скоро все судно было разбужено пронзительным воплем поросят.

Сокрушая все на пути, преследуемые Цезарем, все десять свиней разбежались по кораблю, подняв страшный шум. Цезарь победно носился за ними, лихо задрав хвост, и ожесточенно вонзал свои клыки в обидевших животных. Остальные питомцы Журавлева

ДОКУМЕНТАРЬ

По медведю

подняли оглушительный лай и визг, громко выражая свой протест и зависть по поводу свободы их товарища. Одна из свиней залетела в кают-компанию, вызвав ужас и возмущение Устиныча. Две были загнаны Цезарем на верхнюю палубу к собакам, и, если бы не вмешательство Журавлева, их бы растерзали на клочки. Напуганных поросят водворили в свинарник, а Цезарь, очевидно ожидавший похвалы, был посажен на цепь. Население „Садко“, взбудораженное всем этим шумом, пыталось рассердиться, но, узнав от Устиныча, что тот накрывает стол в салоне, и что к завтраку подадут медвежью отбивную, быстро успокоилось.

Рассказы Ушакова о Северной Земле

От острова Ушакова, после нескольких попыток пройти на восток, мы повернули к югу. Вся западная половина мелководья была изрезана вдоль и поперек. Туман, льды, многочисленные айсберги на мели мешали нашему проникновению на восток, и командованием было принято решение: не ввязываясь в борьбу со льдами, обойти этот район с юга, проникнуть вновь в белое пятно с востока. Надо было для большей оперативности иметь за собой свободу и выбор действия.

Отступая на юг, мы дошли до 80-й параллели и, обогнув остров Визе с юга-запада, пошли к берегам Северной Земли. На море ни единой льдины. Густой туман тяжелым и мокрым покрывалом окутывает нас. Небольшая зыбь чуть-чуть, как бы убаюкивая, покачивает „Садко“.

Попытки проникнуть в район, лежащий севернее острова Визе, не удалось ввиду наличия льдов. Тогда окончательно взяли курс на мыс Литвинова. Это одна из восточных оконечностей острова Комсомолец, самого северного из архипелага Северной Земли.

Целые сутки мы шли прямо по намеченному курсу в сплошном тумане. В кают-компании и на мостике возникали споры и предположения.

— Куда выйдем?

Большинство утверждало, что должны выйти к мысу Литвинова и никуда больше. Но находились скептики, утверждавшие, что к Литвинову мы вряд ли выйдем. Отсутствие небесных ориентиров, узорное постоянство тумана, частые перемены курса и скорости, неизученность течений и т. д. должны были сбить „Садко“ с курса. Но, тем не менее, когда к концу дня из тумана стала выглядывать низменная черная полоска, „Садко“, шедший тихим ходом, совсем замедлил ход и, наконец, бросил якорь у обнаруженной земли. Побежали к Ушакову за консультацией. Но он уже давно был на мостике. На его внешне спокойном лице чувствовалось волнение. Северная Земля! Это та самая Северная Земля, на берег которой он вместе с тремя спутниками вступил впервые в 1930 году 23 августа. Это была та самая Северная Земля, которую он, с Ур-

ванцевым и Журавлевым, в течение двух долгих лет изъездил и нанес на карту, сделав в общей сложности более 6000 километров на собаках в зимнюю стужу, в весеннюю беспутицу. Сколько воспоминаний, эпизодов, картин всплывало в памяти у начальника экспедиции в этот момент...

Туман медленно рассеивался. Ушаков не отрывался от бинокля. Каждый клочок земли вдоль берегов Северной Земли хорошо известен Георгию Алексеевичу, но ведь он проходил мыс Литвинова в мае, когда можно наблюдать только первые намеки наступающей весны. Тогда все было покрыто снегом, льдом. Это, конечно, не мыс Литвинова, ибо мыс этот ледяной. Он как бы образован ледниковым языком, спускающимся в море. Высота его около 10 метров. Но это может быть соседний мыс Фрунзе, лежащий к югу от него.

— Это наиболее вероятно, ибо мыс Фрунзе неизменный, — говорил Ушаков капитану, стоящему рядом. Потом, улыбнувшись, он добавил: — Когда мы, достигнув мыса Молотова, возвращались к себе домой на острова Каменева, в этих местах мы встретили вестника весны — пуночку; она заставила нас поторопиться.

Когда туман несколько рассеялся, стало ясно, что лежащая перед нами земля — это группа не отмеченных на карте островов. Ушаков уверенно сказал:

— Узнаю. Слева — мыс Литвинова, а южнее, длинный изогнутый мыс — это Фрунзе. Николай Михайлович, поздравляю! Привели точно в намеченное место.

— Надо благодарить в большей степени вас, ибо, не будь названные мысы правильно нанесены на карту, я бы не мог привести сюда „Садко“, — ответил Николаев, крепко пожимая руку Ушакову.

Было дано распоряжение готовить десант на неизвестные острова. Одновременно было приказано готовить самолет. Сейчас исследование островков, а в случае выяснения — полет. Пока готовили катер, складывали туда винтовки, патроны, топор, гвозди и несколько досок для установления гидрографического знака на острове, я побежал искать Власова.

Власова обнаруженная земля, видимо, мало интересовала, тем более, что погода была не летная. Поэтому он спокойно занимался своим любимым делом — играл на бильярде. Правда, у него не было партнера, но это его не смущало, и он с одинаковым упоением

играл сам с собой — „Геннадий с Власовым“, — шутили на корабле. Обнаружив его в красном уголке, я предупредил о готовящемся полете и помчался на палубу. Мне никак не хотелось опоздать к отходу нашего „Ермака“, тем более, что желающих сопровождать Ушакова на берег было много, — половина всех садковцев. Как полагается, больше всех нервничали корреспонденты. Кинооператор Ешурич, чтобы изверняка обеспечить себе место, сделал предложение плыть на „пузыре“ на буксире у „Ермака“, чтобы снимать высадку на неизвестный остров со стороны.

Наконец отчалили. Между островом и „Садко“, кроме одного, причудливо согнувшегося буквой „Г“ айсберга, льдов не было. Обогнув айсберг, мы, подойдя к острову, пошли вдоль его берега. Остров был низменный, песчаный, местами глинистый, и у самого берега, в восточной его части, тянулись нагромождения торосов.

Выбрав небольшую песчаную косу, мы направили катер прямо на берег. Вода была настолько прозрачна, что даже на большой глубине можно было любоваться разноцветным ковром галечного дна.

Но вот киль катера зашуршал по песку, и мы ткнулись в песок. Георгий Алексеевич и все сопровождавшие его садковцы сошли на берег и пошли в глубь острова. Нам троим — мне, Колесниченко и штурману Иванову — он приказал доставить строительный материал к возвышенной части.

Выполнив приказание и высадив Иванова, я и Колесниченко, воспользовавшись имеющимся у нас временем, решили обойти остров на катере. Пошли к Ушакову за разрешением. По вязкому, недавно сбросившему снеговой покров песку мы дошли до наших. На острове попадалось много старого плавника. Встречались и свежие бревна. Из одного такого свежего, толстого чурбана Черненко и Варламов, воткнув его вертикально в землю, мастерили знак. Митя Черненко старательно выводил карандашом на свежем срезе — „Садко 1935 г.“ и т. д.

Когда мы подошли к Ушакову, он сидел на большом прогнившем бревне и из винчестера охотился на чистиков и чаек. Разрешение было получено, и мы двинулись вокруг острова. Вернее, здесь было три острова, разделенных узкими и мелкими проливами. Толя

Колесниченко сидел за весело стрекотавшим мотором, а я, свесившись с носа, следил за тем, чтобы не сесть на мель. С восточной стороны к острову примыкал большой припай высоких нагромождений льда и слежавшегося снега. Все это слилось в одну общую массу и возвышалось над всем островом высокими ледяными холмами. Со стороны моря подмытый волнами лед обваливался громадными пластами, обнажая вертикальные плоскости излома, достигавшие высоты

ДОКУМЕНТАРЬ

Навигационный знак, поставленный на трех небольших островках, открытых у западных берегов Северной Земли

20—25 метров. На этих изломах можно было свободно прочесть историю происхождения этого ледяного придатка к острову.

Когда мы причалили к берегу, строительство гидрографического знака было в полном разгаре. Это было довольно внушительное сооружение из бревен и досок, прибитых пятидюймовыми гвоздями и заваленных у основания обломками известняка. На толстых бревенчатых откосах Лазарь Бронтман и штурман Иванов вырубали топором большие буквы надписи: «„Садко“. 1935 год. Ушаков с товарищами». Варламов со всех сторон шелкал „лейкой“.

Георгий Алексеевич, смеясь, заметил:

— Этим островам „Неприметным“ повезло больше, чем мысу Молотова, самому северному на Северной Земле...

И он рассказал, как после двадцатидневного тяжелого пути, сквозь зимние морозы, пургу они достигли северной оконечности архипелага. Их было трое: Ушаков, Урванцев, Журавлев.

Это был их первый большой маршрут. Только ДОКУМЕНТАРНО время маршрута они определили, что Северная Земля состоит из нескольких больших островов, один из которых, Комсомолец, простирается значительно севернее той конечной точки, которой достигла на „Таймыре“ и „Вайгаче“ экспедиция Вилькицкого. С ограниченным запасом продовольствия, без надежды на охоту они пошли в обход острова Комсомолец, не представляя его размеров и протяжения предстоящего пути. Часто их останавливала пурга. Пробираясь по краю ледника, им не раз приходилось возвращаться, встретив непреодолимые препятствия в виде широких трещин, заваленных предательским рыхлым снегом.

Но вот они достигли конечной цели. Несмотря на то, что продукты были на исходе, пришлось из-за пасмурной погоды выжидать три дня для точного определения астрономического пункта. На этом ледяном мысу, обрывающемся прямо в море, поставили в качестве опознавательного знака бамбуковую палку и закопали в лед керосиновую банку с бутылкой, где лежала записка: „Члены Североземельской правительственной экспедиции открыли этот мыс, лежащий на $81^{\circ} 16', 1$ широты и на $95^{\circ} 42', 8$ долготы, назвали его именем председателя Совнаркома СССР тов. Молотова“.

По окончании постройки нашего опознавательного знака на островах „Неприметных“, мы поднялись на самую высокую точку—около 40 метров и осмотрели весь небольшой архипелаг. Затем бродили. В бухточке мне удалось убить большого зайца. В ледяной пещере, следуя по свежим медвежьим следам, обнаружили берлогу. К сожалению, хозяина там не оказалось. Очевидно, эти островки охотно посещаются медведями, так как на песчаной и глинистой поверхности мы обнаружили много следов.

Пробыв всю ночь на островах, мы вернулись на „Садко“. Самолет был готов. Власов, веселый и до-

вольный, прогуливался по палубе в шлеме и летних рукавицах. Георгий Алексеевич, не отдохнув, немедленно сел в самолет, и они полетели. Залетев недалеко на север, повернули обратно к югу. За завтраком в кают-компани Ушаков рассказывал о том, как благодаря хорошей видимости он видел острова Сергея Каменева, остров Домашний и маленькую точку их зимовки. Он рассказывал о зимовке, о жизни четверых советских людей, заброшенных на неведомую землю с почетной задачей исследовать неизвестный район и водрузить там алый флаг пролетарской родины.

„Садко“ с силой рассекал свинцовые волны Карского моря, держа курс на чистый „норд“.

Ушаков рассказывал...

Вернувшись после трехлетней зимовки с острова Врангеля, Георгий Алексеевич выдвинул проект исследования Северной Земли. Председатель Арктической комиссии С. С. Каменев поддержал проект молодого тогда еще полярника, и Совнарком отпустил на это дело 50 тысяч рублей. С помощью С. С. Каменева добыли снаряжение, обмундирование, патроны, оружие. Достали коротковолновую радиостанцию. Научное оборудование взяли во временное пользование из Академии Наук и других научных учреждений. Ушаковской четверке удалось даже достать ветродвигатель. Таким образом четыре человека, составлявшие во главе с Ушаковым Североземельскую экспедицию, сумели подготовить в основном все необходимое, чтобы прожить три года отрезанными от всего мира и вести научную работу.

— Наконец, все было готово, — рассказывает Георгий Алексеевич, — нас должен был доставить на место „Садко“, тогда еще принадлежавший Совторгфлоту и арендованный Арктическим институтом. Я, имевший опыт трехлетней зимовки, Урванцев, инженер-геолог, имевший большие заслуги по изучению Таймырского полуострова и открывший Норильские месторождения, промышленник Сергей Журавлев, имевший за своими плечами одиннадцать зимовок, настоящий полярный волк, и молодой комсомолец, 19-летний радист Вася Ходов, — вот наша группа. Я решил взять его, молодого и неопытного полярника, и не ошибся. Теперь Ходова знают хорошо все полярники, и строи-

тельство Диксоновского радиоузла, с которым мы так прекрасно держим связь сейчас, дело его рук. Журавлев нам был необходим как промышленник, хорошо знающий условия Арктики.

Наконец, наступил день отхода. „Седов“ под руководством О. Ю. Шмидта уходил из Архангельска 15 июля 1930 года в свой долгий и далекий маршрут.

„Седову“ предстояло идти на Землю Франца-Иосифа для смены зимовщиков, исследовать, насколько это возможно, архипелаг, вернуться в Русскую Гавань за углем, и, обогнув мыс Желания с севера, проникнуть в Карское море. Восточных берегов Северной Земли никто не видел, и никто не представлял, как далеко простираются они.

Перед самым отходом на борт „Седова“ были доставлены собаки.

„Седов“ отчалил. Большая Земля осталась позади вместе с друзьями, товарищами, родными. Поход был очень удачный. Были в бухте Тихой, сменили зимовщиков, обошли ряд островов архипелага Франца-Иосифа. Были на месте поселка экспедиции Джексона, где произошла его историческая встреча с Хансеном. Затем посетили на острове Белля хижину экспедиции Ли-Смита. Видели на острове Альджера остатки „лагеря“ Циглера со складом консервов. Попутно поставили рекорд свободного плавания во льдах, поднявшись по Британскому проливу на север до $82^{\circ} 14'$.

После бухты Тихой в Русской Гавани принимали уголь. Обогнув с севера мыс Желания, вышли в Карское море. Здесь уже началась борьба со льдами. В Карском море был открыт ряд новых островов, в числе их остров Визе, предсказанный В. Ю. Визе на основе изучения дрейфа „Св. Анны“, и, наконец, острова Сергея Каменева, которые мы избрали местом нашей зимовки. Дело в том, что времени оставалось мало. Наступала зима. В борьбе со льдами мы уже не раз теряли надежду достигнуть Северной Земли и даже решили выгружаться на Таймырском полуострове с тем, чтобы потом на собаках переправиться через пролив Вилькицкого на Северную Землю. Надо сказать, что большую роль в нашем выборе сыграли многочисленные зайцы и тюлени, замеченные в заливчике при обследовании этих пустынных небольших островков. А вопрос о корме собакам был для

нас весьма существен. В течение шести дней была закончена выгрузка, построены, вернее — собран, домик и установлена радиомачта. Грузы были свалены на песчаном берегу. Собаки, получившие после тесной палубы парохода свободу, беспризорно бегали между ящиками, тюками, бочками и прочими грузами. „Седов“ отходил. Все мы волновались.

Вернувшись домой на остров, мы горячо взялись за хозяйство. Чувствовалось дыхание зимы, и она замедлила явиться. Пронеслась первая метель. Как только хозяйство было налажено, я и Журавлев выехали на охоту, возложив на Ходова и Урванцева наведение „комфорта“. Вначале охота нам не удавалась, ибо убитые на воде зайцы и тюлени тонули, и мы не успевали их заварканить.

Когда усилиями Ходова и Урванцева наш дом был приведен в жилой и уютный вид, мы принялись тренировать собак. Надо было выбрать передовика, а для этого приходилось испытывать их всех по очереди.

Я остановился на Мишке, который был послушнее других. Это был заметный пес, стяжавший себе славу своими вокальными способностями. Впоследствии Мишка оказался лучшим медвежатником. Он и погиб, став жертвой рассвирепевшего раненого медведя. После Мишки у меня передовыми работали Варнак и Шайтан. Варнак был самый крупный пес. Его вес достигал 50 килограммов.

Вскоре жизнь на зимовке вошла в колею. Готовились к маршрутам, ездили на охоту, стреляли часто посещавших нас медведей. Во время работы винтовка всегда находилась рядом, ибо нередко, подняв голову, обнаруживали в нескольких метрах медведя, которого тут же убивали. Обычно их приход сигнализировался лаем собак, но бывали случаи, когда ночью или утром, выйдя из дому, нос к носу сталкивались с медведем. За время зимовки было убито 105 медведей.

Домашние работы, обед, хлебопечение, уборка у нас производились повахтно. Вахта длилась целую неделю, и так по очереди, раз в месяц. Каждый старался наиболее рационально организовать свою вахту. Причем, конечно, выработался некоторый стандарт, особенно в начале. Утренний завтрак почти никогда не обходился без громадной сковороды с яичницей, вместе с маслом и сыром. На обед обычно бывал суп, и мед-

вежатина — на второе. Впоследствии перешли исключительно на медвежатину, причем ели ее во всех видах: и мороженой, и в виде рубленых либо отбивных котлет, и в виде беф-строганов, медвежьих ростбифов. Журавлев в свое дежурство неизменно угощал рублеными котлетами гигантских размеров. Наконец, на третье обычно готовился компот в большой, почти ведерной кастрюле, с расчетом на несколько дней.

Летом наш стол разнообразила рыба. В основном это была сайка, стаями плававшая у берега. Мы ее ловили разными способами: кухонной кастрюлей, ведрами и, наконец, посредством винтовки, что оказалось проще всего, и мы перешли исключительно на этот способ рыбной ловли: просто стреляли в воду. Оглушенная рыба всплывала на поверхность, и оставалось только ее подбирать.

В общем мы жили дружно, за исключением того, что Журавлев считал мой, и особенно Урванцева, научные работы „никчемными бирюльками“ и при случае любил выпить стаканчик спиртного. С этим последним его недостатком Урванцев боролся хитростью: с моего разрешения он подмешивал в спирт безаредной краски и потом уверял Журавлева, что при снаряжении перепутали и вместо чистого спирта запаковали денатурат специального назначения. Журавлев горевал и с ужасом вспоминал, что мы спирт „зряшно“ изводили на разных букашек и гадов, квалифицируя наши действия чуть ли не святотатством. Что касается „бирюлек“, то к концу зимовки, увидев результаты нашей работы, в виде карты Северной Земли, с предельной точностью обозначавшей ему все мысы и заливы, все ледники и островки, он стал с большим уважением относиться к нашей работе.

Васи Ходов оказался на редкость спокойным, дельным и добросовестным товарищем. Он часами, сутками проводил время за радиоприемником и передатчиком, слушал и передавал. Особенно много он сидел в начале зимовки, налаживая связь. Любопытно, что вначале мы почти всех слышали, а нас — никто. Первая двусторонняя связь была установлена с любителем из Кологрива. Он услышал Ходова и назвал себя. После этого мы долго искали и гадали: где Кологрив? Вечером, установив снова связь, спросили; оказалось, что он в Ивановской области. Искали на карте и не нашли.

Вероятно и кологривский радиолюбитель искал острова Сергея Каменева по картам. Вряд ли он тогда нашел их. Во всяком случае через кологривского радиолюбителя пошли наши первые телеграммы на материк и первая корреспонденция в газеты.

В общем в полярную ночь радио помогало коротать долгие сутки. Мы начинали „кругосветное путешествие“. Слушали Японию (вечерние передачи), затем, по мере наступления там ночи, переходили ДВК, Сибирь, Свердловск, Москву — „Коминтери“, потом Польшу, Германию, Францию, затем через Атлантический океан — на Соединенные штаты и, наконец, перемахнув через Тихий океан, вновь на Японию. Слышимость в полярную ночь замечательна, и помех почти не бывает. А полярная ночь там долгая. Почти два месяца не бывает даже зари. На горизонте сплошная темнота, лишь северные сияния озаряют арктический пейзаж феерическим светом. Солнце провожали и встречали торжественно. Когда мы однажды смотрели на выглянувшее в последний раз солнце, Журавлев, посмотрев на него, сформулировал, по-своему, образно: „Солнце, кажется, собаки изгрызли“.

После периодического увлечения радио переключались на шахматы, домино, потом на чтение, пользуясь прекрасной библиотекой, любезно предоставленной нам Академией Наук. Читали запоем все.

Но во время полярной ночи мы не только сидели дома. Пользуясь лунной ночью и хорошей погодой, мы забрасывали продовольствие для наших будущих маршрутов и устраивали продовольственные депо. Причем вначале эти поездки были недалеко от дома. Потом, по выражению Журавлева, мы „осмелели“, наконец, „озверели“ и в полярную ночь забросили продовольствие на восточный берег Северной Земли к мысу Ворошилова. Это один из красивейших мысов на Северной Земле у входа в пролив Красной армии, отделяющий острова Комсомолец и Пролетарской революции.

Рассказ Ушакова был прерван грохотом разбившейся посуды в буфете. „Садко“ уже давно шел в открытом море. Сильный ветер, дувший прямо в корму, подымал сильную волну, и корабль основательно клевал носом. А кругом ни единой льдинки. Заслушавшись Георгия Алексеевича, мы даже не замечали

перемены обстановки. Очнувшись от шума и наступившего вслед за тем молчания, все начали подыматься, потягиваться. Георгий Алексеевич, вспомнив, что не спал вторые сутки, ушел к себе наверх.

Замечательный человек Георгий Алексеевич Ушаков. Спокойный и уравновешенный, он никогда не повышает голоса. Его редко можно видеть рассердившимся. Он может подолгу молчать, сидеть в одиночестве, не чувствуя угнетения. Это, вероятно, отток долгих зимовок. Для человека, знающего Георгия Алексеевича, подчас бывает неловко сидеть у него. Сидит и молчит. Приходится молчать, занимаясь по его примеру или книгой, или газетой, или папироской. Между тем его молчание — признак его доброжелательного отношения к данному человеку. Есть у него друг — Сигизмунд Леваневский, такой же молчаливый человек. Как-то после продолжительной разлуки Леваневский зашел к нему повидаться. Страшно обрадовались, крепко пожали руки. Затем, усевшись в кресла, обменялись парой общих и обычных вопросов, и Георгий Алексеевич сунул в руку Сигизмунду какую-то книгу: „Просмотри. Довольно занимательно“. И замолчали. Сидели так часа три, потом Леваневский поднялся.

— Ну, вот и хорошо. Повидались. А мне пора.

— Всего хорошего.

И расстались вполне удовлетворенные встречей, хотя было произнесено всего десятка два слов.

Ушаков, несмотря на свою молодость (1901 года рождения), имеет богатую биографию и авторитет одного из лучших полярников.

Вышел он из семьи амурского казака. Восьми лет начал учиться в сельской школе. Не удовлетворенный ею, убежал в Хабаровск с намерением поступить в реальное училище. В реальное ему попасть не удалось, но в высшую начальную школу он все-таки устроился. Работал газетчиком, спал летом под открытым небом, а зимой — в ночлежке, но школу кончил. Дальнейшее его образование ограничилось самообразованием.

Грянула революция, началась гражданская война. Георгий Алексеевич — в рядах Красной гвардии и получает боевое крещение в бою с белогвардейцами под Благовещенском в 1919 году. Затем он партизан отряда Тетерина-Петрова, борется с интервентами.

В 1920 году, 4—5 апреля в городе Хабаровске он дерется с японцами, и так до конца 1920 года. Затем он демобилизовался, учился в Хабаровской учительской семинарии. В 1921 году поступил во Владивостокский государственный университет уже кандидатом ВКП(б). Снова партизанские отряды, потом Красная армия, вместе с которой пришел во Владивосток.

Дальше работа в деревне избачом и секретарем партакчейки, работа в Госторге, и, наконец, в 1935 г. ДОКУМЕНТАРНО он посылается Далькрайисполкомом уполномоченным по управлению островами Северного Ледовитого океана. На острове Врангеля он организует советскую колонию из эскимосов, зимует три года и, вернувшись, получает в награду за свою работу орден Красного Трудового знамени. Затем он ученый секретарь Якутской комиссии при Союзной Академии Наук. В 1930 году он заместитель директора Всесоюзного Арктического института.

В июле 1930 года он выезжает с тремя товарищами для исследования Северной Земли. Два года блестящей работы. Награждается орденом Ленина. Дальше работа заместителем начальника Главного управления Северного морского пути при СНК СССР.

1934 год. „Челюскин“ погиб. Экипаж и весь состав экспедиции терпит бедствие во льдах Чукотского моря. Георгий Алексеевич — уполномоченный правительства по организации спасения. Вместе с Леваневским и Слепневым он покупает в Америке самолеты, летит на Чукотку. Здесь он терпит аварию с Сигизмундом Леваневским, но уже дня через два вместе со Слепневым летит в лагерь Шмидта. Вернувшись из лагеря, он руководит спасательными операциями. Больного Шмидта увозит в Америку. По возвращении с челюскинцами, он вместе с ними награждается орденом Красной звезды. И вот, наконец, в 1935 году Георгий Алексеевич — начальник первой высокоширотной экспедиции на „Садко“.

Такова его биография вкратце. Но сколько замечательных страниц, сколько героической работы на разных этапах этой скупой биографии!

Сколько раз мы, забравшись в его каюту, или после ночной станции в кают-компанию, слушали разные эпизоды из его жизни и работы. Негромким и ровным голосом он рассказывал нам незабываемые вещи.

Незабываемый день

Этот день, такой волнующий, напряженный и незабываемый, останется в памяти садковцев надолго.

Собственно это были два дня, слившиеся в один — целый и неразрывный. Никто не спал в течение этих двух суток.

Началось все 12 сентября. Еще не успокоившись от шторма, еще играя зыбь, напоминающая об исключительном шторме под 81-м градусом. Три дня боролся с жестоким, неожиданным и необычным для этих широт штормом наш „Садко“.

Корабль, потрепанный, омытый волнами, приводили в порядок.

Удивительно желанное, после шторма, солнце заливало яркими лучами блестящую палубу. Море, кроткое, чистое, темносинее, сверкало под ослепительными потоками солнечных лучей. Шторм, причинивший так много неприятностей, одновременно помог садковцам. Льды утвало далеко на север, отодвинув кромку за остров Шмидта.

Шли чистой водой, держа курс на остров Шмидта.

— Где мы? Куда идем?

На мостике командование „Садко“ в полном составе.

Николай Михайлович, не отрывая глаз от бинокля, обращается к Ушакову:

— Идем прямо на остров, а его все еще не видно.

— Может, сбились с курса?

— Не может быть. Сверялись по солнцу. Все точно сходится.

Вмешивается Zubov:

— Вероятно, остров „сместился“ в сторону. Это часто бывает в Арктике. Еще совсем недавно мы с подобным фактом столкнулись у Грезм-Белла.

Весть о том, что острова Шмидта на указанном месте нет, быстро облетела судно. Один за другим на палубе стали появляться садковцы.

Приставали к сибиряковцам, видевшим остров.

— Григорий Петрович, признайтесь: может, это был не остров, а айсберг?

— Когда вы видели остров, было туманно или солнечно?

Горбунов защищался, поддерживаемый Марковым:

— Остров, самый настоящий остров, как две капли воды похожий на остров Ушакова.

— Почему же его нет?

— Подождем — увидим, — успокаивал Марков. — И, наконец, мы к нему подходили с юго-востока, а сейчас приближаемся с юго-западной стороны.

В самый разгар споров и шутливых нареканий раздался голос Шишкина:

— Шмидт... Справа по носу.

Действительно, это был остров Шмидта, выраставший с ослепительно блестящей черточки на горизонте в контуры пологого обледенелого острова.

— А ведь остров все-таки переместился. Так это и есть, — обратился Зубов к капитану, выходя из рубки, где он справлялся по карте.

Остров был обнаружен; все успокоились и пошли обедать. После обеда снова высыпали на палубу. Остров сверкал своим ледяным покровом справа, совсем близко.

Шишкин, работавший у эхолота, торжественно объявил:

— Товарищи! Пересекаем западную оконечность острова. У кого билеты до острова Шмидта, высаживайтесь. Доехали!

— Как пересекаем остров?

Бронтман и Виленский побежали к капитану.

— Совершенно верно. Остров оказался несколько меньше указанного на карте, и мы теперь проходим через предполагаемую западную часть. Мы обогнем его с севера и нанесем на карту его северный и западный края, что не удалось „Сибирякову“ вследствие тяжелых льдов.

— А как разговоры о „перемещении“?

— Нет, он стоит на месте, и восточный берег нанесен правильно. Мы только уточним его северные очертания.

И корреспонденты удалились, удовлетворенные, в свои каюты писать телеграммы на материк.

Между тем „Садко“, обогнув остров, взял курс на мыс Молотова. Это была конечная точка нашего маршрута, и, дойдя до него, высокоширотная экспедиция могла отметить выполнение плана. Собственно план научных работ был уже выполнен, поэтому садковцы

с нетерпением ожидали появления мыса. В зависимости от обстановки, у мыса Молотова должны были наметить дальнейший план и маршрут.

Мыс Молотова — самая северная точка острова Комсомолец — был открыт и нанесен на карту Ушаковым во время его замечательной зимовки на Северной Земле. Кроме Ушакова, Урванцева и Журавлева, ни один человек не ступал на его берег. С борта корабля видели его только сибиряковцы, оглябая Северную Землю с севера. Понятно, почему, приближаясь к низменному берегу мыса, его с интересом рассматривали собравшиеся на палубе и на мостике садковцы. ДОКУМЕНТАРНО

Георгий Алексеевич задумчиво всматривался в места, возбуждавшие так много воспоминаний, он рассеянно отвечал на вопросы окружающих, помнивших его рассказы в салоне во время ночных станций.

„Садко“ был у мыса Молотова.

Ушаков, отыскав глазами капитана, подошел к нему. Они спустились в каюту начальника. Туда же сошли Евгений и Зубов. Оставшиеся на палубе оживленно спорили...

На восток от мыса небо было окрашено белыми полосами. На северо-западе, наоборот, небо было синее и яркое.

— За мысом Молотова, в море Лаптевых лед. На севере — чистая вода. Верно ведь, Василий Иванович? — обратился к Ножкину Варламов, давно решивший, что тонкости ледового плавания расшифрованы им достаточно для того, чтобы давать прогнозы о состоянии льдов.

— Подойдем — увидим, — коротко ответил Ножкин, насмешливо слушавший споры собравшихся.

В это время капитан, пройдя в рубку, пригласил стоявшего на вахте Ножкина к себе. Разговоры утихли. Почему-то стали говорить шопотом, ожидая возвращения Ножкина. Но вот вышли из рубки капитан и штурман. Ножкин негромко приказал штурману:

— Лево руля! Возьмите чистый норд!

Когда штурманский, быстро завертев колесом, остановился и отчетливо крикнул: „Есть, чистый норд“, Ножкин подошел к нему, проверил взятый курс и скрылся снова в рубке.

Капитан, убедившись, что „Садко“ лег на новый курс, спустился снова в каюту начальника.

курс несколько изменили, отклонившись на запад, когда слева на горизонте появилась белая полоса кромки льда.

Приближались к 82-му градусу северной широты. Михаил Гаврилович в ожидании своей вахты не уходил с мостика и рассказывал о том, что „Сибириякову“ в 1932 году, огибая мыс Молотова, удалось достигнуть только $81^{\circ}27'$ северной широты.

Что „Сибирияков“! Первый рекорд был поставлен „Софией“ в 1886 году. Она достигла $81^{\circ}48'$, пройдя через Британский залив и выйдя северо-западнее Земли Франца-Иосифа.

— Это теперь не считается. С тех пор много судов побили рекорд „Софии“. Я знаю: „Наутилус“ Свердруп достиг 82° .

— Точная справка,— вмешался Виленский.— „Наутилус“ до 82° не дошел одной мили. Его широта $81^{\circ}59'$. Так мы уже перекрыли „Наутилуса“, вероятно.

— Смотрите: кажется, станция! — воскликнул Богоров, заметив, что „Садко“ замедлил ход.

Постоянный осведомитель о всех последних новостях из штурманской рубки, Шишкин выбежал к толпившимся на верхней палубе и, словно по секрету, вполголоса сообщил:

— Широта $82^{\circ}06'$.

— Так и есть, „Наутилус“ побит! — громко объявил Виленский.— Сегодня это уже третий рекорд.

Вахтенный матрос никого не нашел в каютах. Все были на палубе. С тех пор как прошли остров Шмидта, люди не уходили с палубы. События нарастали, и никому не хотелось идти в душные каюты.

Станцию закончили быстро. Казалось, все сговорились и работали как можно быстрее. Чистая вода впереди по курсу волновала умы. Скорее бы закончить станцию и идти вперед на север.

Результаты станции больше всего обрадовали гидрологов. Они обнаружили ветвь теплого течения. Было ясно, что это Гольфстрим. Значит, его теплый поток вовсе не кончается у Шпицбергена и даже у Земли Франца-Иосифа, а, огибая их, входит в полярный бассейн.

Выслушав сообщение внешне спокойного Всеволода Александровича Березкина, Зубов потирал руки.

— Прекрасно. Чудесно!.. Хорошо!..

По окончании станции „Садко“ снова взял прежний свой курс — норд-норд-вест.

Несмотря на позднее время, народ остался на палубах. Спорили, разговаривали, часто всматривались на север. Но море попрежнему чисто вперед. Справа попрежнему кромка льда.

— Создается любопытная ситуация. Может быть, до самого полюса — такая же чистота?..

— Мечтатель! У вас богатая фантазия, — обр ДОКУМЕНТАР Горбунов говорившего, — помогите лучше мне промуть трал.

С Горбуновым уходят трое. Разговор продолжается на ту же тему.

Вдруг кто-то замечает, что „Садко“ останавливается.

— Неужели станция?

— Часа не прошло еще.

— Что случилось?

Несколько человек взбегает на мостик.

Скоро они возвращаются вместе с Шишкиным.

У Шишкина перестал работать эхолот.

Шишкин утвердительно кивает головой на вопросительные взгляды, устремленные на него, и поясняет:

— Не понимаю. Эхолот в последнее время не показывал только больших глубин. На небольших глубинах он прекрасно работал. Что случилось, не соображу.

— Эх, ты, брехлолотчик! — укоризненно проговорил Бронтман.

Шишкин кивнул головой.

— На последней станции, час назад, было 400, и эхолот работал.

— Устал твой эхолот. Иди спать лучше, — говорит, смеясь, Остальцев и спускается с мостика.

У правого борта запустили ручной лот.

Тонкий лот быстро пошел в воду, влекомый грузиком. Березкин и Балакишин, склонившись над счетчиком, внимательно следили за маленькими стрелками. 500... 800...

Что такое?..

— Тысяча! Неужели больше тысячи?

— Тысяча двести.

Глубина тысяча двести. Весть эта с быстротою молнии облетела все судно, кают-компанию, лабораторию, кочегарку, камбуз.

Побежали к гидрологам. Ермолаев, взволнованный этим событием, кинулся к своей лебедке и запустил приготовленную для следующей станции трубку Экмана.

Стрелка на циферблате показывает 2100.

Березкин, всегда невозмутимый и спокойный, взволнован не меньше других садковцев.

С трудом протискивается к лебедке Николай Николаевич Зубов.

— 2200! Лот остановился. Грузик дошел до Березкин порывисто хватает за руку Зубова:

— Николай Николаевич, поздравляю! Глубина две тысячи двести метров.

— Спасибо, а это точно?

В это время протискался в толпу Ермолаев.

— Сколько у вас?

— Две тысячи двести.

— У меня столько же. Когда трубка Экмана, запущенная мной, стукнулась о грунт, счетчик показал 2200 с единицами.

Молчание у затаивших дыхание зрителей сменилось радостными восклицаниями, поздравлениями, пожатиями рук.

Две тысячи двести метров! Это означало, что „Садко“ вышел на океанические глубины, оставив за собой материковую отмель с ее небольшими относительно глубинами.

Две тысячи двести метров — это означало, что „Садко“ проник в область абиссальных глубин.

— „Садко“ в Ледовитом океане. Ура! — крикнул кто-то, но его никто не поддержал, так как увидели спускающегося Ушакова.

— А какая широта?

— 82° 14' северной широты.

По решению командования решили, не останавливаясь, идти вперед еще.

„Садко“ заработал винтами и, набирая скорость, пошел на север.

Скоро остался позади последний мировой рекорд „Малыгина“, в 1932 году достигнувшего 82° 27' с. ш. Рекорд свободного плавания в высоких широтах уже за „Садко“.

На палубе, на полубаке, на мостике группы садковцев горячо обсуждают события прошедшего дня.

Сегодня 13 сентября — день побития рекордов.

За один только день мы побили все рекорды, поставленные за последние пятьдесят лет.

— И достигли абиссальных глубин, чего не удавалось никому.

— А „Наутилус“? А „Фрам“?

— „Наутилус“ плавал в районе Шницбергена, это не так показательно. А „Фрам“ дрейфовал во льдах, не имея необходимого научного оборудования.

С наступлением дня на море стала спускаться темная пелена тумана. Впереди показались льды. Можно было разглядеть кромку сплошного льда. Лед был и слева и справа.

Судно остановилось.

Объявили суточную станцию.

Лот показал 2365 метров.

„Садко“ впервые в истории „брал станцию“, полную, комплексную, в районе океанических глубин полярного бассейна.

Взвился вверх алый флаг. Трижды прогудел простуженным басом „Садко“.

Советский ледокол стоял, празднично украшенный разноцветными флагами, одновременно отмечая два события: достижение рекордной широты $82^{\circ} 32'$ и первую, в истории исследований Арктики, всестороннюю научную станцию в районе абиссальных глубин.

В радиорубке Гершевича забросали молниями. Весть об этом большом событии полетела на материк, в „Правду“, „Известия“, в десятки других газет.

Опустились за борт сетки, батометры, тралы. В глубь океана пошли стальные тросы. Поднялся в стратосферу радиозонд.

Трубка Экмана извлекла первый в мире образец морского грунта, бросающий свет на геологию дна Ледовитого океана.

Трал Горбунова вытащил из глубины 2365 метров единственные в мире образцы морских звезд, актиний и рачков. Это первый трал в полярном бассейне.

Первый раз нарушили вечный покой глубин охраняемого неприступными льдами полярного океана.

Горбунов сияет. Горбунова поздравляют.

Состояние садковцев выразил М. М. Ермолзев восклицанием:

— Стоило прожить жизнь, чтобы стать участником такой станции!

Проба, которую вытаскил Ермолаев,—красный ил, свойственный только породам древнейших океанических глубин. Следовательно, предположения о „молодости“ Ледовитого океана—миф. Ледовитый океан не уступает в своем возрасте Атлантическому. И заслуга в разрешении этого спорного вопроса принадлежит „Садко“.

На судне всеобщее ликование.

Вдруг новое известие облетело судно от носа кормы, с мостика до кочегарки.

— Михаил Гаврилович поймал солнце.

— Ну!

— Широта $82^{\circ} 41', 6$.

— Как? Ведь было $82^{\circ} 32'$.

— То было без солнца. А теперь солнце сделало небольшую поправку.

Михаил Гаврилович так же, как и все, вторые сутки не сходил с мостика. Поймав несколько раз выглядывшее на мгновение солнце, он с помощью секстанта определил точное местонахождение „Садко“ и отметил на карте истинную точку.

82 градуса 41 минута и 6 десятых северной широты.

87 градусов 04 минуты восточной долготы.

Корреспонденты бросились в новую атаку на радиорубку.

Поздно вечером 13 сентября „Садко“ закончил двенадцатичасовую комплексную станцию. Надо было торопиться. Увлеченные работой, забыв даже об обеде и ужине, все работали на станции. Но на мостике командир и начальник обеспокоенно следили за наступлением льдов. Температура резко пала. Стало холодно. Туман становился гуще.

Зима наступает

После напряженного волнения, пережитого на незабываемой станции, на рекордной высоте $82^{\circ} 41', 6$ с. ш. „Садко“, выбираясь из ледяного мешка, пошел к югу. Льды, коварно раскрывшие заманчивый проход на север, стали сжимать корабль, идущий в обратный смелый путь. Садковцы снова не замечали зловещих действий стихии. Только на мостике руководитель и штурманский состав беспокойно наблюдали за упорным наступлением льда. Незаметно, медленно могучие

льды стискивали наше судно. Большая полынья, в которой мы стояли, становилась все меньше и меньше. Неожиданно появились покачиваемые сильной рябью мелкие осколки и обломки изъеденного солью льда. Широкий проход — канал на юге, которым „Садко“ победно пробрался в глубь „белого пятна“, снова забаррикадировался тяжелыми многолетними льдами. Настежь открытые ворота закрылись. Надвигалась кромка тяжелого пакового льда.

ДОКУМЕНТАРНО

В кают-компании оживленно обсуждались достижения и неожиданная удача последних дней. Вот уже третьи сутки события так стремительно нарастали, что о сне и отдыхе было забыто. И сейчас не думалось ни о сне, ни о резко изменившейся ледовой обстановке.

Как бы понимая надвигающуюся опасность, с новой силой заработала машина. За кормой забурлила вспененная вода. „Ледокол“ взял курс на юг. „Садко“ уже подошел вплотную к закрывшим проход льдам. На всем протяжении до самого горизонта виднелись льды, торосы. Только далекие темные пятна на небе указывали на наличие чистой воды. Поискав прохода, „Садко“ вошел во льды. Началась ожесточенная, упорная борьба.

Выбраться во что бы то ни стало на чистую воду!

И, повинаясь коротким приказаниям с мостика, ледокол стал пробиваться. Корабль метался. Втискивался в узкие проходы, раздвигая, расталкивая льды. Ломал, крошил, колот. Уткнувшись в непроходимый тупик, он пятился назад, меняя направление, вновь двигался вперед, сокрушая перемишки, и медленно пробился вперед. Знакомая и обычная команда вахтенного штурмана звучала отрывисто:

— Полный вперед! Полный назад! Право руля! Так держаты! Чуть левее!..

Рулевой, расстегнув теплый ватник, крепко держал штурвал, и его короткое „есть“ сливалось с быстрым рокотом поворачиваемого колеса. На лбу его выступили капельки пота, несмотря на свежесть воздуха и резкое похолодание. Он ловил слова команды и направлял высокий форштевень на очередную перемишку или в узкую щель между громадами льдов.

К утреннему завтраку стали вставать выспавшиеся впервые за долгие дни гидрологи, химики, фи-

зики, геологи и другие обитатели нашей пловучей научной станции. „Садко“ шел вдоль кромки льда на юго-запад. С правого борта виднелась сплошная грозная полоса полярного пака. Слева — чистая вода до самого горизонта и „водяное небо“ над ним. После упорной напряженной работы „Садко“ пробился к чистой воде и теперь шел полным ходом вдоль кромки льда, тянувшейся на юг.

— Товарищи! Поздравляю! — воскликнул прибежавший с капитанского мостика Ермолаев. ДОКУМЕНТАРНО

— 80 градусов северной широты и температура 4 градуса минус. Подчеркиваю, товарищи, восемьдесят и четыре!

— Последнее подтверждается посиневшим носом автора очередной утки, — многозначительно проговорил Горбунов со своей обычной лукавой улыбкой.

— Николай Михайлович, — обратился Ермолаев к вошедшему капитану, — удостоверьте, пожалуйста, правильность последних сведений об абсолютных величинах градусов, широты и температуры. Наш маститый биолог не верит.

Николай Михайлович улыбается.

— Почему не 84 градуса и одних только широтных? — басом процедил инженер Дубравин, постоянно недовольный осторожной тактикой командования, избегавшего залезать в тяжелые льды.

— И обязательно северных, — поддержал своего приятеля Ибрагим Факидов, казавшийся еще меньше рядом с громадным Дубравным.

— Вот вместе и получается 84 градуса, товарищ Дубравин, — сказал капитан, принимаясь за завтрак.

“ ”

„Садко“, пройдя 80-й градус, повернул снова к северу. Затем, обследовав оставшийся кусок „белого пятна“ севернее острова Ушакова, пошел на юго-запад к земле Франца-Иосифа. Становилось холоднее. Температура падала все ниже и ниже. Блестящая поверхность воды становилась матовой и шероховатой. Море заметно стыло.

За кормой тянулся широкий темный след, уходящий за горизонт. По кривой этой полосы вычерчивался путь корабля.

Мороз десять градусов. Справа тянется кромка льда. Слева во всем поле зрения поблескивающая чешуя блинчатого льда.

После ужина шуршание о борта ставшего плотным и крупным блинчатого льда было слышно и в каютах, и в салоне, и в машинном отделении. Временами это испещренное красивыми узорами тонкое ледяное покрывало переходило в гладкий, хрустящий, прозрачный, как стекло, лед. „Садко“ легко разрезал в торопливом беге эту ледяную пленку. На крутом форштевне медленно нарастала подушка из смерзающегося льда, вызывая беспокойство капитана, штурманов и опытных полярников. Бег корабля становился медленнее, тяжелее.

Какая величественная и незабываемая картина: стынувшее море!

Так всю ночь. И утро. Только к обеду мы внезапно вышли из этого рождающегося льда на чистую воду. Разительная перемена. После мертвой, неподвижной, матовой поверхности застывшего моря, после глухого шуршания, вдруг живое, темное, блестящее море и веселый плеск волн.

Обратно на юг!

— Товарищи, какие будут вопросы? — привычно произнес после короткого раздумья Володя Ешурин, делая ход, и победно оглядел зрителей.

„Каково?“ — спрашивал он взором окружающих.

— Спасибо „Созкинохронике“! — восторженно воскликнул Вла- сов и торопливо снял оставшегося беззащитным слона. Он сегодня выиграл пять партий под ряд, и промах кинооператора давал ему возможность взять шестую, последнюю, для выигрыша пари.

Улыбку Володи залило краской, заблестели капельки выступившего пота.

— Милай! — поддразнивал его флегматичный Золотарев. — Это тебе не ручку аппарата крутить. Тут мозгами надо пошевелить!

В кают-компани необычайно многолюдно. Ужин давно закончился. Со столов убрано, палуба подметена. Садковцы, занятые обработкой очередного улова и другими работами, неожиданно получили возможность

отдыхать и спать. Вчера была последняя, 107-я станция у острова Визе, после которой „Садко“ повернул на юг, держа курс на Югорский Шар. Можно спать сколько угодно, обедать и ужинать всем вместе. Можно собираться в кают-компании, в лунголке, играть в шахматы или на бильярде. Кстати, вечера и ночи стали настоящими. Не так давно ночью назывался белесый свет пасмурного неба или сидящий над самым горизонтом, сверкающий, как пламя, диск солнца. Теперь же звездное небо, полированный круг луны и ярко мерцающая Полярная звезда радуют, напоминая Большую Землю.

Неподалеку от шахматистов собрались азартные бильярдисты. Кочегар Падчин, прицелившись кием в металлический шар, коротким ударом толкает его. Но качнулся от легкой волны „Садко“, качнулся бильярд, шары покатались по зеленому сукну в лузу.

— Не считается,—хладнокровно проговорил Сергей Лаптев, вытаскивая шары из лузы.

— Назван был один шар, а тут четыре.

За соседним столом сидит, разложив лист миллиметровой бумаги, Гутерман — „прекрасный юноша“, прозванный так за яркую краску, часто заливающую его молодое лицо. Он старательно подытоживает результаты радиозондов, выпущенных им одновременно с полярными станциями бухты Тихой, мыса Желания и острова Диксона.

— Вам, простым смертным, никогда не понять красоты вот этих кривых плавных изгибов, вздымающихся вверх. Ну, разве вы чувствуете вот этот резкий излом изменения температуры! Ведь тут целый комплекс цифр и понятий. Тут и температура, и давление воздуха, и влажность. Вот здесь кончается атмосфера, и начинается тропосфера. А вот выше — уже стратосфера!..

Гутерман водит карандашом, красный от собственного оживления, просвещает довольно равнодушно слушающего Петерсона. В это время подбегает Ваня Попов и, прервав тираду Гутермана, спрашивает:

— Вот я в книге прочел! Как будет вымя во множественном числе?

— Кого ты спрашиваешь? Ведь Гутерман, прежде чем ответить или решить что-нибудь, всегда обращается к советам жены. А ее он еще не скоро увидит.

— И, спросив ее, делает наоборот,— вставляет Горбунов.

Снова смех. Гутерман краснеет еще сильнее. У буфета, не видя ничего и не слыша никого, Устинов мечтательно перетирает вилки и ножи машинкой из двух досок собственного изготовления; машинкой этой он очень гордится. Он подмигивает сам себе и, вычистив очередную вилку, любуется ею на свет. В дальнем углу заснул за книгой, вытянувшись во весь длинный рост, Шишкин, сокращенно „Шишка“.

Беспокойный Ибрагим Факидов перевернул его книгу и обращается к присутствующим:

— Дорогие граждане! Перед вами приверженец древнего китайского философа Конфуция. Товарищ Шишка свято чтит его учение и, следуя заветам своего мэтра, руководствуется следующей короткой истиной:

Лучше ходить, чем бежать,
Лучше стоять, чем ходить,
Лучше сидеть, чем стоять,
Лучше лежать, чем сидеть.
А лучше всего спать!.

— Оставьте! Длинно!— прерывает его Горбунов.— у нас, у русских, есть более мудрые и в то же время более короткие истины. К примеру: „Слово—серебро, молчание—золото“. В данном случае я, не указывая пальцем, намекаю на вас, Ибрагим. Оставь ты нас в покое со своими китайскими премудростями!

В лунголке, у книжных полок расположился профессор Клемин (наш библиотекарь) и, перебирая книжки, выискивал двум кочегарам произведения, удовлетворяющие их вкус. Он терпеливо рассказывал о содержании и языке книжки, об ее авторе, даже прочитывал отдельные отрывки. В противоположном углу разместился наш „первый садковский оркестр струнных и шумовых инструментов“. Правда, шум был представлен в единственном числе заместителем начальника экспедиции Остальцевым, страстным шумовиком. Он с увлечением выколачивал из небольшого пионерского барабана то рассыпную дробь, то мерный такт разучиваемого марша. Давно организованный, но постоянно забываемый в ежедневной горячке деятельной работы, оркестр уже второй месяц бился над „Авиационным маршем“ и традиционным „Светит месяц“.

Эзра Виленский, сидя за пианино, давал тон всему оркестру. Занятие подходило к концу, поэтому он часто переходил с мелодии „Авиационного марша“ на фокстрот из „Кукарачча“ или танго „Черные глаза“, вызывая этим возмущение оркестрантов и чей-то протестующий гром барабанного боя.

Ваня Варламов, выскочив на палубу, заметил опускающийся на море туман и пошел снова в кают-компанию.

— Станция!

Все присутствующие оживились, отрываясь от шахмат, бильярда и книг. Выскочил проснувшийся Шишкин. Знакомый окрик призывал к работе на палубе. Но магическое действие варламовского окрика быстро рассеялось. Вскочившие с мест опять сели.

— Какая может быть станция! Последняя, 107-я станция закончена вчера.

— А ты уверен, что это была последняя? Ведь мы идем на Югорский Шар. Там мы встретимся с „Литке“, с Отто Юльевичем. И, вероятнее всего, пойдем снова на север. Ведь нам еще предстоит Франц-Иосиф и его окрестности!..

— Сейчас задержка только из-за воды и угля!

— Чепуха! Поздно уже. И потом ведь план перевыполнили по всем показателям.

— Выполнить-то выполнили, но еще плавать можно. Чем больше, тем лучше!..

— Шесть тысяч километров за восьмидесятым градусом,— это удается не всякому... И потом станция на широте 82° 42'— это тоже не „лейкой“ щелкнуть, дорогой коллега! Немногим экспедициям удавалось!

Спор был прерван вошедшим Гершевичем—старшим радистом.

— Товарищи! Слушайте, слушайте сейчас последние новости по радио из Москвы. Сима налаживает в рубке приемник и сейчас включит репродукторы.

Сообщение Гершевича было принято восторженно. Известия с материка всегда ожидалось с радостью, нетерпением, и в часы передач последних известий по радио свободные от работ собирались в кают-компанию, в каюты, в радиорубку послушать из Москвы голос станции имени Коминтерна.

Расположились удобнее. Только Ешурия и Власов упорно продолжали играть в шахматы. Зашумел

репродуктор. После непродолжительного шипения и треска вместо Москвы и „Коминтерна“ раздался голос Сима Иванова.

Потом снова хрип... Небольшое потрескивание и из репродуктора понеслось:

Карамболина, Карамболетта!

Я все отдам, чтобы только ты была моя.

— Симка! Опять этот толстый чорт со своей ДОКУМЕНТАР стинкой.

Кто-то схватился за голову, кто-то заткнул уши. Кают-компания зашумела, задвигалась, заволиновалась.

— Товарищи! Надо проучить Иванова... Так безнаказанно потчевать нас „Карамболиной“ в течение трех месяцев, по десятку раз в день — это нетерпимо. Это издевательство!

— Он на вахте! Не тронешь его сейчас!

А из репродуктора все еще лились осточертелые звуки „Карамболины“. На секунду остановившись, они вновь зазвучали с новой силой. Сима повторял пластинку.

— Гимн садковцев слушаете? — язвительно спросил вошедший Николай Николаевич Зубов, обращаясь к публике.

— А вы? — прозвучал чей-то раздраженный вопрос.

Николай Николаевич пожал плечами.

Два дня с Отто Юльевичем

20 сентября

Подошли к проливу Югорский Шар. Густой туман. Стали на якорь. С наступлением темноты, как бы дразнясь, туман на несколько минут подымал молочно-белую завесу, мы видели мигающие огни входных маяков-мигалок.

Только утром 21 с прояснением погоды снялись с якоря и вошли в пролив. К полдню подошли к полярной станции Югорский Шар и бросили якорь. На мостике, как и всегда при подходе к земле, полно народу.

Особенно радостный вид у Анания Остальцева. В 1933 году, будучи начальником этой станции, он блестяще провел здесь зимовку. Он принял деятельное

Отто Юльевич Шмидт в гостях на „Садко“

участие в строительстве маяка-мигалки на острове против станции. Он поставил большую железную мачту радиостанции. Наконец, принял активное участие в организации связи с Чукоткой. Недаром станция Югорский Шар была признана образцовой зимовкой.

Подошли шлюпки со станции. Борясь с приливным течением, они долго бились, пока наконец не пришвартовались у нашего борта. Вслед за ними подошли две утлые лодчонки ненцев. Ненцы были очень рады и обрадованы, увидев Остальцева на борту. Он знал каждого из них по имени, спрашивал о дочерях, сыновьях, о соседях. Вскоре затарахтел наш катер, и целый поезд из буксируемых лодок и шлюпок потащился к берегу. После осмотра благоустроенного, с просторными жилыми домами, прекрасной баней, складами, хозяйства зимовки и рации, обедали вместе с зимовщиками...

Завтра подойдет „Литке“, на нем — Отто Юльевич Шмидт.

22 сентября

— Саша! Садись в шлюпку, грести будешь, — окликнул меня Ушаков.

Радости моей не было предела. Во-первых, я увижу Отто Юльевича; во-вторых, побуду на „Литке“ и поведу с друзьями.

Наконец, мы отчалили. Весь левый борт был запружен садковцами. Меня провожали завистливыми глазами наши корреспонденты.

„Садко“ стоял нарядный и праздничный. Четко выделялся на борту парадный трап. Развевались приветственные флаги.

Когда подходил „Литке“, в ответ на наши приветственные гудки он ответил троекратным гудком и тоже поднял флаги.

И, вероятно по ошибке, но к нашему удивлению, комбинация флажков говорила: „Нахожусь в десятибалльном шторме“. Николаев пошутил даже:

— Поднять, что ли, им совет: „Ложитесь в дрейф“.

Быстро пройдя разделяющую корабли милю, мы подошли к флагману. „Литке“ стояла во всей своей красе, гордо устремив вперед крутой форштевень, переходящий в бугшприт.

Все линии — приподнятый нос, низкая корма, наклоненные назад мачты и труба — выражали стремительность, движение, быстроту. Не верилось, что в этом изящном красавце несколько тысяч лошадиных сил и несокрушимая мощь стальных бортов.

Построенная американцами, эта яхта-ледорез, плавающая под красным вымпелом Страны Советов, вписала не одну блестящую страницу в историю завоевания Арктики. Только год назад она прошла из Владивостока в Мурманск Северным морским путем за одну навигацию. Капитаном этого замечательного рейса был наш Николай Михайлович Николаев, много лет плававший на „Литке“ в восточном секторе Арктики.

Поднявшийся первым, Ушаков, сопровождаемый штурманом, пошел искать Отто Юльевича. Я решил найти Бориса Громова. Не успел я сделать двух шагов, как столкнулся с выходящим из двери Отто Юльевичем. Неожиданно увидев его похудевшим и бледным после болезни, я сильно растерялся.

Пока Отто Юльевич беседовал с Ушаковым, я побывал у Бори Громова, корреспондента „Известий“. Кроме него, на „Литке“ оказалось много знакомых и приятелей.

После продолжительной беседы с Отто Юльевичем Ушаков сделал доклад о нашем походе для всего командного состава „Литке“. В каюту Отто Юльевича набилось много народу. Слушали с большим интересом. Поздравляли с достижениями и рекордами. Недавно оправившийся после болезни, Отто Юльевич был чрезвычайно доволен, шутил, упрекал нас в злонамеренности, когда мы пересекли остров его имени и „даже не задела килем дна“.

— Это значит обокрасть! — улыбаясь, говорил он. — Мало того, вы побили два моих рекорда свободного плавания в высоких широтах, — продолжал шутить Отто Юльевич.

Весь остаток дня Шмидт провел на борту „Садко“. Было много гостей. Литковцы, зимовщики Югорского Шара, сибиряковцы. Я забыл сказать, что к тому времени подошел и бросил якорь недалеко от нас капитан Хлебников, шедший на „Сибирякове“ из Архангельска в Амдерму. Праздничное настроение садковцев сказывалось во всем: и в прибранных катерах, и в свежевыбритых лицах, и в чистеньких костюмах.

В беседе Отто Юльевич кратко дал оценку работы нашей экспедиции. Поход он назвал примерным, классическим, имеющим мировое значение по полученным результатам. Он сказал, что „Садко“, в виду выявившихся прекрасных навигационных и ледокольных качеств, будет превращен в экспедиционное судно для продолжения дела первой высокоширотной экспедиции. Будущим летом он пойдет в следующую высокоширотную экспедицию, в восточный сектор Арктики. ДОКУМЕНТАРНО

— В западном, особенно на севере Карского моря, в районе стертого „белого пятна“ и вновь открытого острова Ушакова, нам делать нечего. „Садко“ изрезал его вдоль и поперек, прощупав до самого дна!

Только поздно вечером Отто Юльевич вернулся к себе на „Литке“. Но приподнятое настроение долго не покидало садковцев, оживленно обсуждавших и высокую оценку проделанной нами работы и известие о возвращении на Большую Землю.

Возвращение

— Пятнадцать миль в час! — возвестил ворвавшийся в ленуголок Шишкин, потирая руки.

— Вот это шуруют ребята! В кочегарке чортово пекло! Стрелка тахометра не сходит с 95. — восторженно рассказывал он.

— На то и финиш! — прервал Шишкина Старков, оторвавшись от книги. — Недаром у нас в штурманской рубке всегда ошибаются, высчитывая время прихода в порт.

— Вероятно поэтому Владимир Иванович Воронин, да и вообще все капитаны сердятся, когда их спрашивают о точном времени прихода в порт, — добавил Сергеев, сидевший за столом „козлятников“, то-есть игроков в домино.

После Югорского Шара, когда Отто Юльевич сообщил об окончании экспедиции и возвращении домой, садковцы, отдохнув, стали чаще собираться в кают-компанию и ленуголке. Веселый шум, разговоры, музыка и песни не мешали работе редколлегии, выпускавшей последний итоговый номер стенной газеты „Высокими широтами“. У судовой библиотеки профессор Клемин разбирал книги.

Дни и ночи стали обычными, нормальными. Работа, отдых, сон правильно чередуются согласно солнцу, уходящему за горизонт и вновь появляющемуся на небе.

Не видно усталых лиц и красных воспаленных глаз. Бодрые, веселые, радостные сознанием выполненных планов и поставленных задач, садковцы пользуются заслуженным отдыхом.

Между тем судно, покачиваясь и дрожа всем корпусом, рассекало свинцовые волны Баренцова моря тринадцатинузловым ходом, ускоряя час прибытия в Архангельск.

Радость возвращения чувствовалась всеми.

С палубы исчезли в опустевший трюм грузы, загромождавшие все ходы и выходы. „Садко“ стал нарядней и чище. Блестели надраенные до блеска медяшки. Протертые тряпками толстые стекла иллюминаторов пропускали в кают-компанию веселые зайчики косых лучей багрового солнца. Исчезли из обихода ватные спещовки, брезентовые куртки и плащи. Рабочие сапоги сменили на ботинки и полуботинки. Этим изменениям предшествовал аврал. Веселый, радостный всеобщий аврал, под лозунгом: „Притти в Архангельск чистыми и блестящими“. На „Садко“ стало просторно. Можно было свободно пробежать с носа до кормы. В радиорубку можно было пройти без эквилибристических упражнений, рискуя либо свалиться за борт, либо наступить на какую-нибудь из журавлевских собак, весьма нервно реагировавших на подобные фокусы. Недаром некоторый контингент садковцев благоразумно вычеркнул радиорубку из числа мест, возможных для посещения. По исчезновении „колбасного завода“, то-есть гирлянд из всевозможных копченостей, свисавших с вантов передней мачты и служивших предметом поползновений и многочисленных шуток палубной команды, принялись за мойку корабля. „Садко“ мыли сверху донизу, от клотика до ватерлинии. На палубе, из надстроек свирепствовали матросы и водолазы, обливая тоннами забортной воды все попадающееся на глаза. Не было уголка, куда бы не достигла сильная струя из пожарных шлангов. Предварительно задрав все трюмы и иллюминаторы, боцман со своей командой в брезентовых рубашках и высоких резиновых сапогах ожесточенно чистил, мыл

и скоблил. Там, где не помогала вода, появлялись щетки, швабры, сода. Вода стекала со всех палуб, журча и переливаясь в такт покачивающемуся на волнах „Садко“.

Водяные струи прыгали, скользили, перекрещивались в воздухе и, упершись в какой-нибудь особенно грязный угол, останавливались на несколько мгновений, чтобы потом вновь перескочить дальше.

Свежел ветер. Шумели разбиваемые форштевень волны. Дрожал „Садко“, рвавшийся вперед пятнадцатипузловым ходом. Поэтому, когда Сима Иванов, подобравшись к патефону, завел свою излюбленную „Карамболину“, никто не обратил внимания. Ветер уносил слова и мелодию „Карамболины“.

При входе в горло Белого моря стали встречаться груженные лесом „иностранцы“ и советские лесовозы.

Завтра, в полночь,— памятная по отходу Чижовка— „ворота“ в Архангельск.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Вступление	3
2. В высокие широты	9
3. Чижовка — Мурманск	13
4. Первые станции	18
5. Люди „Сядко“	23
6. Баренцбург	43
7. Во льдах	53
8. Существует ли Земля Джиланса?	61
9. В Русской Гавани	71
10. Остановка	77
11. Опять на север	84
12. Остров Ушакова	91
13. „Комендант“ острова	102
14. Рассказы Ушакова о Северной Земле	106
15. Незабываемый день	118
16. Зима наступает	125
17. Обратю на юг	128
18. Два дня с Отто Юльевичем	132
19. Возвращение	136

*Северное Государственное Издательство
просит читателей и библиотеки прислать
свои отзывы об этой книге по адресу:
Архангельск, Северодвинская ул., д. 7а
СевГИЗ*

Редактор *К. И. Копачев*

Техред и ннрр. *А. А. Веселовский*

Обложка худ. *В. Г. Постникова*

Уполн. Севобласти № 207

Авт. л. 7,30

Формат 84x108/32

Огнз № 881

Печ. л. 8,75

Слзно в набор 8/IV 1937 г.

Илл. X-1-6

Бум. л. 2,30

Подпис. к печати 21/VII 1937 г.

Тираж 5000

Зн. в б. л. 141120

Знзиз № 903

Цена 2 р. 20 к., переплет 90 к.

Типографии „Сев. Печатник“ УМП Северной области, Волжска, ул. К. Маркса, 70

1958

ДОКУСФЕРА

1958

5 р. 18 к.

482883

ГПБ Русский фонд

37-3
1279

ДОКУСФЕРА

3645/
11